

Рид Томас Майн

В дебрях Южной Африки

Глава I БУРЫ

Гендрик ван Блоом был буром.

Мой юный читатель, не подумай, что я хочу выразить какое-то пренебрежение к минхеру ван Блоому, называя его буром¹. В нашей милой Капской колонии бур это фермер. Назвать человека фермером - не попрек. Ван Блоом и был фермером - голландским фермером на Капской земле, иначе говоря - буром.

Буры Капской колонии сыграли в новейшей истории заметную роль. Мирлюбивые по складу характера, они оказались все же вовлеченными в ряд войн - и с туземцами Африки и с европейцами - и доказали свою доблестью, что мирные люди, когда нужно, умеют сражаться не хуже тех, кто весь смысл своей жизни видит в разбойной воинской славе.

Буров, правда, обвиняли в жестокости, особенно по отношению к туземцам. Обвинение, пожалуй, справедливое. Верно, что они низвели желтокожих готтентотов до положения невольников, но в те времена мы, англичане, вывозили из Гвинеи за Атлантику полные корабли чернокожих, а испанцы и португальцы обратили в рабство американских краснокожих.

Надо к тому же знать и нравы туземцев, с которыми сталкивались капские голландцы. Все, что дикарям приходилось сносить от колонистов, казалось милосердием по сравнению с тем, что они терпели от собственных деспотов.

Это, конечно, едва ли служит оправданием голландцам, поработившим готтентотов, но если принять в соображение все обстоятельства, то какой же морской народ вправе будет назвать их жестокими?

Юный читатель, я многое мог бы сказать в оправдание капских колонистов, но здесь для этого нет у меня места. Могу только заявить, что, по-моему, буры - люди смелые, сильные, здоровые и нравственные, трудолюбивые и мирные. Они поборники правды, друзья республиканской свободы - словом, благородный народ.

Итак, назвав Гендрика ван Блоома буром, разве я проявил этим пренебрежение к нему? Скорее наоборот.

Но минхер Гендрик не всегда был буром. Он мог бы похвалиться более высоким положением, вернее сказать - лучшим образованием, чем то, которое обычно получает рядовой капский фермер, да к этому и некоторой искусностью в военном деле. Родился он в метрополии, а в колонию пришел не бедным искателем счастья, а офицером голландского полка, стоявшего тогда в тех краях.

Военным он оставался недолго.

Некой розовощекой и златокосой Гертруде, дочке богатого фермера, приглянулся молодой лейтенант, и он тоже ее полюбил. Они поженились. Вскоре после их свадьбы отец Гертруды умер, и большая ферма со всем табуном, с готтентотами, курдючными овцами и длиннорогими быками перешла к Гертруде. Это навело ее мужа-солдата на мысль уйти из полка и стать фее-буром, то есть фермером-скотоводом, что он и сделал.

Случилось это за несколько лет до того, как англичане завладели Капской колонией. К приходу англичан Гендрик ван Блоом стал уже в колонии влиятельным человеком и фельдкорнетом² по своему округу, лежавшему в живописной местности, в графстве Грааф-Рейнет. В ту пору он был вдовцом с четырьмя детьми на руках. Его горячо любимой жены, розовощекой, златокосой Гертруды, уже не было в живых.

История расскажет вам, как голландские колонисты, недовольные правлением англичан, восстали против них. Бывший лейтенант, начальник ополчения, сделался одним из видных предводителей повстанцев. История расскажет вам далее, что восстание было

подавлено, а многие замешанные в нем лица казнены. Ван Блоом спасся бегством, но его прекрасное имение в Грааф-Рейнете конфисковали и отдали другому.

Несколько лет спустя мы застаем его в дальнем округе за великой рекой Оранжевой, где он ведет жизнь трек-бура, то есть фермера-кочевника, который не избирает постоянного пристанища, а переходит со своими стадами с места на место, оседая на время там, где ему приглянутся пастбища и плещется вода.

В ту пору я и завел знакомство с ван Блоомом и его семьей. О событиях его прежней жизни я успел уже рассказать все, что знаю, но его история за последующие годы известна мне в мельчайших подробностях. Я слышал ее из уст его родного сына. Рассказы молодого человека были очень занимательны и в то же время поучительны. Они явились для меня первыми уроками по зоологии Африки.

И вот, мой юный читатель, решив, что и для тебя они окажутся поучительными и занимательными, я излагаю их в этой книге. Ты не должен видеть в них один лишь вымысел. Все, что ты прочтешь в этой повести о диких животных, об их образе жизни, повадках, инстинктах, ты должен принимать как списанное с природы. Юный ван Блоом был истинным учеником Природы, и на правдивость его описаний можно вполне положиться.

Утратив вкус к политике, бывший начальник ополчения жил теперь на далекой окраине, можно даже сказать - вне границ колонии, потому что от ближайшего европейского поселения его отделяла добрая сотня миль. Его крааль лежал в округе, примыкавшей к великой пустыне Калахари, которую называют Сахарой Южной Африки. Местность на сотни миль вокруг была необитаема: разбросанные тут и там группы бушменов - дикарей, почти лишенных человеческого облика, едва ли с большим правом можно назвать населением, чем хищных зверей, рыскающих вокруг них.

Я уже сказал, что ван Блоом сделался трек-буром. Фермеры Капской колонии занимаются по преимуществу разведением лошадей и рогатого скота - коров, овец и коз; эти животные и составляют богатство бура. Но у бывшего повстанца осталось теперь совсем небольшое стадо. Попав в "черный список", он лишился бывшего богатства, а кочевое скотоводство на первых порах не принесло ему удачи. Закон об отмене рабства, принятый английским правительством, распространялся не только на негров Вест-Индских островов, но и на готтентотов Калекой земли; поэтому слуги минхера ван Блоома покинули его. Некому было теперь ходить за скотом, и животные стали отбиваться от стада. Иные из них сделались добычей хищников, другие погибли от мора. Табун его поредел от загадочной южноафриканской болезни - "конской хвори", - а отара овец все таяла, расхищаемая гиенами и гиеновыми собаками - симрами.

Так терпел он постоянный урон, пока не осталось у него от силы сто голов лошадей, коров, овец и коз. Все же ван Блоом не считал себя обиженным судьбой. Было у него три славных сына - Ганс, Гендрик и Ян. Была розовощекая, златокосяя дочка Гертруда, точный образ и подобие ее покойной матери. Он связывал с ними надежду на лучшее будущее.

Два старших мальчика были ему уже помощниками в его трудах, того же вскоре можно было ждать и от младшего. Гертруда - или Трейи, как называл ее отец ласкательно, - обещала сделаться со временем отличной хозяйкой. Так что он не был несчастлив и если иногда с печальным вздохом смотрел на дочку, то лишь потому, что маленькая Трейи вызывала в его памяти образ покойной Гертруды.

Нет, Гендрик ван Блоом был не из тех, кто склонен впадать в уныние. Неудачи его не сломили. Он с удвоенным рвением принялся наново ковать свое счастье. Ради себя самого он не стремился бы к обогащению. Он удовольствовался бы той же простой жизнью, которую до сих пор вел. Но его смущала забота о будущем семьи. Не мог он примириться с мыслью, что дети его так и вырастут среди необитаемых степей и не получают образования. Нет, они должны со временем вернуться к людям, должны участвовать в жизни цивилизованного общества. Так он решил.

Но как этого добиться? Хотя так называемая "измена" была прощена ван Блоому и он получил право вернуться в пределы колонии, у него не было к тому возможности. Продав

все свое поредевшее стадо, он не собрал бы достаточно денег, чтобы переехать в город: их едва хватило бы на месяц жизни. Вернуться - значило вернуться нищим! Эти размышления поселяли в нем тревогу. Но они же придавали ему энергию и зажигали желанием преодолеть все препятствия, встававшие на его пути.

Последний год ван Блоом трудился с особенным упорством. Стараясь обеспечить на зиму кормом скот, он засеял большое поле кукурузой и гречихой, и теперь и та и другая дали богатые всходы. Его сад и огород тоже цвели и обещали изобилие фруктов, дынь и разных овощей. Словом, тот кусок земли, на котором временно обосновался бывший повстанец, был теперь оазисом в миниатюре. Из дня в день все с большей радостью ван Блоом взирал на созревающие плоды и посевы. Вновь начинал он мечтать о полном достатке - надеялся, что наступил конец его невзгодам.

Увы! То была обманчивая надежда. Ван Блоома ждал еще долгий ряд испытаний и несчастий, лишивших его почти всего, что у него было, по-новому определивших весь уклад его жизни. Впрочем, эти происшествия едва ли следует именовать несчастьями, так как в конце концов они имели хороший исход.

Но об этом, юный читатель, ты составишь собственное мнение, когда познакомишься целиком с историей приключений трек-бура и его семьи.

Глава II КРААЛЬ

Бывший фельдкорнет сидел перед своим краалем, как называют в Южной Африке усадьбу. Из рта у него торчала огромная пенковая трубка на длинном чубуке. Все буры - курильщики.

Наперекор бесчисленным утратам и невзгодам минувших лет в глазах у него светилось довольство. Его радовал прекрасный вид посевов. Кукуруза уже "налилась молоком", и початки, укутанные в папирусообразную обертку, казались крупными и полновесными. С восхищением слушал он шелест зеленых клиновидных листьев и смотрел на золотые кисти, колеблемые ветром. Сердце фермера согревалось, когда он окидывал взглядом посевы, обещавшие обильный урожай.

Но еще теплее становилось у него на сердце, когда глаза его останавливались на детях. Вот они, все здесь, вокруг него! Ганс - самый старший, степенный, рассудительный - трудится в саду, так хорошо разбитом, в то время как младший, шалунишка Ян - малорослый, но бойкий - поглядывает на брата, и нет-нет, да чем-нибудь поможет ему. Гендрик - запальчивый Гендрик, с жарким румянцем на щеках и светлыми курчавыми волосами - чистит лошадей в "конском краале"; а Трейи, прелестная Трейи, розовощекая, златокося, возится со своей любимицей - полугодовой газелью из породы горных скакунов, чьи яркие глаза милым и чистым своим выражением могут сравниться только с ее собственными глазами.

Да, недаром бывший фельдкорнет радуется всей душой, когда переводит взор с одного своего ребенка на другого. Все они хороши собой, все обладают хорошими задатками. Лишь иногда, когда ему случается остановить глаза на розовощекой, златокосяй Гертруде, у него, как мы говорили, сжимается сердце.

Время, однако, давно превратило его скорбь в мягкую грусть. Вот и сейчас приступ тоски быстро миновал, и лицо фельдкорнета вновь просветлело при взгляде на сыновей, подающих такие добрые надежды.

Ганс и Гендрик уже достаточно сильны, чтобы помогать отцу в его занятиях; да и то сказать, только на их помощь он и мог рассчитывать - на них да еще на Черныша.

Кто же такой Черныш?

Загляните в "конский крааль", и вы там увидите Черныша: он помогает своему молодому хозяину Гендрику оседлать двух лошадей. Приглядевшись, вы решите, что Чернышу лет тридцать; столько ему и есть, но, если бы вы попробовали измерить его рост,

получилось бы четыре фута с небольшим. Он, впрочем, крепко сложен, и объем груди у него почти такой же, как у людей нормального роста. Вы увидели бы также, что лицо у него желтое, хотя по его имени могли бы подумать, что он негр. Вы заметили бы, что нос у него приплюснутый и тонет в круглых щеках, губы очень толстые, ноздри широкие, лицо безбородое, а голова почти безволосая, потому что редкие маленькие клочки кудлатой шерсти, разбросанные по всему черепу, едва ли можно назвать волосами. И вы, конечно, обратили бы внимание на то, как несоразмерно велика у него голова и в соответствии с нею и уши, а в выражении его глаз вам почудится что-то китайское. Словом, вы могли бы отметить в Черныше все характерные особенности южноафриканского готтентота. Однако Черныш не готтентот, хоть и принадлежит к той же расе. Он бушмен.

Как же дикарь-бушмен попал на службу к бывшему фельдкорнету ван Блоому? Об этом я могу рассказать небольшую романтическую историю. Вот она.

Среди диких племен Южной Африки бытует очень жестокий обычай: бросать своих стариков и калек, а часто также больных или раненых на одинокую смерть в пустыне. Дети в пути покидают родителей, и товарищи нередко уходят от раненого, оставив им только на день пищи да кружку воды. Жертвой такого обычая сделался и бушмен Черныш. Вместе с несколькими своими сородичами он отправился на дальнюю охоту и был сильно покалечен львом. Товарищи, решив, что он не выживет, оставили его умирать в голой степи; и он бы, наверно, погиб, если б не наш ван Блоом. Тот, кочуя в степях, набрел на раненого бушмена, забрал его, отвез на свое становище, перевязал ему раны и выходил. Так Черныш оказался на службе у фельдкорнета.

Благодарность, говорят, не очень свойственна его племени, но Черныш проявил себя иначе. Когда все другие слуги разбежались, он не изменил своему хозяину и с той поры сделался для него самым деятельным и полезным помощником. Ведь только он один и остался при ван Блооме, он да девушка-служанка Тотти; она была, как вы догадываетесь, готтентоткой и почти такого же роста и сложения, такого же цвета кожи, как и сам Черныш.

Как мы сказали, Черныш и юный Гендрик взнуздывали двух лошадей. Управившись с этой задачей, они вскочили в седла, выехали из крааля и направились прямо в степь. Их сопровождала пара сильных, свирепого вида собак.

Им надо было, как и всегда в этот вечерний час, пригнать домой коров и лошадей, пасшихся на дальних лугах, потому что в Южной Африке приходится запирачь на ночь стада, чтобы защитить их от хищников. Для этого строятся загоны с высокими заборами - краали. Слово "крааль" однозначно с испанским "corral", и, мне думается, оно ввезено в Африку португальцами; во всяком случае, это слово не туземное.

Краали для скота - важная часть усадьбы бура, почти столь же важная, как его собственный дом, который тоже называют краалем.

Итак, Гендрик с Чернышем уехали за лошадьми и стадом, а Ганс, оставив работу в саду, отправился загонять овец. Овцы паслись в другой стороне, неподалеку от дома, и Ганс пошел пешком, прихватив с собою маленького Яна.

Трейн, привязав своего любимца к столбику, пошла в дом, помочь Тотти приготовить ужин. Ван Блоом остался наедине со своей трубкой, которую он все не выпускал изо рта. Он сидел в полном молчании, хоть и еле сдерживался, чтобы не выразить громким возгласом радость, которую чувствовал, видя, как прилежно трудятся его домочадцы. Всеми своими детьми был он доволен, но, надо сознаться, он питал некоторое пристрастие к запальчивому Гендрику, носившему одно с ним имя и больше остальных походившему на него самого в молодые годы. Отец гордился красивой посадкой Гендрика в седле, и он провожал его взором, пока всадники не удалились почти на милю и там уже потерялись среди стада.

В эту минуту перед глазами ван Блоома появился предмет, сразу приковавший к себе его внимание. В той стороне, где скрылись Гендрик и Черныш, но, по-видимому, дальше, за пастбищем, стлалось какое-то необычное облако. Оно походило на бурый туман или дым, как будто где-то далеко-далеко горела степь.

Неужели пожар? Неужели кто-то поджег кустарник в степи? Или идет туча пыли?

Ветер был не настолько силен, чтобы поднять такое облако пыли, но с виду это была все-таки пыль. Или ее подняли животные? Может быть, появилось в степи большое стадо антилоп, которые двинулись в поиски новых пастбищ? На много миль облако заволокло горизонт, но ван Блум знал, что стадо антилоп нередко захватывает пространство в десятки миль. И все же ему не верилось, что это антилопы.

Он смотрел и смотрел на странное явление, стараясь по-всякому его себе объяснить. Вот облако как будто поднялось в небе выше, походя то на пыль, то на дым огромного пожара, то на рыжую тучу. Идет оно с запада и уже закрыло собой вечернее солнце. Оно прошло заслоном по солнечному диску, и лучи его уже не падают на равнину. Не предвестник ли это страшного бурана или землетрясения?

Такая мысль пронеслась в уме ван Блоома. Завеса не похожа на обыкновенную тучу... не похожа на облако пыли... не похожа на дым. Не похожа ни на что, что доводилось ему видеть раньше. Неудивительно, что им овладели беспокойство и дурные предчувствия.

Вдруг темно-рыжая масса обволокла и стадо на равнине, и ван Блум увидел, как скот заметался с перепугу. Потом показались два всадника и тотчас исчезли в бурой мгле. Ван Блум вскочил, теперь уже не на шутку встревоженный. Что это могло значить?

На возглас, которого он не сдержал, прибежали из дому Тотти и маленькая Трейи; а тут, загнав овец и коз, вернулись и Ганс с Яном. Все смотрели на необычайное явление, но никто не мог сказать, что это такое. Все были в сильной тревоге.

Пока они стояли так и, скованные ужасом, глядели на тучу, из нее вырвались два всадника и пустились галопом по степи прямо к дому. Они неслись во весь опор, но еще не успели они доскакать, как, обгоняя коней, донесся голос Черныша.

- Баас ван Блум! - кричал он. - Спринган идет! Спринган! Спринган!

Глава III САРАНЧА

- А! Spring-haan! - воскликнул ван Блум, разобрав голландское наименование знаменитой перелетной саранчи. - Прыгунки!

Загадка была разрешена. Странная туча, шедшая по степи, оказалась летящей саранчой.

Кроме Черныша, никому из них не доводилось раньше наблюдать это зрелище. Правда, сам ван Блум довольно часто видел саранчу и даже разных пород. В Южной Африке встречается несколько видов этого своеобразного насекомого, однако никогда он не видел ее в таком количестве. А сейчас перед ним была настоящая перелетная саранча, которую случается встретить совсем не так часто, как можно бы заключить по рассказам путешественников. Чернышу саранча была хорошо известна. Когда он так громогласно возвестил о ее прилете, он вовсе не был испуган. Наоборот, его большие, толстые губы расплылись поперек лица в смешной гримасе радости. Инстинкты дикаря забурили в маленьком бушмене. У его народа налет саранчи вызывает не ужас, а ликование - ее появление для туземца желанно, как богатый улов креветок для рыбака из Лиз или как добрый урожай для землепашца.

Радовались и собаки: они лаяли, повизгивали и резвились, словно предвкушая охоту. Когда выяснилось, что это только саранча, у всех сразу отлегло от сердца. Младшие - Трейи с Яном - смеялись, хлопали в ладоши и с нетерпением ждали, чтоб она подлетела поближе. Все были достаточно наслышаны о саранче и знали, что это всего-навсего "прыгунки" - нечто вроде кузнечиков: они не кусаются, не жалят, бояться их нечего.

Даже сам ван Блум сперва нисколько не был озабочен. После тяжелых предчувствий было большим облегчением услышать, что это лишь перелет саранчи, и фермер стал с любопытством его наблюдать, не подумав, что он ему сулит. Но вдруг его мысли приняли иное течение. Он обвел взором свое кукурузное и гречишное поле, свои дыни, свой сад и огород; новая тревога овладела им; в памяти одна за другой всплывали слышанные им истории об этих опустошителях, и, когда встала перед ним вся неприкрытая правда, он весь

побелел, и горький стон сорвался с его губ.

Дети изменились в лице. Они видели, что отца что-то мучает, хоть и не понимали, что. И они жались к нему, не смея ни о чем спросить.

- Погибло! Все погибло! - твердил он. - Весь наш урожай - труды целого года, - все пошло прахом! Ах, мои бедные дети!

- Почему погибло?.. Почему пошло прахом? - спросили в один голос Гендрик и Ян.

- Перелетная саранча! Она сожрет наш урожай - весь как есть!

- Да, правда, - подтвердил Ганс: в книгах по естественной истории, которыми он так увлекался, ему нередко случалось читать о том, какие опустошения производит саранча.

Радостные лица снова омрачила печаль, и дети уже с иным чувством глядели на далекую тучу, так неожиданно затмившую их радость. У ван Блоома были все основания для страха. Если полчище надвинется и осядет на его поля, тогда прощай надежда на жатву. В мгновение ока саранча сгложет всю зелень на его земле. Она не оставит на своем пути ни стебелька, ни листика, ни соломинки.

Все стояли, с мучительным беспокойством следя за движением тучи. Ее отделяло от них еще добрых полмили. Казалось, она вовсе и не приближается. Хорошо бы!

Луч надежды зажегся в душе ван Блоома. Фермер снял свою широкополую поярковую шляпу и подержал ее в протянутой руке. Дул северный ветер, а туча была сейчас на запад от крааля. Саранча надвигалась с севера, как это почти всегда бывает в Южной Африке.

- Да, - сказал Гендрик, который побывал в самой гуще саранчи и знал, в какую сторону движется полчище, - она идет с севера. Когда мы повернули коней и помчались галопом домой, мы быстро ушли от нее, и она, как видно, летела не за нами вслед; я уверен, что она летит к югу.

Ван Блум утешался надеждой, что, поскольку на север от крааля горизонт чист, саранча, возможно, пройдет стороной, минуя его ферму. Он знал, что обычно она идет по ветру. Пока ветер не переменится, она не сворачивает со своего пути. Жадно всматривался он вдаль. Кромка тучи, видел он, не приближается. Надежды крепили. Его лицо просветлело. Дети, заметив это, радовались, но ничего не говорили. Все стояли молча, смотрели, что будет.

Странное это было зрелище. Стоило понаблюдать не только за тучей насекомых. В воздухе над ней сновало множество птиц - странных птиц разных пород. На бесшумных, медленных крыльях реял бурый орику, самый крупный из африканских грифов; а рядом с ним - желтый стервятник, ястреб Кольбе. Парил на широко развернутых крыльях бородастый коршун. Клекотал большой кафрский орел, и бок о бок с ним кривлялся смешной короткохвостый фигляр. Там были соколы всяких размеров и окрасок, коршуны, рассекавшие воздух, во'роны и воро'ны и множество видов насекомоядных. Но всех больше было здесь маленьких рябеньких птичек, напоминавших ласточку. Мириады их темнили воздух, сотни их непрестанно ныряли в тучу насекомых и вновь взмывали ввысь, каждая с добычей в клюве. У англичан эта птичка зовется саранчовым грифом, но она не принадлежит к роду грифов. Питается она исключительно насекомыми, и наблюдатели никогда не встречали ее в местах, где не водится саранча. Она следует за саранчой во всех ее перелетах, свивая гнезда и выводя птенцов вблизи от своей добычи.

Да, зрелище было любопытное - это сонмище крылатых насекомых и их бесчисленных врагов. Люди стояли и глядели дивясь. Нет, живая туча нисколько не приближалась, и надежда ван Блоома крепла.

Туча в самом деле двигалась к югу и теперь заволакивала на западе весь горизонт. Было видно, как она постепенно опадала, как ее верхняя кромка мало-помалу опускалась, очищая небо. Значит, саранча уходила на запад? Нет.

- Они устраиваются на ночлег, мы их теперь наберем полные мешки! - сказал с довольным видом Черныш.

Для него саранча составляла лакомство, и он готов был пожирать ее с таким же рвением, как орел и коршун или даже сам саранчовый гриф.

Как сказал Черныш, так и случилось. Туча действительно осела на равнину.

- Солнца нет - они не летают, - продолжал бушмен. - Слишком холодно. Они до утра как мертвые.

Так оно и вышло. Солнце закатилось, холодный ветер ослабил крылья маленьких кочевников и принудил их заночевать на деревьях, кустах и траве. Несколько минут - и темного тумана, только что застилавшего весь горизонт, не стало видно; но равнина вдали приобрела такой вид, точно по ней прошел пожар. Ее густо покрыли тельца насекомых, и, сколько глаз хватал, вся она почернела. Птицы-попутчики, почуяв приближение ночи, подняли крик, потом разлетелись во все стороны. Одни опустились на скалы, другие укрылись в низких зарослях мимозы, и вот через короткое время на земле и в воздухе все смолкло.

Ван Блоом беспокоился о своем скоте. Силуэты животных вырисовывались далеко в степи, покрытой саранчой.

- Дай им немного подкормиться, баас, - посоветовал Черныш.

- Чем подкормиться? - спросил хозяин. - Не видишь разве - вся трава завалена этой нечистью!

- Самими прыгунками, баас, - ответил бушмен. - Хороший корм для большого быка, лучше, чем трава, лучше даже, чем кукуруза.

Но поздний час не позволял оставлять дольше скот в степи: скоро выйдут на прогулку львы - возможно, из-за саранчи раньше обычного, потому что и царь животных не брезгает наполнить свой желудок этими насекомыми, когда удастся набрести на них. Ван Блоом счел необходимым поскорее загнать свой скот в крааль. Оседлали третьего коня, и начальник ополчения сам сел в седло и выехал в степь, взяв с собой Гендрика и Черныша.

Необычайная картина представилась их глазам, когда они приблизились к саранче: красные тельца покрывали землю толстым слоем, иногда в несколько дюймов толщины. Всю листву, все ветви кустов гроздьями облепила саранча. Не осталось ни листика, ни травинки, не покрытых насекомыми. Саранча была неподвижна, словно в оцепенении или во сне. Вечерний холод лишил ее способности летать.

Но самым странным в глазах ван Блоома и Гендрика было поведение их собственных лошадей и коров. Они паслись неподалеку, в самой гуще уснувшего неприятеля, но нимало не были этим встревожены. Они жадно набирали в рот насекомых и мололи их в зубах, точно зерно. Сколько их ни гнали, они нипочем не хотели уходить с пастбища; и только рычание льва, разнесшееся в тот час по степи, да кнут, пущенный в ход Чернышем, сделали их более послушными, и они наконец дали загнать себя в краали и расположились на ночлег.

Глава IV

БЕСЕДА О САРАНЧЕ

Тревожно протекала ночь в краале ван Блоома. Если ветер повернет на запад, утром саранча непременно покроет сад и поля, и тогда весь урожай погиб. Или хуже того: саранча, возможно, истребит зелень во всей окрестности, миль на пятьдесят, а то и более. Чем он тогда прокормит свой скот? Непросто будет уберечь его. Коровы могут передохнуть раньше, чем удастся перегнать их на какое-нибудь пастбище.

Такой исход представлялся вполне вероятным. В истории Капской колонии было немало случаев, когда бур после налета саранчи терял свое стадо. Неудивительно, что ночь в краале трек-бура протекала тревожно. Время от времени ван Блоом выходил во двор проверить, не переменялся ли ветер. До позднего часа перемены не замечалось. Дул по-прежнему легкий ветерок с севера - из великой пустыни Калахари, откуда, по всей видимости, и прилетела саранча. Ярко светила луна, и свет ее мерцал над темным полчищем насекомых, покрывшим степь. Доносилось рычание льва вперемежку с пронзительным лаем шакалов и сумасшедшим хохотом гиены. Эти и многие другие звери радовались богатому пиршеству.

Видя, что ветер не меняется, ван Блум немного успокоился, и они стали разговаривать о саранче. Больше всех рассказывал Черныш, так как он лучше других был знаком с предметом, видел в жизни не первый налет саранчи и съел ее не один бушель⁴. Но откуда она появилась, Черныш не знал. Он никогда не задавался этим вопросом. Ответ на него предложил начитанный Ганс.

- Саранча, - сказал он, - приходит из пустыни. Она откладывает свои яички в песок или в пыль; там они и лежат, покуда не выпадут дожди и не начнет усиленно расти трава. Тогда из яичек вылупляются личинки саранчи, которые на первых порах питаются этой травой. Истребив ее, они по необходимости пускаются на поиски нового корма. Отсюда миграции, как называют такие походы.

Объяснение показалось понятным.

- А я вот слышал, - заговорил Гендрик, - будто фермеры, чтобы не пропустить саранчу, раскладывают вокруг посевов костры. Но разве костры удержат саранчу, даже если сделать настоящий огненный забор вокруг поля? Ведь она крылатая и может легко пролететь над огнем.

- Костры разводят, - ответил Ганс, - в расчете, что дым не даст саранче опуститься на поле; но чаще их разводят против бескрылой, так называемой пешей саранчи. Это, собственно, не сама саранча, а ее личинки, у которых не отросли еще крылья. Пешая саранча тоже пускается в поиски корма и нередко производит больше опустошений, чем взрослые насекомые, которых мы видим сейчас. Она передвигается по земле ползком и, прыгая наподобие кузнечиков, идет все время в одном направлении, следуя инстинкту, побуждающему ее держаться определенного курса. Ничто не может остановить неукротимое движение вперед, пока саранча не придет к берегу моря или какой-нибудь широкой и быстрой реке. Маленькие реки она переплывает, да и большие тоже, если течение в них медленное. Нигде не сворачивая, всползает она на заборы, на дома, даже на дымовые трубы и, перейдя преграду, продолжает свой путь в том же направлении. При попытках перейти широкие и быстрые реки она тонет в несчетных количествах, и река сносит ее в море. Небольшие скопления саранчи фермерам иногда удается задержать посредством огня, как ты и слышал, Гендрик. Но когда саранча появляется в большом числе, тогда и от огня не будет проку.

- Но как же это так, брат? - допытывался Гендрик. - Ту саранчу, о которой ты рассказываешь, можно, сам говоришь, остановить при помощи костров - это и понятно, она бескрылая. Только как, в таком случае, она проходит через огонь? Перепрыгивает?

- Нет, по-другому, - отвечает Ганс. - Костры разводят слишком большие и широкие, их не перепрыгнешь.

- Как же они проходят, брат? - спросил Гендрик. - Мне невдомек.

- И я не понимаю, - сказал маленький Ян.

- И я, - добавила Трейи.

- Сейчас объясню, - продолжал Ганс. - Миллионы насекомых ползут прямо в огонь и гасят его.

- Ого! - вскричали все разом. - И они не сгорают?

- Сгорают, конечно, - ответил Ганс. - Они обугливаются и гибнут целыми мириадами. Но их бессчетные тельца забивают костры. Передние ряды великого полчища приносятся в жертву, и остальные проходят невредимо по трупам погибших. Итак, вы видите, даже огонь не может остановить саранчу, когда она многочисленна. Во многих местностях Африки, там, где туземцы занимаются земледелием, едва разнесется весть, что начался перелет саранчи и что она идет на их поля и сады, среди жителей поднимается настоящая паника. Они знают, что неизбежно лишатся урожая, и потому налет саранчи внушает им не меньший ужас, чем землетрясение или другое стихийное бедствие.

- Нам ли не понять их чувства! - заметил Гендрик и многозначительно переглянулся с другими.

- Крылатая саранча, - продолжал Ганс, - по-видимому, не так неуклонно следует

взятому направлению, как ее личинки. Она держится по ветру. Зачастую ветер сносит ее всю в море, где она погибает массами. Случалось, находили мертвые тельца саранчи, прибитые обратно к берегу в невероятных количествах. В одном месте море выбрасывало их на отмель, пока не выросла гряда в четыре фута высоты и пятьдесят длины. Некоторые известные путешественники утверждали, что трупный запах, пропитавший воздух, чувствовался в полтора миль от берега!

- Ну да! - сказал маленький Ян. - Не поверю я, что у кого-нибудь такой хороший нюх.

При этом замечании все дружно рассмеялись. Только ван Блум не разделял веселья. Его лицо стало к этому часу совсем хмурым.

Чернышу тоже было что порассказать о саранче.

- Бушмен не боится прыгунка, - говорил он: - у бушмена нет сада, нет кукурузы, нет гречихи - нет ничего, что ест прыгунка. Бушмен сам ест саранчу. Все едят прыгунка. Все жиреют в налет саранчи. Го-го! Славный прыгунка!

Замечание Черныша было, в сущности, верным. Саранчу едят почти все виды животных, какие водятся в Южной Африке. Ее с жадностью пожирают не только плотоядные, но и другие звери и птицы. Антилопы, куропатки, цесарки и дрофы и, как ни странно покажется, даже самый крупный из зверей - слон-исполин совершает путешествия за много миль, чтобы только поживиться на перелетах саранчи. Домашняя птица, овцы, лошади и собаки жрут ее столь же охотно. И еще одна странная вещь - саранча сама ест саранчу! Если среди прыгунков появляется раненый, то другие немедленно накидываются на него и съедают. Бушмены и прочие африканские народы едят саранчу не в сыром виде, а сперва варят ее или жарят.

Иногда, хорошенько высушив, ее толкут в муку и потом, замешивая на воде, изготовляют из нее особого рода варено. Хорошо провяленная саранча сохраняется очень долго, и для беднейших дикарей она порой составляет весь запас пищи на целых полгода.

Многие племена, в особенности те, что не знают земледелия, встречают нашествие саранчи, как праздник. Снарядившись в путь с мешками, а нередко и с упряжкой волов, люди отправляются всей деревней собирать саранчу, и в таких случаях ее ссыпают горами и запасают впрок - совсем как зерно.

В разговорах обо всем этом проходит вечер, пока не настало время ложиться спать. Ван Блум еще раз вышел узнать направление ветра, потом заперли в краале дверь, и все улеглись.

Глава V

НАЛЕТ САРАНЧИ

Ван Блоому не спалось. Беспокойство гнало от него сон. Он ворочался, метался и думал о саранче. А если и засыпал на минутку, то видел во сне саранчу, сверчков, кузнечиков и всякого рода больших долгоногих, пучеглазых насекомых. Он обрадовался, когда первый луч света проник в маленькое оконце его комнаты. Он вскочил с кровати и, едва дав себе время одеться, выбежал на воздух. Было еще темно, но это не помешало понять, откуда дует ветер. Не понадобилось даже подбросить перо или поднять шляпу, истина и так была слишком ясна. Дул сильный ветер - и дул с запада! Не помня себя, ван Блум побежал дальше, чтоб удостовериться, что не ошибся. Выбежал за ограду, окружавшую крааль и сад. Здесь он остановился еще раз и проверил, откуда дует ветер. Увы, первое впечатление не обмануло его. Дуло прямо с запада прямо от саранчи. Он улавливал запах ненавистных насекомых; не оставалось места для сомнений. Подавив стон, фермер вернулся в дом. Больше он не надеялся избежать страшного нашествия. Первой его заботой было собрать все, что было в доме полотняного - белье, одежду, куски холста - и заложить в фамильные сундуки. Почему? Неужели он опасался, что саранча поест материю?

Да, опасался - эта прожорливая тварь не гнушается ничем. У нее нет в еде каких-либо пристрастий. Горький лист табака ей, видимо, так же по вкусу, как сладкий и сочный стебель

кукурузы. Полотно, хлопчатобумажную ткань и даже фланель она пожирает, как будто это нежные побеги зелени. Камень, железо да самое твердое дерево - вот, пожалуй, все, что оставляют нетронутым ее жадные челюсти. Ван Блум об этом слышал, Ганс читал, а Черныш знал по собственному опыту. Поэтому то, что могло пострадать от саранчи, было предусмотрительно убрано; потом приготовили завтрак и в молчании съели его. На всех лицах лежала печаль, потому что глава семьи сидел безмолвный и подавленный.

Несколько коротких часов - и такая перемена! Еще накануне вечером ван Блум и его маленькая семья наслаждались полнотой счастья...

Оставалась последняя, но очень слабая надежда. Что, если, на счастье, пойдет дождь? Или день окажется холодным? И в том и в другом случае, сказал Черныш, саранча не сможет расправить крылья - в холод и дождь она не летает. Если день выдаться холодный или сырой, она не поднимется, а потом ветер, возможно, опять переменится. О, хлынул бы ливень! Или день оказался бы холодный и облачный! Тщетное желание, тщетная надежда! Лишь полчаса прошло после того, как встало яркое африканское солнце, а его горячие лучи уже обогрели спящее воинство и вернули его к жизни. Насекомые начали ползать, подскакивать, и вот, точно по единому импульсу, мириады их поднялись в воздух. Ветер направил их полет в ту сторону, куда он дул, - в сторону обреченного кукурузного посева.

Через пять минут - и даже меньше - после того, как саранча взлетела, она была над краалем, и начала десятками тысяч оседать на окрестные поля. Полет ее был медлителен, спуск мягок, и тем, кто снизу наблюдал за ней, представлялось, будто падает большими перистыми хлопьями черный снег. За несколько мгновений она покрыла собою всю землю. Каждый початок кукурузы, каждое растение, каждый куст нес на себе сотни насекомых. До края равнины, насколько хватал глаз, все пастбища были густо усеяны саранчой; она направила свой полет уже на восток от дома, и солнечный диск снова померк, застланный тучей.

Саранча подвигалась как бы эшелонами: тыловые отряды все время перелетали на передовую линию и затем, сделав привал, кормились до тех пор, пока их, в свою очередь, не обогнали задние, двигавшиеся тем же порядком.

Не менее любопытен был шорох, производимый их крыльями: он напоминал непрерывный шелест ветра в лиственном лесу или шум воды под мельничным колесом.

Перелет саранчи над фермой длился два часа. Почти все это время ван Блум и его семья просидели в доме, затворив двери и окна: неприятно было оставаться во дворе под ливнем насекомых, которых ветер нередко швырял в лицо с такой силой, что делалось больно. Но, помимо того, не хотелось давить ногами непрошенных гостей, а без этого нельзя было и шагу ступить из дому, потому что земля была покрыта сплошным слоем саранчи. Все же немало ее заползло внутрь дома сквозь щели в двери и окне, и она с жадностью набрасывалась на все предметы растительного происхождения, какие случайно остались неубранными.

Через два часа ван Блум выглянул наружу. Саранча почти вся уже пролетела. Снова светило солнце, но что оно освещало! Не зеленые поля и цветущий сад, нет. Вокруг дома со всех сторон - с севера, с юга, с востока и запада глазам представлялась только черная пустыня. Не видно было ни былинки, ни листика - даже кора на деревьях была обглодана, и теперь они стояли, словно убитые карающей дланью. Если бы прошел по земле степной пожар, он не мог бы оставить большей наготы и разора. Не было сада, не было гречишных и кукурузных полей, не было больше фермы - крааль стоял среди пустыни! Не передать словами, что почувствовал в ту минуту ван Блум. Не описать пером его мучительных переживаний. За два часа такая перемена! Он едва верил глазам, едва верил в реальность случившегося. Он знал, что саранча пожрет его кукурузу и гречиху, овощи и плоды, но воображение его не в силах было нарисовать такую картину полного опустошения, какую явила действительность! Весь ландшафт преобразился - травы не было и в помине, деревья, нежная листва которых всего лишь два часа назад играла на легком ветру, теперь стояли мертвые, оголенные хуже, чем зимой. Сама земля точно изменила свои черты. Ван Блум не

узнавал своей фермы. Если бы владелец был в отлучке, когда здесь пролетала саранча, и вернулся, не предупрежденный о случившемся, он, конечно, не признал бы мест, где жил.

С флегматичностью, свойственной его народу, ван Блум опустил на скамью и долгое время сидел так, безмолвный и недвижимый. Дети подходили, глядели на него, и юные их сердца сжимались от боли. Они не могли до конца понять, в какое трудное положение поставило их это событие; отец и тот не сразу понял. Он думал сперва лишь об ущербе, нанесенном гибелью прекрасного урожая; эта потеря и сама по себе, если вспомнить, как уединенно жил ван Блум и как мало было у него надежды восстановить утраченное, явилась для него большим бедствием.

- Пропало! Все пропало! - воскликнул он горестно. - Ох, судьба, судьба! Снова ты жестока ко мне!

- Папа, не горюй! - сказал мягкий голосок. - Мы все живы, все подле тебя. И при этих словах маленькая белая ручка легла ему на плечо.

То была ручка его милой Трейи.

Точно улыбнулся ему ангел. Ван Блум взял девочку на руки и в приливе нежности прижал ее к сердцу. И на душе у него потеплело.

Глава VI

ЗАПРЯГАТЬ - И В ПУТЬ!

Ван Блум знал, что не может предоставить свое спасение "деснице Божьей". Не так он был воспитан. Он тотчас же взялся за дело, чтобы выйти из неприятного положения, в какое поставил его налет саранчи.

Нет, положение было хуже, чем неприятное, как начал теперь понимать ван Блум, - положение было губительное! Чем больше думал он, тем тверже убеждался в этом.

Вот они одни среди черной, голой равнины, на которой, куда ни глянь, нет зеленого пятна. Как далеко тянется она в такой наготе, он не мог определить, но он знал, что перелеты саранчи опустошают иногда пространства на тысячи миль. Не приходилось сомневаться, что этот перелет, разоривший его ферму, был из самых мощных.

Стало ясно, что оставаться в краале нельзя. Лошади, коровы, овцы не могут жить без корма, а если погибнет скот, чем существовать самому фермеру с семьей? Он должен бросить крааль. Должен отправиться в поиски пастбища, не теряя времени, немедленно! Животные, обеспокоенные тем, что их не выпустили в привычный час, уже на все лады поднимали свои голоса. Вскоре они почувствуют голод, и трудно сказать, когда удастся их накормить.

Нельзя было мешкать. Каждый час был дорог - не следовало терять лишней минуты даже на раздумье.

Ван Блум уделил размышлениям всего лишь несколько минут. Оседлать самого быстрого из своих коней и пуститься одному на поиски пастбища? Или лучше сразу заложить фургон и отправиться в дорогу со всем добром?

Он избрал второе. Все равно приходится оставить обжитое место, бросить свой крааль. Если уехать сперва одному, он, возможно, не так скоро найдет место, где есть и трава и вода, а скот его тем временем будет страдать от голода.

Это соображение, да и ряд других склонили ван Блоома к тому, чтобы сразу же заложить фургон и пуститься в дорогу - с табуном, со стадом, с отарой, со своим добром и всей своей семьей.

- Запрягать - и в путь! - прозвучала команда.

И Черныш, гордившийся славой хорошего кучера, замахал своим бамбуковым кнутом, похожим на длинное удилище.

- Запрягать - и в путь! - подхватил Черныш, привязывая к своей двадцатифутовой трости новый ремень, который он недавно сплел из шкуры антилопы каамы. - Запрягать - и в путь! - повторил он, щелкая кнутом так громко, точно стрелял из пистолета. - Да, баас, я

сейчас запрягу!

И, уверившись, что бич хорошо прилажен, бушмен прислонил кнутовище к стене дома и пошел в коровий крааль отбирать волов для упряжки.

Сбоку подле дома стоял большой фургон - неременная принадлежность и гордость каждой капской фермы. Это был первоклассный экипаж под парусиновым верхом, послуживший фельдкорнету еще в его лучшие дни, экипаж, в котором он, бывало, возил жену и детей на увеселительные прогулки. В те дни в фургон впрягали цугом восьмерку отличных лошадей. Увы! Теперь их место предстояло занять волам, ибо весь табун ван Блоома составляли только пять коней, а они нужны были под седло. Но фургон был почти так же хорош, как и в давние годы, когда на него поглядывали с завистью все соседи из Грааф-Рейнета. Никаких поломок, все на своем месте. Все так же хорош белоснежный парусиновый верх с клапанами - передним и задним - и внутренними "карманами", все в исправности: и изящно выгнутые колеса, и удобные козлы, и диссельбом5, и крепкий тректоуб из буйволовоy кожи. В целости и сохранности все, чему полагается быть у фургона. Он и в самом деле составлял лучшее из всего, что сохранилось у бывшего фельдкорнета, да и стоил не меньше, чем все коровы, быки и овцы на его ферме.

Пока Черныш и Гендрик вылавливали двенадцать упряжных волов и привязывали их к диссельбому и тректоу, сам баас занялся погрузкой мебели и пожитков, в чем ему помогали Ганс и Тотти, а также Трейи и маленький Ян.

Дело это было нетрудное. Скарб, заполнявший маленький крааль, был невелик, и его быстро погрузили, частью уложив внутри просторного экипажа, частью привязав снаружи.

За какой-нибудь час фургон был нагружен, волы запряжены, лошади оседланы, и все было готово, чтобы двинуться в путь.

И тут встал вопрос: куда?

До сих пор ван Блоом думал только о том, что нужно сняться с места и уйти за пределы лежавшей вокруг него оголенной степи. Теперь же необходимо было решить, в какую сторону держать им путь, - вопрос достаточно трудный. Двинуться туда, куда полетела саранча? Или туда, откуда она явилась? И в том и в другом случае пришлось бы пройти десятки миль, покуда встретишь хоть клочок травы для голодных животных; скот не выдержит и погибнет.

Или двинуться в другом каком-либо направлении? Но что, если они встретят траву, но не найдут воды? Без воды оказывалась под угрозой не только жизнь животных, но и собственная их жизнь. Итак, было очень важно выбрать правильный путь.

Сперва ван Блоом надумал было податься в сторону поселений. Если двинуться туда, ближайшую воду они нашли бы примерно в пятидесяти милях на восток от краала. Но в этом направлении только что пролетела саранча. Она успела, конечно, опустошить всю местность - вплоть до реки Оранжевой, а может быть, и дальше. Было бы крайне рискованно направиться в ту сторону.

На север лежала пустыня Калахари. Податься туда - об этом нечего было и думать. Ван Блоом не знал ни одного оазиса в пустыне. К тому же саранча явилась как раз с севера. Когда ее впервые увидели, она летела к югу и притом, очевидно, долгое время - значит, успела опустошить в этом направлении равнину на большом пространстве. Ван Блоом прикидывал, что сулит им запад. Правда, враждебное полчище шло как раз оттуда, но ван Блоом полагал, что сперва оно надвинулось с севера и только внезапная перемена ветра заставила его свернуть со своего пути. Ван Блоом думал, что, подавшись на запад, он вскорости выберется из полосы опустошения.

О западной части равнины ему было кое-что известно - немного, правда, но все же он знал, что милях в сорока к западу от фермы есть родник с хорошей водой, а вокруг него - недурное пастбище. Он его открыл, разыскивая своих коров, которые, отбившись от стада, забрели однажды в такую даль. У него тогда явилась мысль, что здесь, пожалуй, лучшее место для скота, чем вокруг его фермы, и он не раз подумывал перебраться к источнику. Не сделал он этого лишь потому, что не хотел забираться в такую глушь. Он и без того жил

далеко от поселений, но хотя бы мог поддерживать с ними связь. Если же обосноваться еще дальше, это станет крайне затруднительным. Но теперь, когда явились новые веские соображения, мысли его снова обратились к роднику, и, пораздумав как следует еще несколько минут, ван Блоом решил двинуться на запад.

Чернышу приказано было держать к западу. Бушмен мигом вспрыгнул на козлы, щелкнул мощным кнутом, выправил свою длинную упряжку и тронулся в путь по равнине. Ганс и Гендрик уже вскочили в седла и, очистив с помощью собак краали от всякой живности, погнали впереди себя мычащий и блеющий скот. Трейи и маленький Ян сидели подле Черныша на козлах, и можно было увидеть, как из-под парусинового верха выглядывает с любопытством, поводя большими круглыми глазами, хорошенький горный скакун. Окинув последним взглядом свой опустевший крааль, ван Блоом натянул поводья и поскакал на коне вслед за фургоном.

Глава VII

"ВОДЫ! ВОДЫ!"

Маленький караван продвигался отнюдь не в безмолвии. Почти непрерывно слышались окрики Черныша и щелканье его кнута. Это щелканье разносилось по равнине на добрую милю, точно раскаты мушкетных выстрелов. Громкие возгласы Гендрика тоже создавали изрядный шум; и даже тихий обычно Ганс по необходимости должен был кричать во весь голос, чтобы скот шел куда надо. Время от времени Черныш подзывал мальчиков помочь ему управиться с головными волами, когда те из упрямства или по лени вдруг останавливались или же норовили свернуть с пути. Тогда либо Ганс, либо Гендрик скакал вперед, выравнивал волов, шедших во главе упряжки, и угощал их своим ямбоком.

Ямбок для строптивного вола - жестокий палач. Это эластичный, выделанный из шкуры носорога (или, еще лучше, из шкуры бегемота) кнут примерно в шесть футов длиной, постепенно суживающийся от ручки к концу.

Всякий раз, когда головным волам случалось заартачиться, а Черныш не мог дотянуться до них длинным фоорслагом⁷, Гендрик был рад пощекотать их своим тугим ямбоком; этим он держал волов в страхе и повиновении.

И получалось так, что почти все время одному из мальчиков приходилось скакать во главе каравана.

В Южной Африке воловью упряжку сопровождает обычно конный вожатый. Правда, у ван Блоома, с тех пор как сбежали от него слуги-гуттентоты, волы приучены были тащить фургон без вожатого, и Черныш проехал не одну милю с помощью только лишь своего длинного кнута. Но после налета саранчи все вокруг имело такой необычный вид, что волы робели и дичились; к тому же саранча стерла все колеи и тропки, по которым они могли бы идти. Равнина была вся одинакова - нигде ни следа, ни меты. Даже сам ван Блоом с трудом узнавал черты местности и должен был держать путь по солнцу.

Гендрик скакал большей частью подле головных волов. Ганс, когда стадо наконец тронулось в путь, гнал его дальше без особого труда. Страх побуждал животных держаться кучно, а так как не было по сторонам травы, которая соблазняла бы их разбредаться, они шли хорошо.

Ван Блоом ехал во главе каравана, указывая дорогу. Ни он и никто из членов его семьи не переоделись в дорогу и пустились в путешествие в своем обычном платье. Сам ван Блоом был одет, как одеваются по большей части буры: на нем были широкие кожаные штаны, называемые в этой местности кракерами, длинный, просторный сюртук из зеленого сукна с глубокими наружными карманами, жилет из шкуры молодой антилопы, белая поярковая шляпа с широченными полями, а на ногах - полусапожки африканской некрашеной кожи, известные среди буров под названием "фольтскунен", то есть "деревенские башмаки". Через седло его был перекинут леопардовый каросс - плащ, а на плече висел его верный громобой большое ружье чуть ли не в сажень длиной, с замком старинного образца, весьма изрядный

груз. На это ружье бур возлагает все свои надежды; житель американских девственных лесов, наверно, рассмеялся бы, взглянув на подобное оружие, но, познакомившись хоть немного со страной буров, он изменил бы свое мнение. Его собственное короткоствольное ружьецо, заряжаемое пулей не больше чем с горошину, принесло бы немного пользы в охоте на крупную дичь. В африканских степях не меньше истых охотников и смелых зверобоев, чем в лесах и прериях Америки.

На левом боку у ван Блоома висел, высываясь острым концом из-под руки, огромный гнутый рог для пороха - самый большой, какой только можно снять с головы африканского быка. Ван Блоом вывез его из страны бечуанов, хотя и на Капской земле почти все быки отличаются необычно длинными рогами. Ван Блоому этот рог служил, как сказано, пороховницей; набитый до краев, он вмещал фунтов шесть, не меньше. Патронташ из шкуры леопарда под правой рукой, охотничий нож за поясом и большая пенковая трубка, заправленная под ленту на шляпе, довершали снаряжение трек-бура ван Блоома.

Одежда, снаряжение и оружие Ганса и Гендрика мало чем отличались от отцовских. Штаны на них были, разумеется, из выделанной овчины, широкие, как всегда у юных буров, и на них тоже были сюртуки, и фольтскунены, и широкополые белые шляпы. У Ганса за плечом висело легкое охотничье ружье, у Гендрика - тяжелый карабин, так называемый "егер", превосходное оружие для охоты на крупную дичь. Гендрик очень гордился своим ружьем, и недаром: он наловчился попадать в гвоздь со ста шагов. Гендрик был в караване лучшим стрелком. У обоих мальчиков тоже были изогнутые полумесяцем рога-пороховницы и патронташи, набитые пулями. И у обоих лежали поверх седел плащи, но, в отличие от отцовского плаща, сделанного из редкостной шкуры леопарда, эти были попроще: из шкуры антилопы у одного, из шакальей у другого. На маленьком Яне тоже были широкие штаны; сюртук, полусапожки и широкополая поярковая шляпа,- словом, Ян, хоть и был ростом в один ярд, по костюму являл собою копию отца - типичный бур в миниатюре. На Трейи была шерстяная синяя юбочка, изящный корсаж со шнуровкой, искусно расшитый по голландской моде, а ее белокурую головку защищала от солнца легкая соломенная шляпа с бантом и на ленте. Тотти была одета очень просто - в грубый домотканый холст; голова же у нее оставалась и вовсе непокрытой. А на Черныше была только пара старых кожаных кракеров, полосатая рубашка да еще каросс из овчины. Так выглядела одежда наших путешественников.

На добрых двадцать миль равнина была оголена. Ни былинки не осталось для скота, страдавшего к тому же без воды. Весь день ярко светило солнце, слишком ярко - его лучи пекли, как в тропиках. Путешественники едва ли выдержали бы этот зной, если б не дул весь день, с утра до вечера, легкий ветер. Но дул он, к сожалению, прямо в лицо, а в сухих африканских степях всегда хватает пыли. Да тут еще саранча, непрестанно прыгая, разрыхлила миллионами крохотных ножек верхнюю корку почвы, и пыль теперь свободно поднималась по ветру. Ее клубы окутывали, точно облаком, маленький караван, отчего продвигаться было и трудно и неприятно. Задолго до вечера одежда на людях насквозь пропылилась, в рот набилось песку, разболелись глаза.

Но это было еще пустяком. Задолго до вечера дала себя знать другая беда отсутствие воды.

Спеша поскорее уйти от зрелища опустошенного крааля, ван Блоом не запасся в дорогу водой - печальное упущение в такой стране, как Южная Африка, где родники столь редки, а ручьи и реки то пересыхают, то меняют русло. Задолго до вечера все думали только о воде, все одинаково томилась жаждой.

Томился ею и сам ван Блоом, но о себе он не думал, а если и думал, то лишь казнясь за оплошность. По его вине страдали теперь другие. Мысль о непростительной ошибке тяжело угнетала его. Он не мог пообещать им никакого облегчения, покуда караван не доберется до родника. Ближе, насколько он знал, воды не было.

Достичь родника в тот вечер нечего было и надеяться. В путь тронулись поздно. Волы шли медленно. К закату можно было проделать от силы половину пути.

Чтобы добраться до воды, пришлось бы идти всю ночь, а это было невозможно по многим причинам. Волам потребуется отдых - тем более что они голодны; и тут ван Блум понял - слишком поздно - еще одно свое упущение: во время налета саранчи он не позаботился набрать ее побольше на корм скоту.

При налетах саранчи подчас только так и спасают скот; но ван Блоому это не пришло на ум; а поскольку в краали, где заперты были животные, саранчи проникло немного, скот оставался без пищи со вчерашнего дня. Особенно сказывался голод на упряжных волах: они ослабели и тянули фургон словно нехотя, так что Черныш надрывал горло криком и непрерывно пускал в ход свой длинный кнут.

Но были и другие причины, заставлявшие подумать о ночном привале. Ван Блум не так уж твердо знал дорогу. Ночью он не мог бы держаться избранного им направления, тем более что не было и подобия тропы, которая вела бы караван. К тому же идти после захода солнца представлялось небезопасным, потому что в это время выходит на прогулку ночной разбойник Африки - лютей лев.

Итак, есть ли вода или нет ее, все равно приходилось сделать на ночь привал.

До темноты оставалось всего с полчаса, когда ван Блум пришел к такому решению. Он только хотел подождать немного в надежде добраться до такого места, где будет хоть трава. Караван отделился уже от покинутой фермы на двадцать миль, а равнину покрывал черный "след" саранчи. Травы по-прежнему нет и в помине, по-прежнему кусты стоят без листьев, без коры.

Ван Блоому уже начинало казаться, что он движется в ту самую сторону, откуда прилетела саранча. Он не сбился с западного направления, в этом он был уверен. Но как знать, быть может, саранча надвинулась с запада, а не с севера? Если так, придется идти много дней, пока набредешь на зеленый лужок.

Эти мысли смущали ван Блоома, и он беспокойным взором обводил равнину, глядя то прямо вдаль, то вправо и влево. И вдруг - радостный возглас зоркого бушмена: он видит впереди траву! Видит несколько кустов с листвой. Туда еще с миллю пути, но волю, точно и до них дошел смысл этих слов, пошли бодрее. Прошли еще с миллю - и в самом деле появилась трава. Пастбище, однако, оказалось скудным: редкие стебельки, разбросанные по красно-бурой земле, - волю не поживиться. Не наполняя желудка, трава только терзала несчастных животных мукой Тантала⁸. Зато ван Блум уверился теперь, что полоса опустошения пройдена, и он провел караван еще немного вперед, надеясь встретить пастбище получше. Надежда, однако, не оправдалась. Путь их лежал через дикую, бесплодную степь, почти настолько же лишенную зелени, как и местность, по которой шли они до сих пор. Но теперь она обязана была своей наготой не саранче, а безводью. Не оставалось больше времени на поиски пастбища. Солнце уже ушло за горизонт - пришлось остановиться и распрягать.

Следовало бы соорудить краали - один для коров, другой для коз и овец. Кругом было для этого достаточно кустов, но кто же из утомленного отряда найдет в себе силы нарезать ветви и приволочь их к месту? И без того хватало работы - заколоть на ужин овцу, собрать топлива, чтобы зажарить ее. Краали делать не стали. Лошадей привязали к фургону. Коров и быков, овец и коз оставили на воле. Поскольку не было поблизости пастбища им на соблазн, понадеялись, что, измученные долгой ходьбой, они не уйдут далеко от костра, который было решено поддерживать всю ночь.

Глава VIII УЧАСТЬ СТАДА

Но они ушли.

Когда рассвело и путешественники огляделись вокруг, они не увидели ни единого быка, ни единой коровы, кроме одной молочной. Подоив ее накануне вечером, Тотти оставила свою любимицу на ночь привязанной к кусту, - там она и стояла сейчас. Все

остальные ушли, козы и овцы - тоже.

Куда же они ушли?

Мальчики вскочили на коней и отправились на розыски. Коз и овец нашли неподалеку, среди кустов; но остальные животные, как обнаружилось, ушли совсем. Их след тянулся мили на две. Он вел обратно по тому же пути, которым пришел сюда караван; не осталось сомнения, что они повернули назад, к краалую. Нагнать их, не дав дойти до места, было трудно, пожалуй даже невозможно. Следы показывали, что животные снялись с места в самом начале ночи и двигались быстро, так что к рассвету, должно быть, достигли уже старого жилья.

Печальное открытие! Бесплезным делом было бы пуститься за стадом на голодных, измученных жаждой лошадях, а без упряжных волов как дальше тащить фургон, как добраться с ним до родника? Задача казалась неразрешимой; но после недолгого совещания рассудительный Ганс предложил выход.

- А нельзя ли впрячь в фургон лошадей? - спросил он. - Ведь пять лошадей смогут, конечно, дотащить его до родника.

- Как! Бросить стадо? - сказал Гендрик. - Если мы не отправимся за ним, скот околеет, и тогда...

- За стадом можно будет поехать и позже, - ответил Ганс. - Не лучше ли сперва дотащить до источника, а потом, дав коням отдохнуть, вернуться за волами? Они к тому времени будут уже в краале. Там у них, во всяком случае, вдоволь воды, они не околеют до нашего прихода.

Предложение Ганса показалось вполне осуществимым. Во всяком случае, этот план представлялся лучшим, какой путники могли бы избрать, и они тотчас принялись приводить его в исполнение. Лошадей впрягли в фургон; в нем среди поклажи оказалась, к счастью, кое-какая старая конская сбруя; ее извлекли и как могли приспособили к делу.

Когда управились с этим. Черныш опять сел на козлы, подобрал вожжи, щелкнул кнутом и пустил свою упряжку. К общему удовольствию, большой и тяжело груженный фургон пошел так легко, как если бы его тащила полная воловья упряжка. Ван Блум, Гендрик и Ганс порадовались от души, когда фургон прокатил мимо них, и, погнав следом за ним дойную корову, коз и овец, бодро двинулись в путь. Маленькие Ян и Трейи ехали, как и прежде, в фургоне; но остальные шли пешком, отчасти для того, чтобы погонять стадо, а отчасти и потому, что жалели лошадей и не хотели увеличивать и без того тяжелый груз.

Всех сильно мучила жажда, но они бы мучились куда сильнее, если бы не добрая тварь, трусившая за фургоном, - дойная корова, "старушка Грааф", как звали ее. И накануне вечером, и утром она дала по несколько пинт молока, и эта своевременная поддержка принесла путникам большое облегчение.

Лошади вели себя прекрасно. Хотя сбруя оказалась неполной и плохо была пригнана, они тянули за собой фургон так же хорошо, как если бы все ремешки и пряжки были налицо. Умные животные как будто понимали, что их добрый хозяин попал в беду, и решили вызволить его. А может быть, они уже учуяли перед собой родниковую воду. Так или иначе, они пробыли в упряжи уже много часов, когда фургон въехал в небольшую живописную долинку, покрытую зеленой, сочной на вид муравой, и несколько минут спустя остановился у холодного, прозрачного ключа.

Все вволю напилось и быстро пришли в себя. Лошадей выпрягли и пустили на траву; остальные животные стали резвиться на лугу. Около ключа разложили большой костер, сварили четверть бараньей туши на обед, а потом все сидели и ждали, пока насытятся кони.

Ван Блум, примостившись на одном из ящиков фургона, курил свою большую трубку. Он был бы и вовсе доволен, если б не исчезновение стада. Найдено отличное пастбище - своего рода оазис среди пустынной равнины, место, где есть и топливо, и вода, и трава - все, чего может пожелать душа фее-бура. Оазис тянулся не так далеко, но все же был достаточно велик, чтобы на нем могло прокормиться стадо в несколько сот голов, достаточно велик для очень приличной скотоводческой фермы. Лучшего и желать не приходилось, и, если бы ван

Блоому удалось добраться сюда с упряжными волами и всем скотом, фермер чувствовал бы себя сейчас совсем счастливым. Но без скота - что проку в прекрасных лугах? Что делать здесь трек-буру, если нет у него скота хотя бы на развод? Все богатство ван Блоома заключалось в стаде, вернее сказать он питал надежду, что со временем стадо его приумножится и принесет его семье богатство. Животные были у него породистые, и, за исключением двенадцати упряжных волов да двух-трех долгорогих бечуанских племенных быков, стадо состояло сплошь из отличных молодых коров, обещавших принести в скором времени большой приплод.

Естественно, что тревога за этих животных не покидала фермера ни на минуту и гнала скорее отправиться на розыски стада. Трубку свою он достал только затем, чтобы убить время, пока кони щиплют траву. Он решил, как только они хоть немного восстановят силы, отобрать трех самых сильных и поскакать с Гендриком и Черны шем назад, к покинутому краалю.

Итак, едва лишь кони несколько передохнули, их изловили и взнуздали. Ван Блоом с Гендриком и Чернышем вскочили в седла и пустились в путь, а Ганса оставили стеречь лагерь. Ехали быстро, решив скакать всю ночь и, по возможности, затемно добраться до крааля. Там, где кончалась трава, они спешили и дали лошадям отдохнуть и подкормиться напоследок. Для себя они прихватили несколько кусков жареной баранины; на этот раз они не позабыли наполнить водой свои тыквенные бутылки - так что теперь им уже не пришлось страдать от жажды. Провели час на привале и снова двинулись в путь.

Уже совсем стемнело, когда путники достигли того места, где ушло от них стадо; но в небе стоял ясный месяц, и можно было следовать по оставленной фургоном колее, достаточно приметной в его свете. Время от времени ван Блоом просил Черныша осмотреть следы и проверить, по-прежнему ли стадо держалось дороги к дому. Бушмен без труда разрешал сомнения: он соскакивал с лошади, пригибался к земле и тотчас давал ответ. И каждый раз ответ был утвердительный. Животные несомненно шли к старым своим краалям. Ван Блоом и не сомневался, что найдет их там - но живыми ли? Вот что его тревожило.

Напиться коровы смогут в источнике, но где возьмут они корм? Там им не найти ни травинки; что, если к утру они все околеют?

Брезжил рассвет, когда показалась перед глазами старая ферма. Странное зрелище являла она. Не узнать было ее ни по единому дереву. После налета саранчи внешний вид фермы сильно изменился, но теперь прибавилось что-то еще, усилившее эту необычность вида: как будто цепь каких-то непонятных предметов насажена была по карнизу крыши и по оградкам краалей.

Что это такое? Ведь не часть же самих строений! Со своим вопросом ван Блоом обратился скорее к самому себе, но произнес его довольно громко, так что расслышали и другие.

- Стервятники, - ответил Черныш.

Да, именно так: стая стервятников унизала стены краалей.

Появление нечистых птиц не сулило добра. У ван Блоома сжалось сердце от дурного предчувствия. Что их сюда привлекло? Значит, поблизости есть падаль? Всадники поскакали быстрее.

Уже совсем рассвело, и стервятники засуетились. Они хлопали своими темными крыльями, снимались со стен и садились маленькими шумными стайками вокруг дома.

- Там падаль, не иначе, - пробормотал ван Блоом.

Там и была падаль - много падали. Когда всадники подъехали ближе, птицы поднялись в воздух, и теперь можно было разглядеть на земле десятка два полуобглоданных скелетов. Длинные гнутые рога, видневшиеся подле каждого скелета, позволяли с легкостью определить, какого рода животному принадлежал он. В этих костях и растерзанных клочьях шкур ван Блоом узнал останки своего потерянного стада. Не осталось в живых ни одного животного. Останки каждого из них - всех его коров, всех волов и быков - можно было видеть у ограды краалей и на прилежащем поле. Где околели, там и валялся скелет.

Но почему они околели? Это оставалось непонятным. Не могли же они погибнуть от голода так быстро и все сразу! И не могли они подохнуть от жажды, потому что и сейчас тут же, рядом, громко журчал ручей. Не стервятники же их убили! Так кто же?

Ван Блум не задавал лишних вопросов. И недолго оставался он в недоумении. Когда он и его спутники подъехали к месту, загадка разрешилась. Следы львов, гиен и шакалов достаточно всё объяснили. Тут побывали большие стаи этих зверей. После налета саранчи округа оскудела дичью, а из-за этого хищники стали более жадными, чем обычно, и жертвой их жадности сделался скот.

Где сейчас хищники? Утренний свет и вид строений, возможно, отогнали их прочь. Но следы совсем свежие. Они тут неподалеку и к вечеру непременно вернуться. Ван Блома разбирало желание отомстить проклятому зверью, и при других обстоятельствах он остался бы здесь и дал бы по ним несколько выстрелов. Но сейчас это было бы и неразумно и бесполезно. Нужно было, если достанет силы у коней, вернуться к ночи в лагерь. И так, даже не зайдя в свой старый дом, они напоили коней, набрали в бутылки ключевую воду и снова с тяжелым сердцем покинули крааль.

Глава IX ЛЕВ НА ОТДЫХЕ

Не проехали они и ста шагов, как перед ними возникло нечто, при виде чего они все внезапно и одновременно натянули поводья. То был лев. Он лежал среди равнины прямо на тропе, куда они собирались свернуть, - на той самой тропе, по которой они прискакали. Как случилось, что они его не заметили раньше? Он лежал под сенью невысокого куста; но, по милости саранчи, куст был без листьев, и его голые тонкие ветви не могли укрыть такого большого зверя. Светлая шкура льва приметно желтела сейчас сквозь них.

Дело в том, что льва там еще не было, когда всадники, спеша к краалю, проскакали мимо этого куста. Только завидев их, хищник отпрянул от места бойни и, прижимаясь к ограде, забежал им в тыл. К такому маневру он прибег, желая избежать встречи, потому что и лев обладает способностью рассуждать, хоть и не такой, как человек. Увидев, откуда появились всадники, он в меру своей сообразительности рассудил, что они едва ли вернуться той же тропой. Скорее всего, они продолжат свой путь. Человек, незнакомый со всеми предшествующими событиями, связанными с их поездкой, пожалуй, рассудил бы точно так же. Вам случалось, верно, наблюдать, что и другие животные собаки, олени, зайцы - и птицы поступают большей частью так же, как поступил в этом случае лев. Несомненно, в мозгу льва прошел описанный здесь умственный процесс; и зверь, чтобы уклониться от встречи с тремя всадниками, прокрался им в тыл.

Так мирно лев ведет себя почти всегда, в пяти случаях из шести, если не чаще. Потому и укоренилось у нас ошибочное мнение относительно храбрости этого хищника. Некоторые естествоиспытатели, побуждаемые к тому, как видно, чувством злобы или зависти, обвиняют льва прямо-таки в трусости, отказывая ему решительно во всех благородных свойствах, какие приписывались ему с незапамятных времен. Другие, наоборот, утверждают, что лев не знает страха ни пред зверем, ни пред человеком, и, помимо отваги, наделяют его еще и многими другими добродетелями. Обе стороны подкрепляют свои взгляды не только голословными заверениями, но и множеством ссылок на твердо установленные факты.

В чем тут дело? Ведь не могут же быть правы и те и другие? Но, как это ни странно, правы в известном смысле обе стороны. Дело в том, что одни львы трусливы, другие храбры.

В доказательство этого можно написать целые страницы, но скромные размеры нашей книги не дают нам для этого места. Я, однако, думаю, юный мой читатель, что тебя удовлетворяет некая аналогия. Ответь: известен ли тебе какой-либо вид животных, в котором все особи совершенно одинаковы по своему нраву? Вспомни, например, знакомых тебе собак. Разве все они так уж похожи друг на друга? Не правда ли, есть среди них благородные, великодушные, смелые, преданные, готовые отдать, если надо, жизнь. А есть и

совсем иные подлые, льстивые, трусливые собачонки. Так и у львов. Теперь тебе ясно, что мое утверждение о львах может отвечать истине.

Храбрость и свирепость льва зависят от многого: от его возраста, от состояния его желудка, от времени года и часа дня; в первую очередь от того, какого рода охотников встречает он в своих краях. Влияние последнего обстоятельства покажется вполне естественным тому, кто верит в разум животных, как верю, конечно, я. Вполне естественно, что лев, подобно другим животным, вскоре изучит характер своего врага и станет бояться его или нет - как покажет дело. А разве не так оно и у людей? Старая история! Если память мне не изменяет, у нас был уже разговор на эту тему, когда зашла речь об американских крокодилах. Мы тогда отметили, что на Миссисипи аллигатор в наши времена редко нападает на человека; но раньше было не так: ружье охотника, которому нужна кожа аллигатора, укротило свирепость речного хищника. В Южной Америке крокодил того же вида пожирает ежегодно десятки индейцев, а африканский крокодил в иных местах внушает населению больший ужас, чем лев.

Наблюдатели рассказывают, что на Капской земле львы в одних местностях менее смелы, чем в других. Значительно трусливей они как раз там, где ведет на них охоту храбрый и стойкий бур со своим длинноствольным громобоем.

За пределами Капской колонии, где нет у него другого врага, кроме тоненькой стрелы бушмена (которая и не покушается его убить!) да бечуанского легкого дротика, лев нисколько не боится человека - или почти не боится.

Был ли тот лев, что предстал пред глазами наших путников, по природе смел, я вам не скажу. Его отличала громадная черная грива - у буров такие львы зовутся черногривками и считаются самыми свирепыми и опасными. Желтогривка (в Капе водится довольно много различных по масти львов) слышет менее храбрым; однако в правильности этого взгляда можно усомниться. Дело в том, что темно-бурую окраску гривы лев приобретает лишь с годами, и часто молодого черногривку принимают по ошибке за светлогривого льва, а потом приписывают его характер всей светлогривой породе.

Ван Блоом не стал раздумывать, какой перед ним черногривка - свирепый и храбрый или не очень. Было ясно, что лев успел "заморить червячка", что он совсем не помышляет напасть на человека и что, если всадники предпочтут сделать небольшой крюк и мирно проехать мимо, они спокойно довершат свою поездку и больше в глаза не увидят этого льва и никогда о нем не услышат.

Но у ван Блоома были иные намерения. Он лишился своих драгоценных быков и коров. Этот самый лев растерзал если не всех, то часть из них. Голландская кровь колониста вскипела. Будь это самый сильный и свирепый хищник в своем львином племени, не дадут они ему мирно спать под кустом! Приказав спутникам стоять на месте, ван Блоом, не сходя с седла, двинулся вперед и остановил коня примерно в пятидесяти шагах от места, где лежал лев. Тут он спешился, намотал поводья на руку, воткнул в землю шомпол своего ружья и стал позади него на одно колено.

Вы думаете, что стрелку, пожалуй, безопасней было бы остаться в седле, потому что коня лев догнать не может. Верно, но это было бы безопасней и для льва. Нелегкое дело - метко выстрелить, сидя в седле; а когда мишенью служит грозный лев, только отлично натренированный конь будет стоять достаточно смирно и позволит взять правильный прицел. Так что при стрельбе с седла удача зависит от игры случая, а ван Блоом не собирался удовольствоваться случайным успехом. Установив ружье на шомпол и дав таким образом твердую опору длинному дулу, он стал тщательно его наводить, глядя в прицельную рамку слоновой кости. Все это время лев не шевелился. Между ним и стрелком был куст, но едва ли зверь считал его надежным прикрытием. Желтые бока льва отчетливо различимы сквозь тернистые ветви, видна его голова, его усы и морда, измазанная бычьей кровью.

Нет, лев не считал себя в безопасности. Легкое ворчание и два-три взмаха хвостом доказывали противное. И все же он лежал тихо, как лежат обычно львы, покуда к ним не подойдут поближе. Охотник же, как я сказал, стоял в добрых пятидесяти ярдах от него.

Лев не двигался и только слегка помахивал хвостом, пока ван Блум не спустил курок; и тут он, взревев, подпрыгнул на несколько футов от земли. Охотник опасался, что ветви отклонят его пулю и она лишь скользнет по шкуре; но выстрел явно попал в цель: стрелок видел, как клоч шерсти вылетел из львиного бока в том месте, где ударила пуля. Лев был только ранен, и, как вскоре выяснилось, не смертельно. Бия хвостом, оскалив грозные зубы, разъяренный лев длинными прыжками надвигался на противника. Грива, развеваясь, словно увеличила вдвое размеры зверя. Он казался сейчас огромным, как буйвол.

За несколько секунд он покрыл расстояние, только что отделявшее его от охотника, но тот был уже далеко.

Нажав спуск, ван Блум в тот же миг вскочил на коня и поскакал к остальным.

Недолгое время они стояли все трое рядом; Гендрик - держа на взводе карабин, Черныш - с луком и стрелами в руках. Но зверь кинулся вперед, прежде чем тот или другой успел выстрелить; пришлось пустить вскачь коней и отступить с его пути. Черныш мчался в одну сторону, ван Блум с Гендриком в другую; зверь оказался теперь меж двух огней и притом в изрядном отдалении от противников.

Когда первый наскок не удался, лев остановился и поглядел сперва на один вражеский отряд, потом на другой, словно не решаясь, за каким погнаться. Вид его в эту минуту был невыразимо страшен. Вся его свирепая природа возмутилась. Грива стояла дыбом, хвост хлестал по бокам, пасть была широко раскрыта, обнажая крепко посаженные клыки, - их белые острия резко контрастировали с багровой кровью, закрасившей скулы и пасть. Яростный рев должен был усилить ужас, который зверь внушал всем своим грозным видом.

Но из трех противников ни один не поддался страху, как ни приглашали к тому зрение и слух. Гендрик навел на льва карабин, хладнокровно прицелился и выстрелил; и в тот же миг со свистом прорезала воздух посланная Чернышем стрела. Оба взяли верный прицел: и пуля и стрела попали в зверя; стрела вонзилась ему в ляжку, и было видно, как покачивается ее древко. Лютого зверя, до сих пор проявлявшего, казалось, самую решительную отвагу, теперь как будто охватил внезапный страх. Стрела ли была в том повинна или одна из пуль, но ему вдруг надоела борьба: опустив задранный, похожий на метлу хвост до уровня спины, он ринулся прочь и, сердито побежав вперед, проскочил прямо в дверь крааля.

Глава X

ЛЕВ В ЗАПАДНЕ

Странно было, конечно, что лев ищет убежища в столь необычном месте, но это показывало его сообразительность. Не было сколько-нибудь близко другого укрытия: теперь, после налета саранчи, не так-то просто стало найти такие кусты, где можно было бы спрятаться. Попытайся же он спастись бегством, охотники верхом на конях его легко догнали бы. Лев видел, что дом необитаем. Он рыскал вокруг него всю ночь, а может быть, наведаясь и в комнаты - значит, знал, что представляет собой это место. Инстинкт не обманывал зверя. Стены дома могли защитить его от неприятельского оружия, разившего издалека; а вздумай враги приблизиться, это было бы выгодно для льва и опасно для них.

Когда лев вбежал в крааль, произошло нечто удивительное. В одном конце дома имелось большое окно. Стекол в нем, конечно, не было, да никогда и не бывало. В тех краях застекленные окна редкость. Закрывалось оно только крепким деревянным ставнем. Ставень еще висел на своих петлях, но в суматохе отъезда его не заперли. Дверь тоже стояла распахнутая настежь. И вот, когда лев вскочил в нее, из окошка так и посыпались маленькие зверюшки, похожие не то на лисиц, не то на волков, и во всю прыть пустились наутек по равнине. Это были шакалы.

Как выяснилось позже, львы или, может быть, гиены загнали одного вола в дом и здесь загрызли. Более крупные хищники проглядели его тушу, а хитрые шакалы подобрались к ней и преспокойно завтракали, пока им не помешали так бесцеремонно.

Когда в дверях появился грозный царь зверей, да к тому же разгневанный, шакалы

кинулись спасаться в окно; а вид подъезжавших к дому всадников еще больше напугал этих трусливых животных.

Они бросились со всех ног прочь от крааля и вскоре исчезли из виду.

Трое охотников не удержались от смеха; но их веселье сразу погасло перед новым происшествием, случившимся почти в тот же миг. Ван Блоом захватил с собою двух собак, чтобы те помогли пригнать обратно скот. Пока люди отдыхали у ручья, собаки навалились на полуобъеденные туши, валявшиеся под оградой; и так как им пришлось изрядно наголодаться, они не оторвались от еды даже тогда, когда всадники отъехали от крааля. Ни одна из них не видела льва до той минуты, когда раненый зверь ринулся прочь от охотников и понесся прямо к краалю. Выстрелы, львиное рычание и шумное хлопанье крыльев, поднявшееся, когда испуганные стервятники улетали, - все это сказало собакам, что впереди происходит нечто требующее их присутствия, и, оставив свою приятную трапезу, они перемахнули через ограду.

Во дворе они очутились как раз в тот миг, когда лев был в дверях. Храбрые и благородные животные без колебания кинулись за ним следом и вбежали в дом. Некоторое время смутно доносился хор разных звуков - лай и тьяканье собак, рев и рычание льва. Потом послышался глухой шум, как будто ударили о стену чем-то тяжелым, отчаянный визг, потом звук, похожий на хруст костей... Громкий, грубый бас довольно "мурлыкавшего" огромного зверя - и затем глубокая тишина. Борьба закончена. Это ясно - собаки не подают больше голоса. Они, скорее всего, погибли. Охотники в крайней тревоге глядели на дверь. Смех замер у них на губах, когда они стояли, прислушиваясь ко всем этим мерзким звукам - признакам страшной схватки. Они окликали по именам своих собак. Они еще надеялись, что те выбегут, хотя бы раненые. Но нет, собаки не показываются... Они мертвы!

Долго длилось молчание после шума борьбы. Ван Блоом уже не сомневался, что его любимицы, его единственная пара собак, убиты. Взволнованный этим новым несчастьем, он едва не утратил всякое благоразумие. Он был готов броситься к порогу, откуда мог бы стрелять в ненавистного врага почти вплотную, когда Чернышу пришла на ум блестящая мысль. Громкий возглас бушмена остановил стрелка:

- Баас! Баас! Мы его поймем! Мы запрем негодника!

Предложение было разумным и легко осуществимым. Ван Блоом сразу его оценил и, отказавшись от прежнего своего намерения, решил принять план Черныша. Но как его исполнить? Дверь и ставни еще висели на петлях. Если бы удалось подобраться к ним и накрепко закрыть, лев оказался бы во власти охотников и можно было бы спокойно прикончить его. Только как, не подвергая себя опасности, запереть дверь или окно? Вот в чем трудность...

Едва люди приблизятся к окну или двери, лев сразу их увидит и, так как он сейчас разъярен, непременно кинется на них. Может быть, подъехать на лошадях? Но и это опасно. Лошади не будут стоять смирно, пока всадники станут тянуться в седле, чтобы ухватиться за ручку или за щеколду. Все три скакуна и так уже в нетерпении перебирали ногами. Они знали, что в доме лев - время от времени зверь выдавал свое присутствие рычанием, - и вряд ли смогут они достаточно спокойно приблизиться к двери или к окну; ржание и стук копыт побудят разъяренного зверя выбежать и броситься на всадников.

Итак, было ясно, что запереть окно или дверь - задача очень опасная. Покуда охотники держались на открытом месте и в некотором отдалении, им нечего было бояться льва, но если они приблизятся к нему и окажутся в стенах крааля, то не исключено, что кто-либо из них станет жертвой лютого зверя.

Большая, нескладная голова, которую носил на плечах Черныш, заключала в себе немалое количество мозга, а жизнь в постоянной заботе о том, чтобы как-нибудь утолить голод, научила его постоянно упражнять свой мозг. В эту трудную минуту изобретательность Черныша пришла на помощь охотникам.

- Баас, - сказал он, спеша унять нетерпение своего хозяина, - погодите-ка, баас! Дайте старому бушмену закрыть дверь. Он сделает.

- А как? - спросил ван Блоом.
- Подождите немного - увидите.

Они подъехали все трое к краалю меньше чем на сто ярдов. Ван Блоом и Гендрик сидели молча в седле и смотрели, что станет делать бушмен.

А тот вынул из кармана клубочек бечевки и, аккуратно ее размотав, привязал один конец к стреле. Потом он подъехал ближе к дому и в тридцати ярдах от него сошел с коня - не прямо против входа, а немного наискосок, так, чтобы деревянная дверь, раскрытая, к счастью, лишь на три четверти, была обращена к нему наружной стороной. Закинув поводья через руку, бушмен натянул тетиву и пустил стрелу в дощатую дверь. И вот стрела глубоко вонзилась в край двери, как раз под щеколдой. Выстрелив, Черныш в тот же миг вскочил в седло, готовый к отступлению в случае, если лев выбежит. Черныш, однако, не выпускал из руки бечевку, привязанную одним концом к стреле. Гулкий удар стрелы в дверь привлек внимание льва. Об этом сказали охотникам его сердитое ворчание. Лев, впрочем, не показался и снова притих. Черныш натянул бечеву. Сперва для проверки он легонько подергал ее, а затем, убедившись, что стрела сидит крепко, дернул со всей силы и захлопнул дверь. Щеколда сработала, и дверь осталась запертой даже и после того, как Черныш ослабил веревку.

Теперь, чтобы открыть дверь, льву надо было либо догадаться приподнять щеколду, либо же проломить толстые, крепкие доски. Ни того, ни другого опасаться не приходилось.

Но окно еще оставалось открытым, и зверь легко мог выскочить в него.

Черныш, понятно, намеревался закрыть ставень тем же способом, что и дверь. И тут возникла новая большая опасность. У Черныша имелась только одна веревка - та, что была сейчас привязана к стреле. Как освободить ее и снова ею завладеть?

Не оставалось как будто ничего другого, как подойти к двери и отвязать веревку от древка стрелы. Но здесь-то и таилась опасность: ведь если бы лев заметил человека и выскочил в окно, бушмену пришел бы конец.

Подобно большинству охотников-бушменов. Черныш был не так смел, как хитер, хотя его отнюдь нельзя было назвать трусом. В ту минуту, однако, ему совсем не хотелось подходить к двери краала. Гневное рычание, доносившееся оттуда, обдало бы холодом и самое отважное сердце.

Разрешил задачу Гендрик. Он придумал, как, не приближаясь к двери, вновь овладеть веревкой. Крикнув Чернышу, чтобы тот был начеку, Гендрик тоже подъехал поближе к краалю и остановился в тридцати ярдах от входа, около столба с несколькими рогулями, служившими для привязывания лошадей. Гендрик сошел с коня, зацепил поводья за одну из этих рогуль, положил карабин на другую и затем, нацелившись в древко стрелы, спустил курок. Щелкнул выстрел, перебитое древко отвалилось от двери, веревка свободна! Охотники хотели отъехать подальше, но лев, хоть и свирепо зарычал при звуке выстрела, все же, по-видимому, не тронулся с места. Черныш притянул назад веревку, прикрепил ее к новой стреле и, объехав крааль, остановился наискосок против окна. Через несколько минут стрела просвистела в воздухе и глубоко вошла в податливое дерево. Затем ставень повернулся на петлях и плотно закрылся.

Охотники спешили и, очень быстро, но в полном молчании подбежав к дому, укрепили затворы на ставне и на двери ремнями - обрезками старых поводьев из сыромятной кожи.

Ура! Лев в западне!

Глава XI СМЕРТЬ ЛЬВА

Да, разъяренный зверь был пойман в западню. Трое охотников вздохнули свободно.

Но как довести дело до конца? И дверь и ставень в окне закрыты наглухо, пригнаны плотно; в оставшиеся щелки все равно ничего не разглядишь. Раз двери и ставни закрыты, в

доме полный мрак. Да если бы они и могли увидеть льва, что толку? Ни в одно отверстие все равно не просунешь ствол. Зверь был в такой же безопасности, как и поймавшие его охотники. Покуда дверь заперта, они могли причинить ему не больше вреда, чем он им.

Можно было предоставить запертому зверю околоть с голоду. Какое-то время он продержался бы остатками шакальского завтрака да тушами двух собак, а там пришлось бы ему смириться и погибнуть жалкой смертью. Однако ни ван Блоому, ни его спутникам подобный исход не казался неизбежным. Поняв, что дела его плохи, лев мог навалиться на дверь и, пустив в ход острые когти и зубы, проломить ее.

Разгневанный ван Блум не желал оставлять своему пленнику такую возможность. Он решил, что не уйдет отсюда, покуда не уничтожит зверя. И вот он стал раздумывать, как бы это сделать самым быстрым и верным путем.

Он надумал было просверлить ножом дыру в двери, достаточно широкую, чтобы можно было и глядеть в нее и просунуть ствол ружья. Если сквозь дыру плохо будет видно зверя, тогда можно проделать вторую в ставне. Два отверстия с противоположных сторон осветят всю внутренность дома, ибо жилище ван Блоома состояло всего из одной комнаты. Пока он там жил, комнат получалось две благодаря перегородке из зебровых шкур, но ее убрали при отъезде.

Два отверстия - одно в двери, другое в ставне - позволят выпустить в зверя сколько угодно пуль, покуда охотники не уверятся, что ему на них не напасть. Но покуда просверлишь их, уйдет немало времени. Это останавливало ван Блоома. Ему и его спутникам нужно было торопиться: кони притомились и были голодны, а прежде чем явится возможность накормить их, предстояло проделать еще долгий путь.

Нет, нельзя сверлить отверстия, нужен способ более быстрый.

- Отец, - сказал Гендрик, - а что, если поджечь дом?

Отлично. Добрый совет.

Ван Блум бросил взгляд на крышу - покатую с длинным карнизом. Она состояла из сухих тяжелых деревянных балок, стропил, перекладин, и все это было покрыто толстым - в добрый фут толщиной - слоем сухого тростника. Она бы вспыхнула огромным костром, и лев, наверно, задохся бы от дыма раньше, чем дошел бы до него огонь.

Предложение Гендрика было одобрено. Принялись готовить все до поджога. Вокруг дома еще оставалось много валежника, обглоданного, но не сожранного саранчой. Это позволяло с легкостью осуществить задуманное, и они стали подтаскивать этот валежник и заваливать им дверь.

Можно было подумать, что лев разгадал их намерения: перед тем он долгое время не подавал голоса, а тут снова начал грозно рычать. Возможно, зверя встревожил шорох сучьев, стукавшихся снаружи о дверь; и, поняв, что пойман и заперт, он стал проявлять нетерпение. То, что он считал укрытием, обернулось западней, и теперь он рвался высвободиться из нее. Это явствовало из всего его поведения. Было слышно, как он мечется по дому - от двери к окну, от окна к двери - и бьет то в дверь, то в ставень своими огромными лапами, чуть не срывая их с петель и все время испуская дьявольский рев.

Хоть и не без тайных опасений, трое охотников продолжали свою работу. Кони были у них под рукой, готовые принять в седло всадников, если лев проложит себе дорогу сквозь огонь. Так охотники и рассчитывали: поджечь - и на коней, чтобы сразу, как только костер как следует разгорится, отъехать и наблюдать за пожаром с безопасного расстояния.

Они перетаскали и нагромоздили у двери все ветви и доски, какие только нашлись. Черныш вынул свой кремь с огнивом и хотел было высечь огонь, когда до слуха охотников донеслось из дома шумное царпанье, не похожее ни на что слышавшееся им до сих пор. Казалось, лев скребет когтями о стену, но к этому примешивались еще какие-то странные звуки, словно зверь отчаянно боролся; его рычание стало хриплым, приглушенным и слышалось словно издалека.

Что делал зверь?

Охотники приостановились на миг, поглядели тревожно друг другу в лицо. Царпанье

продолжалось, время от времени доносился хриплый рев, и вот он смолк наконец, потом раздались фыркание, а за ним рычание, такое громкое и полнозвучное, что все трое содрогнулись от ужаса. Не верилось, что все еще стоит стена между ними и грозным врагом.

Снова прозвучал этот омерзительный рев. Силы небесные! Он доносится уже не из-за двери - он раздается над их головами! Неужто лев выскочил на крышу? Все трое враз отпрянули на несколько шагов и подняли головы. Им представилось такое зрелище, что они замерли в изумлении и ужасе.

Из дымовой трубы высунулась голова льва. Пылающие желтые глаза и белые зубы казались еще страшнее в контрасте с черной от сажи мордой. Зверь силился вылезть в трубу. Одна лапа уже лежала на каменной кладке; ею и зубами он расширял вокруг себя отверстие. Зубы и когти его работали вовсю, из-под них летели во все стороны известь и камень. Скоро освободится от каменных тисков его широкая грудь, и тогда...

Ван Блоом не стал раздумывать о том, что будет тогда. Он и Гендрик с ружьями наперевес подбежали ближе к стене. Труба высилась в каких-нибудь двадцати футах от земли; длинный ствол ружья поднялся прямо вверх, чуть ли не на половину этого расстояния. Так же был наведен и карабин. Два выстрела ударили одновременно. Глаза льва вдруг закрылись, голова судорожно качнулась вбок, лапа свесилась над трубой, челюсти разомкнулись, открыв зев, и по языку заструилась кровь. Через несколько секунд зверь был мертв.

Это видно было всем. Но Черныш не успокоился, пока не выпустил в голову зверя штук двадцать стрел, которые придали его мертвому врагу сходство с дикобразом. Огромный зверь так плотно застрял в дымоходе, что и смерть оставила его все в том же необычном положении.

При других обстоятельствах охотники не преминули бы стащить льва вниз ради его шкуры. Но свежевать тушу было некогда. Не тратя больше времени, ван Блоом и его спутники сели на коней и поскакали прочь.

Глава XII БЕСЕДА О ЛЬВАХ

На обратном пути, чтобы скоротать время, охотники повели разговор о львах. Каждый из них кое-что знал об этих хищниках; но Черныш, родившийся и выросший в африканской лесостепи, среди львиных логовищ, был, конечно, хорошо знаком с повадками льва - куда лучше, чем сам господин Бюффон⁹. Излишне было бы описывать, как выглядит лев. Всем образованным людям, конечно, знаком его облик - каждый либо видел живого льва в зверинце, либо его чучело в музее. Каждый знает, как сложен этот зверь, помнит его большую косматую гриву. Каждый знает вдобавок, что львица лишена этого украшения и значительно отличается от самца как ростом, так и всем своим внешним видом.

Хотя все львы относятся к одному и тому же виду, но существует несколько разновидностей его, очень мало, впрочем, друг от друга отличных - куда менее, чем разновидности большинства других животных.

Таких признанных разновидностей насчитывается семь: варварийский лев, сенегальский, индийский, персидский, желтый капский, черный капский лев и лев безгривый.

Различие между всеми этими животными не так уж велико - каждый с первого же взгляда отнес бы их всех к одному роду и виду. Персидская разновидность несколько мельче других; варварийская отличается темно-бурой окраской и самой тяжелой гривой; сенегальский лев посветлей, пожелтей, и грива у него жидкая; а безгривый лев совсем лишен этого убора. Впрочем, существование седьмой разновидности некоторые естествоведы берут под сомнение. Если верить другим, безгривый лев водится в Сирии. Два капских льва различаются главным образом по цвету гривы: у одного она черная или темно-бурая, у другого - желто-рыжая, в одну масть со шкурой.

Из всех львов оба южноафриканских, пожалуй, самые крупные, а черная разновидность свирепей и опасней желтой.

Лев распространен по всему Африканскому материку и в южных странах Азии. В глубокой древности он водился местами и в Европе, но теперь его там уже не встретишь. В Америке львов нет. Животное, которое в Латинской Америке известно под именем льва, не лев, а кугуар, или пума; оно втрое меньше его и схоже с царем зверей только той же бурой окраской. Пума несколько напоминает, пожалуй, полугодовалого львенка. Африку по преимуществу можно назвать страной льва. Он встречается по всему материку, за исключением, понятно, нескольких густонаселенных местностей, откуда его изгнал человек.

Льва издавна прозвали царем лесов, и прозвали неправильно. Он, по существу, не лесной зверь. Он не умеет лазить по деревьям, так что в лесу ему труднее добыть себе пищу, чем на открытой равнине. Пантера, или леопард, или ягуар - те отлично лазают по деревьям. Они могут выхватить птицу из гнезда и настичь обезьяну на ветке. В лесу они у себя дома. Это лесные звери. Другое дело - лев. Широкая равнина, где бродят крупные жвачные животные, да заросли низкого кустарника, где можно притаиться, - вот где любит селиться лев.

Питается он мясом самых разных животных, хотя иным отдает особое предпочтение - смотря по местности. Животных себе на еду он убивает сам. Рассказы, будто его "поставщиками" являются шакалы, которые якобы убивают зверей для льва, - чистейшее измышление. Напротив, часто сам лев снабжает пищей ленивцев-шакалов. Вот почему их так часто можно видеть в его обществе - они держатся поближе к льву в расчете на "крохи с барского стола".

Лев сам для себя "бьет скот", хотя и предпочитает, чтобы это сделали за него другие. Он охотно отбирает добычу у волка, шакала, гиены, а когда может, и у человека. Лев - неважный бегун, как и другие истинные представители семейства кошек. Жвачные животные почти все обгоняют его в беге. Как же тогда он может их настичь? Благодаря ловкости, благодаря внезапности нападения и еще благодаря огромной длине и скорости своего прыжка. Лев залегает и ждет жертву или же подкрадывается к ней. Он набрасывается из-за прикрытия. Особенности строения тела позволяют льву покрывать прыжком очень большое, почти невероятное расстояние. Некоторые авторы говорят о прыжках на шестнадцать шагов, утверждая, будто видели воочию такой прыжок и сами тщательно измерили его длину.

Когда не удастся настичь жертву первым же прыжком, лев ее не преследует, а поворачивает и бежит рысцой в обратную сторону. Впрочем, иногда намеченная жертва соблазняет льва и на второй прыжок, а то и на третий; но, если и тот не принесет удачи, лев уже непременно оставит преследование.

Лев не стадное животное, хотя нередко можно встретить группу в десять, а то и в двенадцать голов: львы временами охотятся сообща и гонят дичь друг на друга. Львы набрасываются на зверей всех видов, какие водятся поблизости, и пожирают их: даже сильного и тяжелого носорога они не страшатся, хоть тот частенько отбрасывает их и побеждает. Нередко молодые слоны становятся их добычей. Свирепый ли буйвол, жираф ли, сернобык, огромная канна и эксцентричный гну - над всеми лев одерживает верх благодаря своей превосходной силе и мощному вооружению. Однако не всегда лев выходит победителем из борьбы. Иногда тот или другой зверь побеждает его, и лев сам становится его жертвой. А случается и так, что оба противника остаются мертвыми на поле битвы.

Профессионал-зверобой не охотится на льва. Невелика корысть: за львиную шкуру много не возьмешь, а других сколько-нибудь ценных трофеев убитый зверь не сулит. Поскольку охота на него сопряжена с большой опасностью и поскольку охотник, как уже известно читателю, может, когда захочет, избежать столкновения, то львов совсем почти не убивали бы, если бы сами они не чинили обид человеку - не уносили бы у фее-бура его лошадей и скот. Тут на сцену выступает новая страсть - жажда мести. Охваченный ею, фермер нашел особый смысл в охоте на льва и стал с большим усердием и рвением

преследовать его.

Но где нет скотоводческих ферм, там нет и этой побудительной причины. И там охота на льва никого особенно не прельщает. Примечательно, что бушмены и другие бедные кочевые племена совсем не убивают льва или же убивают крайне редко. Они в нем не видят врага. Лев для них поставщик!

Гендрику доводилось об этом слышать, и он спросил у Черныша, правда ли это. Бушмен без обиняков подтвердил. Бушмены, сказал он, обычно высматривают льва или идут по его следам, пока не набредут на него самого или на тушу убитой им жертвы. Иногда им указывают к ней дорогу стервятники. Если лев окажется на месте или если он еще не окончил обеда, люди ждут, чтобы он удалился, а потом подбираются к остаткам его добычи и присваивают их. Часто им таким образом перепадает половина, а то и три четверти туши какого-нибудь крупного животного, которого им не так-то просто убить самим. Зная, что львы редко нападают на человека, бушмены не очень боятся этих хищников. Наоборот, они скорее радуются, когда видят, что в округе много львов. Ведь это означает для них соседство с охотником, который будет поставлять им еду!

Глава XIII ПУТНИКОВ ЗАСТИГЛА НОЧЬ

Наши путники еще долго вели бы разговор о львах, если бы их не тревожило состояние лошадей. С тех пор, когда появилась саранча, несчастные животные только два-три часа пощипали траву, а потом все время оставались без пищи. Зеленая трава - неважный корм для верхового коня, и, конечно, лошади под нашими охотниками уже сильно страдали от голода. Как ни гони коней, не добраться было всадникам до своей стоянки раньше, чем глубокой ночью. Уже совсем смерклось, когда они прибыли к месту, где сделали привал накануне вечером. Темнота была полная. Ни луны, ни звезд - тяжелые черные тучи заволокли все небо. Вот-вот, казалось, нагрянет буря с ливнем - но дождь никак не хотел пролиться.

Путники думали сделать здесь привал и дать коням немного попасться. В расчете на это все трое спешили; но сколько ни искали, нигде не могли найти травы. Странно! Ведь накануне они ясно видели траву на этом самом месте. Куда она исчезла? Лошади тыкались носом в землю, но снова поднимали голову, сердито фыркая в явном разочаровании. Они так изголодались, что, конечно, стали бы щипать траву, если бы она там была: в пути они жадно обрывали даже листья с кустов.

Не побывала ли и здесь саранча? Но нет - кусты мимозы еще сохраняли на ветвях нежную листву; они стояли бы голые, навести саранча этот край.

Путники застыли от удивления. Где же трава? Ведь она тут была - определенно была накануне! Уж не сбились ли они с пути?

Темнота мешала видеть землю, но все же не мог ван Блоом заблудиться - этот путь он совершал в четвертый раз. Пусть не видно было под ногами дорогу, но время от времени глаз распознавал какой-нибудь куст или дерево, которые фермер заметил, когда проезжал здесь раньше, и это давало ему уверенность, что они едут правильно.

Озадаченные отсутствием травы там, где они так недавно видели ее, путники не стали все же разглядывать поверхность земли; они хотели добраться поскорее до родника и потому отказались от привала. Вода в тыквенных бутылках давно иссякла; уже опять давала себя чувствовать жажда. К тому же ван Блоом не был вполне спокоен за детей, оставленных при фургоне. Полтора суток прошло, как он расстался с ними, - мало ли что могло произойти за этот срок, мало ли грозило опасностей? Он и то уже поругивал себя, что уехал от детей. Лучше было бросить скот на гибель. Так думалось ему теперь.

Все сильней одолевала мысль, что там у них не все благополучно; и эта мысль настойчиво гнала ван Блоома вперед и вперед.

Ехали молча. И только когда Гендрик высказывал сомнение насчет дороги, снова завязывался разговор.

Черныш тоже полагал, что хозяин сбился со следа. Сперва ван Блум уверял их обоих, что это не так, но, проехав немного дальше, признался, что и у него возникли сомнения, а затем, сделав еще с полмили, объявил, что потерял дорогу: он больше не узнает картину местности, не может отыскать взглядом ни одной замеченной черты.

В таких обстрельствах вернее всего опустить поводья и дать свободу лошадям; все трое хорошо это знали. Но лошади были измучены голодом и, предоставленные самим себе, не пожелали идти вперед, а подались к зарослям мимозы и стали жадно ощипывать листья с ветвей. Чтобы заставить их бежать, всадникам все время приходилось пускать в ход и кнут и шпоры, а это отнимало уверенность, что кони находят правильную дорогу. Так они ехали час, и другой, и третий в тягостном беспокойстве, но, сколько ни вглядывались, не видно было ни фургона, ни костра. И путники решили все-таки сделать привал. Ехать дальше казалось теперь бессмысленным. Они знали, что находятся, вероятно, неподалеку от лагеря, но, продолжая путь, одинаково могли и приблизиться к нему и удалиться.

И они пришли наконец к заключению, что самое разумное - до рассвета не двигаться с места.

Поэтому они спешили и привязали коней в кустах - пусть жуют листья до зари, которой уже недолго оставалось ждать. Завернулись в свои кароссы и улеглись на землю. Гендрик и Черныш сразу заснули. Ван Блома тоже клонило ко сну, он достаточно был утомлен, но тревога за детей, переполнявшая сердце отца, не давала ему сомкнуть глаз, и он лежал без сна до утра. Оно наконец наступило, и с первым же проблеском света трек-бур оглядел окружающую местность. Путники, к счастью, заночевали на вершине небольшого холма, откуда во все стороны открывался вид на много миль, но ван Блум еще не окинул взглядом и половины всего представшего ему простора, как возник перед его глазами предмет, при виде которого его сердце забилося радостью. То был белый парусиновый верх его фургона!

Веселый возглас, вырвавшийся у ван Блома, разбудил спящих, которые тут же вскочили на ноги; все втроем они загляделись на это отрадное зрелище. Но понемногу их радость уступила место другим чувствам. Да полно, их ли это фургон? Похоже, что их; но он стоял в доброй полумиле - в таком отдалении все фургоны напоминают один другой. А вид окружавшей его местности наводил на сомнения.

Нет, решительно место было совсем не то, где выпрягли они лошадей!

Свой фургон они оставили в узкой долине между двумя пологими склонами - и этот стоял в подобной же долине. Там было рядом маленькое болотце, образовавшееся подле ручья, - и здесь было такое же: они видели издали блеск воды. Но во всех других отношениях местность рознилась с тою. Долину, где они разбили лагерь, всю сплошь - по дну и по склонам - застилал зеленый ковер травы, а эта лежала перед их глазами бурая и голая. Не видно было ни былинки - зелень, казалось, сохранилась тут только на деревьях. Кусты, какие пониже, и те были как будто лишены листвы! Местность своим видом нисколько не походила на ту, где они стали лагерем. А здесь, подумалось им, была, очевидно, стоянка каких-то других путешественников.

Они совсем уже было пришли к такому заключению, когда Черныш, внимательно осматривавший все вокруг, наконец устался в землю под ногами. С полминуты он ее разглядывал - что теперь, при усиливавшемся свете, стало уже нетрудным - и вдруг повернул лицо к остальным и предложил им обратить внимание на поверхность почвы в степи. Ее, как они увидели, сплошь покрывали какие-то следы, как будто бы от тысячи копыт. В самом деле, степь сейчас походила на обширный овечий загон; такой обширный, что, насколько хватал глаз, повсюду видна была все та же покрытая следами, истоптанная земля.

Что это значило? Гендрик не понимал. Ван Блум не мог решить. Но Черныш определил с одного взгляда. Для него такое зрелище было не ново.

- Все хорошо, баас, - сказал он, подняв голову и глядя хозяину в лицо. Это наш старый фургон!.. И ручей тот, и долина та... то самое место... Тут прошли трек-бокен.

- Трек-бокен? - подхватили разом ван Блум и Гендрик.

- Да, баас, и очень большое стадо. Это следы антилоп... Смотрите!

Ван Блоому все теперь стало понятно. Нагота степи, отсутствие листьев на более низких кустах, миллионы отпечатков маленьких копыт - все разъяснилось.

По степи прошло стадо антилоп из вида горных скакунов ("трек-бокен", как они зовутся у буров). Вот что так неузнаваемо изменило местность! А фургон, стало быть не чей иной, как его собственный.

Не теряя времени, они отвязали своих лошадей, взнуздали их и быстро понеслись вниз по склону холма. Хотя при виде фургона у ван Блоома немного отлегло от сердца, он все еще не освободился от дурного предчувствия.

Вскоре путники могли уже разглядеть подле фургона двух лошадей, привязанных к его колесам, тут же стояла и корова, но ни коз, ни овец нигде поблизости не было видно.

У задних колес фургона горел костер, под фургоном что-то чернело, но не приметно было нигде никого из людей.

По мере приближения все сильнее бились сердца у ван Блоома и у двух его спутников. Они не сводили глаз с фургона.

Тревога становилась все острее. Триста ярдов отделяли их от места, а на стоянке все еще никто не шевелился - не появлялось ни одной человеческой фигуры. Ван Блоом и Гендрик были вне себя от беспокойства. Но вот обе лошади у фургона громко заржали; черная тень под фургоном задвигалась, вылезла, поднялась во весь рост, и путники узнали Тотти. Она торопливо отодвинула заднюю дверцу фургона, и оттуда выглянули три юных лица. Крик радости вырвался у всадников, а мгновением позже маленькие Ян и Трейи выпрыгнули из-под парусиновой крыши прямо в объятия отца, между тем как Гендрик, Ганс, Тотти и Черныш весело здоровались. И столько было при этом радостной суматохи, что, право, не описать!

Глава XIV

КОЧЕВЬЕ АНТИЛОП

Не обошлось без приключений и у тех, кто оставался в лагере; и рассказ их был вовсе не веселый, так как из него вытекало неприятное обстоятельство: овцы и козы потеряны. Стадо пропало - и при крайне необычных обстоятельствах, а надежда возвратить его была более чем сомнительна.

Ганс начал так:

- В день, когда вы от нас уехали, не произошло ничего особенного. С обеда до вечера я был занят - резал для крааля кусты колючки, так называемой "стой-погоди". Тотти помогала мне таскать их, а Ян и Трейи присматривали за стадом. Наши козы и овцы не забредали за пределы долины - трава была хорошая, а усталость после долгого пути еще давала о себе знать. Так вот. Мы с Тотти, как вы видите, соорудили крааль по всем правилам. Когда настала ночь, мы в него загнали стадо; потом Тотти подоила корову, все поужинали и легли спать. Мы изрядно устали и всю ночь спали без просыпу. Вокруг рыскали гиены и шакалы, но мы знали, что они не проникнут в крааль.

Широким движением руки Ганс указал на круговую ограду, отлично им построенную из терновника. Затем он вернулся к своему рассказу:

- Утром мы всё нашли в полном порядке. Тотти снова подоила корову, мы позавтракали. Овец и коз выпустили попасись на траве, лошадей и корову тоже. Ближе к полудню я стал подумывать, что же нам сварить на обед, - все, что у нас оставалось, съели за завтраком. Мне не хотелось закалывать еще одну овцу, покуда можно обойтись без этого. Итак, приказав Яну и Трейи не отходить от фургона, а Тотти - присматривать за стадом, я взял свое ружье и отправился поискать дичи. Пошел пешком, так как мне казалось, что я видел вдалеке на равнине горных скакунов, а к ним лучше подбираться без лошади. Горных скакунов, что и говорить, было вокруг немало. Когда я вышел за край долины и обвел глазами открывшееся предо мной пространство, я увидел, смею вас уверить, удивительную

картину. Я сам едва поверил своим глазам. С западной стороны вся степь, казалось, являла собой одно сплошное стадо антилоп; и по их окраске - светло-желтой на боках, белоснежной на крестце я в них узнал горных скакунов. Они минуты не оставались в покое: пока одни пощипывали траву, сотни других непрерывно прыгали чуть ли не на десять футов в высоту, наскакивая друг на друга. Право же, это было едва ли не самое любопытное зрелище, какое случилось мне видеть, и самое приятное: я знал, что животные, покрывшие степь, не лютые звери, а прелестные, грациозные маленькие газели. Моей первой мыслью было подобраться к ним поближе и выстрелить; я уже направился прямо в степь, когда заметил, что антилопы сами надвигаются на меня. Я увидел, что они быстро приближаются и, если мне стоять на месте, они меня избавят от труда идти к ним самому. Я улегся за кустом. Лежу и жду. Ждать пришлось недолго. Не прошло и четверти часа, как передние из стада значительно ко мне приблизились, а еще через пять минут уже два-три десятка оказались на расстоянии выстрела. Но я не стал стрелять, я знал, что они подойдут еще ближе, и лежал, наблюдая за движениями этих красивых антилоп. Я разглядывал их легкие, изящные формы, их стройные ноги, их окраску: коричневая спинка, белое брюшко, рыжая продольная полоска на каждом боку. Я видел лировидные рога самцов и, главное, своеобразные белые пятна на крупах, открывавшиеся глазу каждый раз, когда антилопы подпрыгивали, задирая хвост и показывая под ним густую шелковистую шерсть, белую, как снег. Все это я примечал, и наконец, налюбовавшись вдосталь, высмотрел одну хорошенькую самочку - я не позабыл об обеде, а всем известно, что самое вкусное мясо бывает у самок. Старательно нацелившись, я выстрелил. Самка упала, но, к моему удивлению, остальные животные не разбежались. Только несколько самых передних отпрянули назад и подскочили высоко в воздух, но тут же стали снова преспокойно щипать траву. Основная масса продолжала, как и раньше, двигаться вперед. Я как мог скорее перезарядил ружье и повалил еще одного скакуна, на этот раз самца, по-прежнему не спугнув остальных.

Я принялся в третий раз заряжать, но не успел еще довести дело до конца, как передние ряды антилоп уже пронесли мимо меня с обеих сторон, и я оказался в середине стада.

Прятаться за кустом, решил я, было теперь ни к чему. Я поднялся, стал на одно колено и выстрелил в ближайшего от меня скакуна, который тут же упал. Его товарищи не остановились, и тело его оказалось растоптано тысячью копыт. Я снова зарядил ружье и стал во весь рост. Тут я впервые задумался, почему горные скакуны ведут себя так странно; вместо того чтобы помчаться прочь при моем появлении, они только слегка шарахнулись в сторону и продолжали бежать, не изменив направления. Их точно несло вперед, как в дурмане. Мне вспомнилось, где-то я слышал, что так горные скакуны ведут себя во время своих переселений. Значит, подумал я, это и есть переселение стада.

Вскоре я утвердился в этой мысли, потому что стадо вокруг меня сбивалось с каждой минутой все теснее, и мне становилось не по себе. Я не то чтобы боялся этих животных - они не выказывали никаких поползновений направить на меня свои рога - наоборот, они старались сколько могли обходить меня подальше. Но я внушал беспокойство только самым ближайшим; тех, что находились от меня в ста ярдах, мое присутствие ничуть не страшило, и они не желали хоть сколько-нибудь посторониться. Поэтому ближайшие могли податься лишь на два-три шага от меня, заставляя соседей сбиваться в кучу или же перепрыгивая через них, так что вокруг меня все время было двойное плотное кольцо - одно на земле и второе в воздухе! Не могу описать, какие странные чувства владели мною в этом необычном положении, и не знаю, долго ли я простоял бы так на месте. Может быть, я попытался бы еще несколько раз зарядить ружье и выстрелить, если бы вдруг не вспомнил об овцах. "Стадо увлечет их за собой", - подумалось мне. Я слышал, что это случается довольно часто. Антилопы, сообразил я, направляются к нашей долине передние уже вступили в нее; скоро они добегут до того места, где, как я недавно видел, паслись овцы и козы. В надежде, что я опережу горных скакунов и загоню овец в крааль раньше, чем те завлекут их в свое стадо, я побежал к долине. Но, к моему огорчению, я не мог идти быстрее, чем подвигалось стадо.

Задолго до того, как я пробился к фургону, я увидел, что Ян, и Трейи, и Тотти

благополучно сидят под парусиновым верхом. Это меня порадовало, но я увидел также, что козы и овцы уже смешались со стадом горных скакунов и те увлекают их за собой, как если бы наши животные принадлежали к одному с ними виду. Боюсь, мы потеряли их безвозвратно...

Итак, ван Блоом и его семья очутились в крайнем затруднении. Весь их скот ушел. Только и было у них, что одна корова и несколько лошадей, да и для тех антилопы не оставили не клочка травы. Чем их теперь кормить?

Пуститься по следам кочующих горных скакунов в надежде вернуть своих овец и коз? Бесплезное дело! Так уверял Черныш. Несчастные животные пробегут сотни миль, пока смогут отделиться от огромного стада антилоп и закончить свое невольное путешествие. Оседлать коней и пуститься в погоню? Но далеко на них не проскачешь. Их нечем подкормить, кроме как листьями мимозы, а это не корм для изголодавшихся лошадей. Счастье будет, если они не падут прежде, чем удастся выбраться с ними на какое-нибудь пастбище. Но где теперь искать его? Сперва саранча, а потом еще и антилопы, казалось, превратили всю Африку в пустыню.

Ван Блоом быстро принял решение. Он переночует здесь, на месте, а рано поутру двинется разыскивать какой-нибудь другой источник.

К счастью, Ганс не преминул приволочь туши подстреленных им горных скакунов, и теперь их мясо, сочное и вкусное, пришлось как нельзя более кстати. Жаркое из антилопы да глоток холодной ключевой воды быстро восстановили силы трех истомившихся путешественников.

Лошадей пустили пастись среди деревьев мимозы и предоставили самим себе; и, хотя, при обычных обстоятельствах они "воротили бы носы" от такого корма, теперь они отнеслись к нему совсем по-другому и принялись обчищать колючие ветви усердней иного жирафа.

Глава XV

В ПОИСКАХ РОДНИКА

Едва рассвело, ван Блоом был уже в седле. С собою он решил взять только Черныша; Ганс и Гендрик остались при фургоне ждать их возвращения. Лошадей для поездки отобрали из тех, что еще не покидали лагеря, - эти были менее утомлены.

Ехали неуклонно на запад. Это направление они предпочли по той причине, что стадо горных скакунов, как показывали следы, пришло с севера. Путники надеялись, что, двигаясь все время на запад, они быстрее выйдут из полосы опустошения.

К большой их радости, уже через час они оказались за пределами местности, где прошло стадо антилоп; и хотя вода еще не встретилась, всюду была прекрасная трава.

Теперь ван Блоом отправил Черныша назад за остальными лошадьми и коровой, условившись, куда тот приведет их пастись, а сам пустился дальше на поиски воды. Сделав еще несколько миль, он увидел на севере длинную гряду скал, вставшую прямо над степью и уходившую далеко на запад, до самого горизонта. Полагая, что близ этих скал скорее сыщется вода, он повернул к ним своего коня. Чем ближе подъезжал он к основанию хребта, тем больше его привлекала открывавшаяся перед глазами картина. Он пересекал покрытые густой травой поляны, то маленькие, то побольше, отделенные друг от друга рощами нежно-зеленой мимозы; местами они образовывали обширные заросли, местами же состояли из нескольких низеньких кустиков. Высоко над мимозовым подлесьем здесь и там поднимались купы деревьев-исполинов какой-то совсем незнакомой ван Блоому породы - таких он еще никогда не видывал. Они разбросаны были по степи разреженным лесом; но густая вершина каждого дерева представляла сама по себе как бы целый лесок. Вся местность вокруг напоминала своим видом пленительный парк и являла приятный контраст угрюмому хребту. Он вздымался над равниной скалистой кручей высотой в несколько сот футов и отвесной, казалось, как стены дома.

Глаз путника отдыхал на этом красивом ландшафте: такой чудесный уголок среди такой наготы! Ван Блум знал, что окружающая местность почти всюду малопривлекательна - немногим лучше нелюдимой степи. К северу она переходит в пустыню, которая тянется на сотни миль, - знаменитую Калахари, - и эта каменная гряда составляет часть южного рубежа пустыни.

При других обстоятельствах подобное зрелище наполнило бы радостью сердце феебура, но теперь, когда не стало у него скота, что проку было ему в этих тучных пастбищах!

Как ни хороша была картина местности, думы путника приняли печальный оборот. Однако ван Блум не предался отчаянию. Тревоги дня не позволяли задерживаться слишком долго на мыслях о будущем. Первая задача - отыскать такое место, где могли бы откормиться лошади. Без них он не сможет двинуться дальше в глубь степей, без них он поистине беспомощен. Самое желанное сейчас - вода. Покуда не удастся найти воду, весь этот чудесный парк, которым он проезжает, для него имеет не больше цены, чем бурая пустыня. Но, конечно, такой прелестный оазис не мог бы существовать без самого необходимого - без влаги. Так размышлял ван Блум. И каждый раз, как вставала перед ним новая роща, глаза его принимались отыскивать ручей.

- Го-го! - вскричал он радостно, когда из-под ног его шарахнулась со всем своим выводком намаква, крупная куропатка. - Добрый знак! Эту птицу не часто встретишь вдали от воды.

Вскоре затем он увидел стайку красивых цесарок, побежавших в рощу, - новое свидетельство, что неподалеку есть вода. Но вернее всего указывал на ее близость третий признак: на маковке высокой жирафьей акации ван Блум разглядел сквозь листву яркое оперение попугая.

- Ну, теперь, - пробормотал он, сам себя успокаивая, - я, конечно, совсем рядом с каким-нибудь ручьем или заводью.

Весело поскакал он дальше и через несколько минут въехал на гребень довольно высокого взгорья. Здесь он остановил коня и стал следить за полетом птиц.

Он сразу же увидел выводок куропаток, летевших на запад, затем еще один потянулся туда же. Оба выводка опустились, как показалось ему, у исполинского дерева, высившегося среди равнины ярдах в пятистах от подошвы скалистого кряжа. Дерево это росло особняком от прочих и было куда больше всех, какие видел в пути ван Блум.

Пока он стоял на месте, дивясь дереву-великану, он подметил, как несколько пар попугаев сели в его ветвях.

Они перекликались и, посидев немного, снимались парами с веток и опускались на землю где-то у подножия дерева.

"Там она, значит, и есть, вода, - подумал ван Блум. - Подъеду погляжу".

Но его лошадь не ждала, пока он примет свое решение. Она уже рвалась в узде и, как только всадник направил ее в сторону дерева, бодро понеслась, вытянув шею и храпя на скаку. Доверившись инстинкту своего коня, всадник опустил поводья, и не прошло и пяти минут, как оба - конь и всадник - пили уже вкусную воду из чистого ключа, бившего в десяти шагах от дерева.

Ван Блум не стал бы медлить и тут же пустился бы в обратный путь к фургону, но он подумал, что, если дать лошади с часок пощипать траву, она потом побежит резвее и доставит его на место примерно к тому же времени. Поэтому он снял узду и дал скакуну попасть на воле, а сам растянулся под деревом-великаном. Лежа в тени, он невольно залюбовался величественно вздымавшимся над ним удивительным произведением природы. Это было чуть ли не самое большое дерево, какое видел на своем веку ван Блум. Оно принадлежало к одному из видов фикуса, к породе, называемой "нвана", а широким резным листом, густо росшим на его великолепной вершине, напоминало явор. Ствол его достигал двадцати футов в поперечнике и больше чем на двадцать футов был ровный и гладкий, и только выше пускал во все стороны множество длинных горизонтальных ветвей. Сквозь густую листву проглядывали блестящие яйцевидные плоды величиной с кокосовый орех.

Наслаждаясь прохладой под навесом тенистой листвы, ван Блум снова и снова возвращался к мысли о том, что хорошо бы построить в этом месте крааль. Обитателям жилища, приютившегося под дружественным кровом нваны, не придется бояться нещадных лучей африканского солнца; да и дождь едва ли пробьется сквозь этот лиственный полог. Право, густая крона дерева сама по себе уже почти составляла крышу.

Не лишишь фее-бур своего скота, он, конечно, сразу бы решил обосноваться здесь. Но как ни казалось это соблазнительным, что стал бы он делать теперь в таком месте? Для него оно было той же пустыней. Никаким промыслом он не мог заняться в таком отдаленном уголке. Правда, здесь можно прокормить себя и семью охотой. Дичи вокруг, он видел, было сколько угодно. Но это сулило бы жалкое прозябание без видов на будущее. Что стали бы делать впоследствии его дети? Неужели они должны вырасти только для такого назначения в жизни сделаться охотниками, необразованными, стоящими на уровне несчастных дикарей-бушменов? Нет, нет и нет! Ставить тут свой дом - об этом не могло быть и речи. Придется лишь на несколько дней дать отдых измученным лошадям, а потом со свежими силами двинуться в обратный путь и выбраться к поселениям.

Но что с ним будет, когда он вернется в колонию? Этого ван Блум не знал. Будущее представлялось мрачным и неопределенным. Час или немного больше предавался он этим думам; потом решил, что пора возвращаться в лагерь. Поймав и взнуздав свою лошадь, он вскочил в седло и пустился в путь.

Сочная трава и свежая вода восстановили силы лошади, и она резво его понесла; не прошло и двух часов, как ван Блум съехался с Чернышем и Гендриком на условленной поляне. Теперь лошадей повели обратно в лагерь, запрягли, и тяжелый фургон снова покатило по степи. Солнце еще не зашло, когда длинный белый парусиновый тент заблестал под лиственным кровом исполинской нваны.

Глава XVI ГРОЗНАЯ ЦЕЦЕ

Расстилавшийся вокруг зеленый ковер, густая листва деревьев, цветы у ручья, кристальная вода в его русле, черные крутые скалы, громоздившиеся вдаль, все это вместе составляло чарующую картину. Глаза путников отдыхали на ней, и, пока распрягали фургон, каждый не преминул громким возгласом выразить свой восторг. Место, как видно, всем пришлось по душе. Гансу полюбилась эта лесная красота, дышавшая покоем. О лучшем уголке для прогулок он и не мечтал бы - бери книгу в руки и часами броди в одиноком раздумье. Гендрику место понравилось потому, что оно было, как он выразился, "истоптано на славу"; иными словами, он уже углядел вокруг следы разнообразных африканских животных, вплоть до самых крупных. Маленькую Трею радовало, что здесь так много красивых цветов. Она видела кругом и ярко-малиновую герань, и белые звездочки душистого жасмина, и горделивые лилии, розовые и белые. Цветы не только пестрели в траве - они цвели и на кустах, и даже на деревьях.

Тут был и медовый кустарник, самый красивый в своем семействе, весь в больших чашевидных венчиках - алых, белых и желтых; было здесь и серебряное дерево с нежными серебристыми листьями - когда ими играл ветерок, они становились похожи на громадные букеты шелковых цветов, - и были усыпанные золотом деревца мимозы, разливавшие в воздухе свой сильный и приятный запах.

Но больше всего восторгала маленькую Трею прелестная голубая кувшинка, недаром слышущая одним из самых красивых африканских цветков. Поодаль от ручья, в сторону равнины, сверкала небольшая заводь, хотя, пожалуй, ее можно бы назвать и озерцом, а на ее тихой водной глади дремали в величавой красоте небесно-голубые венчики этих кувшинок.

Трею, ведя за собой на поводу своего маленького любимца, подошла к самому берегу полюбоваться на них. Девочка глядела и не могла наглядеться.

- Мне хочется, чтобы папа остался здесь подольше, - сказала она увязавшемуся за нею

маленькому Яну.

- И мне... Ах, Трейи, какое там чудесное дерево! Посмотри! Орехи на нем величиной с мою голову, право! Как бы нам, сестрица, сбить их с веток?

Переговариваясь так, двое малышней любовались каждый по-своему новой для них картиной.

Однако как ни были довольны все младшие в семье, они лишь очень сдержанно выражали свою радость, потому что их смущал пасмурный взгляд отца. Ван Блоом спокойно сидел под приютившим их деревом, но не поднимал взгляда, как будто погруженный в мучительное раздумье. Это видели все.

Мысли его были в самом деле мучительны, да иначе и быть не могло. Ему оставалось одно: вернуться в колонию и начать свой жизненный путь сначала. Но с чем начинать? К чему приступить? Он лишился всего и мог только пойти на службу к кому-либо из более богатых соседей, а для человека, привыкшего смолоду к независимости, это было бы очень тяжело. Он поднял глаза и посмотрел на пятерку своих лошадей, которые теперь усердно щипали сочную траву, росшую в тени у подножия скалистого кряжа. Когда они наберутся сил, чтобы можно было снова запрячь их? Пожалуй, дня через три-четыре он тронется в путь. Отличные лошади, породистые, сильные, - они, конечно, повезут фургон без большого труда... Так текли мысли бывшего фельдкорнета.

Не думал он в ту минуту, что его лошади уже никогда не смогут тянуть ни фургона, ни другой повозки. Не думал он, что все пять его благородных коней обречены на гибель...

Но это было так. Не прошло и недели, как шакалы и гиены затеяли свару на их костях. В ту самую минуту, когда владелец загляделся на пасущихся лошадей, яд уже сочился по их жилам и начали воспаляться смертельные язвы. Увы! Над головою ван Блоома нависла новая туча. Он подметил, что время от времени пасшиеся лошади проявляли признаки беспокойства. Они вздрагивали вдруг, принимались хлестать себя по бокам длинным хвостом, тереться головой о кусты.

"Им, верно, докучает какая-то муха", - подумал трек-бур и больше о них не тревожился. Знай он, что представляет собой эта маленькая мушка, он бы сорвался с места, кликнул своих сыновей и бушмена, кинулся с ними к лошадям, изловил их как можно быстрее и увел бы подальше от этих темных скал. Но он не был знаком с мухой цеце. Оставалось еще с четверть часа до захода солнца, и лошадям не мешали пастись на воле. Но ван Блоом заметил, что они с каждой минутой ведут себя все беспокойней - вдруг забьют копытами о землю или отпрянут в сторону и время от времени начинают сердито ржать. Ван Блоом от них отделяло с четверть мили, и он с такого расстояния не мог увидеть, что беспокоит лошадей; но их необычное поведение в конце концов побудило его встать и направиться к ним. Ганс и Гендрик пошли с ним вместе. Когда они подошли поближе, то их поразило то, что они увидели: каждую лошадь точно осаждал пчелиный рой! Потом они разглядели, что это не пчелы, а насекомые помельче, коричневого цвета, с виду похожие на большую муху-жигалку и очень быстрые в полете. Они тысячами сновали в воздухе над каждой из пяти лошадей и сотнями садились им на голову, на шею, на спину, на бока, на ноги, - словом, на все части тела. Мушки не то кусали, не то жалили их; неудивительно, что бедным лошадям было не по себе.

Ван Блоом предложил отогнать лошадей подальше в степь, куда эти мушки, по-видимому, не залетали. Его беспокоило только одно: что лошади из-за них нервничают.

По той же причине жалел лошадей и Гендрик; из всех троих один только Ганс угадал истину. Ему доводилось читать о страшном насекомом, которое водится в некоторых глубинных областях Южной Африки, и при виде мушек у него сразу возникло подозрение, что это оно и есть.

Юноша тотчас поделился своею догадкой с отцом и братом, и те не на шутку встревожились.

- Позовите сюда Черныша! - распорядился ван Блоом.

Кликнули бушмена, и тот немедля прибежал с веревками в руке. Последний час он был

занят разгрузкой фургона и не думал о лошадях и о странном их поведении. Но когда он прибежал на зов и увидел рой, круживший над лошадьми, маленькие глазки его широко раскрылись и все лицо исказилось в изумлении и крайней тревоге.

- Что это такое, Черныш? - спросил хозяин.

- Мин баас! Мин баас! Тут сам дьявол... эта разбойница - муха цеце!

- А что такое "цеце"?

- Боже!.. Все мертвы... Мертвы! Все наши лошади!

То и дело сам себя перебивая громкими причитаниями, Черныш принялся разъяснять, что жало мухи, которую они видят перед собой, ядовито; что лошади неизбежно умрут - раньше или позже, в зависимости от числа полученных ими укусов; но стоявший над ними рой не оставил у бушмена сомнения, что лошади основательно искусаны и в течение одной недели все до единой падут.

- Ждите, мин баас, - завтрашний день покажет.

И в самом деле, на другой день, еще до полудня, у лошадей появились опухоли на голове и по всему телу; воспаленные веки почти закрывали им глаза; несчастные животные не желали щипать траву и бродили, словно вслепую, по тучному пастбищу, давая знать о мучившей их боли глухим, печальным ржанием. Каждый понял бы, что они обречены на гибель. Ван Блум пробовал пустить им кровь, испытывал разные другие средства, но безуспешно. От укуса мухи цеце нет исцеления!

Глава XVII

ДОЛГОРОГИИ НОСОРОГ

Гендрик ван Блум был на грани полного отчаяния. Судьба, казалось, преследовала его на каждом шагу. Годами он шел под уклон, из года в год оскудевало его земное богатство, он делался все беднее. Теперь он достиг самой низшей ступени - стал просто нищим. У него не осталось уже ничего. Лошади были все равно что мертвы. Только корова была спасена от цеце: ее не подпускали к подножию хребта и выгоняли пастись в открытую степь; она и составляла теперь весь "живой инвентарь" трек-бура, все его имущество. Правда, у него оставался еще превосходный фургон, но что проку в нем без волов или лошадей? Фургон без упряжки! Уж лучше бы упряжка без фургона.

Что предпринять? Как найти выход из положения? А оно было достаточно трудное, чтобы не сказать хуже: трек-бур находился сейчас в двухстах милях от ближайшего культурного поселения, и добраться туда не было иной возможности, как только пешком; но как пройти с малышами двести миль? Немыслимое дело!

Пешком по голым, безлюдным степям, преодолевая страшную усталость, терпя голод и жажду, подвергаясь встречам с опасными хищниками! Нет, не под силу будет детям совершить такой путь.

"А что еще делать?" - спрашивал себя ван Блум. Остаться здесь с детьми на всю жизнь, кормясь охотой в меру удачи да кореньями? Неужели стать ему дикарем-охотником, бушменом, "лесным человеком", а детям - "лесными ребятами"?

Такие мысли непрестанно осаждали ван Блоома. Неудивительно, что он чувствовал себя глубоко несчастным. Он сидел, сжав виски ладонями, и восклицал:

- Милосердное небо! Что станет со мной и с детьми?

Бедный ван Блум! Он дошел до самой низкой ступени, уготованной ему судьбой. Да, поистине самой низкой, потому что в тот же день - и даже в тот же час - случилось нечто такое, что не только доставило облегчение его угнетенной душе, но обещало лечь в основу нового благополучия. Один лишь час спустя будущее стало рисоваться ван Блоому совсем в ином свете, один лишь час спустя он был уже счастливым человеком, и все вокруг почувствовали себя такими же счастливыми!

Вам не терпится услышать, как произошла такая перемена? Какая маленькая фея выскочила из родника или сошла с горы, чтобы оказать покровительство доброму буру-

кочевнику в трудную минуту? Вам не терпится услышать? Вы услышите!

Солнце клонилось к закату. Трек-бур со своей семьей сидел под большой нваной у костра, на котором только что сварили ужин. Не было разговоров, веселой болтовни - дети видели, что отец удручен, и сами притихли. Никто не разговаривал, только изредка перемолвятся словом, да и то шепотком. В эту-то минуту и выразил ван Блум свои печальные думы приведенным выше восклицанием.

Словно ища ответа, он поднял к небу глаза, потом обвел ими равнину. И вдруг его взгляд остановился на странном предмете, только что появившемся из дальней заросли кустов.

Это был какой-то зверь, очень большой, так что ван Блум и другие приняли его поначалу за слона. Никто из них, кроме Черныша, еще не видывал диких слонов. Хотя слоны водились когда-то по всей южной половине Африки, они уже давно ушли из населенных мест, и в наши дни встретить их можно только за пределами Капской колонии. Но трек-бур и его сыновья знали, что слоны здесь водятся, так как заметили уже их следы, а потому они все и подумали, что приближавшееся животное, наверно, слон. Впрочем, Черныш составил исключение. Как только взгляд его упал на зверя, маленькой бушмен вскричал:

- Чукуру! Это чукуру!

- Носорог? - сказал ван Блум, зная, что "чукуру" - бушменское название, носорога.

- Да, баас, - ответил Черныш, - очень большой детина! Кобаоба, длиннорогий белый носорог.

Эти слова Черныша означали, что приближавшийся к ним зверь принадлежал к крупному виду носорогов, которых туземцы именуют "кобаоба". Теперь, мой юный читатель, я позволю себе заметить, что ты, вероятно, всю свою жизнь воображал, будто на свете есть только один вид носорога, который так и зовется: носорог. Я прав? Ну конечно.

Ты, доложу я тебе, ошибался. Существует множество различных видов этого весьма своеобразного животного. Мне их известно по меньшей мере восемь. И я без колебания скажу, что, когда Центральная Африка, Южная Азия и острова Малайского архипелага будут в полной мере исследованы, видов носорога окажется еще в полтора раза больше.

В Южной Африке хорошо известны четыре вида, еще один вид, отличный от них, водится в Северной Африке, а большой индийский носорог имеет лишь отдаленное сходство с каким бы то ни было из африканских. К обособленному виду, отличному от африканских и индийского, принадлежит носорог, живущий на острове Суматра, и еще один самостоятельный вид составляет яванский носорог, обитатель острова Ява. Итак, мы насчитали не менее восьми пород носорога, резко различающихся между собой.

По музеям, зверинцам и по картинкам, пожалуй, наиболее известен индийский носорог. Он отличается характерными складками кожи и весь изукрашен толстыми шишками, придающими его шкуре сходство с панцирем. Это отличает его от африканских видов, которые все лишены такого панциря, хотя у некоторых из них шкура узловатая или бородавчатая.

У абиссинского носорога шкура также собрана в складки, что несколько сближает его с индийским.

Носорог Суматры и яванский носорог невелики по сравнению со своим родичем огромным индийским носорогом, водящимся только в континентальной Индии, в Сиаме и Кохинхине.

Яванский носорог приближается к индийскому, поскольку он, как и тот, покрыт шишками и имеет один рог. Однако мы не находим у него своеобразных складок шкуры, характерных для индийского вида. У носорога Суматры нет ни складок, ни шишек. На его шкуре имеется легкий волосяной покров, а два рога на носу сближают его с двурогими африканскими видами.

Туземцам Южной Африки знакомы четыре различных вида носорогов, которые они обозначают соответственно четырьмя различными названиями; и можно здесь кстати отметить, что для классификации носорогов эти наблюдения охотников-дикарей

заслуживают больше веры, нежели мнения чисто кабинетных ученых, которые строят свои выводы на присутствии или отсутствии какого-нибудь зуба, шишки или складок кожи. Нашим знанием одушевленной природы мы обязаны не столько кабинетным ученым, сколько "грубым охотникам", которых те пытаются презирать и которые, по правде говоря, научили нас чуть ли не всему, что нам известно о повадках и привычках того или другого животного. Такой "грубый охотник", как, например, Гордон Камминг, больше способствовал расширению наших сведений по зоологии Африки, чем целый синклит ученых теоретиков.

Так вот, Гордон Камминг, которого столько обвиняли - и, по-моему, напрасно - в преувеличениях, написал очень скромную и правдивую книгу, где вы прочтете, что в Южной Африке встречаются четыре породы носорогов, и едва ли кто-либо знает это лучше, чем он.

Четыре африканских вида известны среди туземцев под именем "бореле", "кейтлоа", "мучочо" и "кобаоба". Два первых вида относятся к черным носорогам, то есть общая окраска их шкуры темная, тогда как мучочо и кобаоба - белые носороги, и шкура у них грязно-белесого цвета. Черные носороги много мельче - чуть ли не вполовину против белых - и отличаются от них длиной, посадкой своих рогов и некоторыми другими особенностями.

Рога у бореле расположены, как и у всех прочих видов, на когтистом бугре над ноздрями, откуда и произошло это наименование - носорог.

Но у бореле они торчат вверх, слегка отклоняясь назад, и один позади другого. Передний рог у него длиннее - он достигает восемнадцати дюймов в длину, а иногда и более того, но часто бывает обломан или же стерт. Задний рог у этого вида напоминает скорее что-то вроде шишки, тогда как у кейтлоа, то есть у двурогого черного носорога, оба рога вполне развиты и имеют почти одинаковую высоту.

У мучочо и кобаоба задний рог развит слабо; зато передний у обоих этих видов значительно длиннее, чем у бореле или кейтлоа. У мучочо он нередко достигает трех футов длины, а у кобаоба можно зачастую увидеть рог в четыре фута, торчащий над концом его безобразной морды, - грозное оружие!

У двух последних видов рог не загнут назад, а направлен острием вперед, и, так как оба эти носорога держат голову низко склоненной, их длинное острое копые оказывается нередко в горизонтальном положении. Формой и длиной шеи, посадкой ушей, да и многими другими особенностями черные носороги существенно отличаются от белых. Несходны они и образом жизни. Черные питаются преимущественно листьями и ветвями колючих кустов, таких, как колючая акация или "стой-погоди", тогда как белые живут травой. Черные свирепей нравом - они набрасываются и на человека и на любого зверя, какой попадется им на глаза, а иногда как будто даже срывают свою ярость на кустах и разносят их в клочья.

Белые носороги тоже довольно свирепы, если их поранить или раздражить, но, в общем, склонны к миролюбию и позволяют охотнику пройти мимо, не причинив ему вреда. Они легко жиреют, и мясо их пригодно для еды. Из всех африканских животных ни одно так не ценится за мясо, как теленок белого носорога. Напротив, черные носороги никогда не жиреют, и мясо у них жесткое и невкусное.

Рога всех четырех идут у туземцев на различные нужды, так как они крепки, прекрасной фактуры и отлично поддаются полировке. Из самых длинных рогов местные жители выделывают массивные трости, а также шомполы для своих ружей. Рога покороче идут на молотки, стаканы, ручки для разных небольших инструментов и тому подобные поделки. В Абиссинии и других областях Северной Африки, где в ходу мечи, их рукояти делаются из рогов носорога. Шкура носорога также идет на различные изделия, между прочим - на кнут, известный под названием "ямбок", хотя ямбок из шкуры бегемота ценится выше.

У африканских носорогов, как мы уже упоминали, кожа не имеет ни складок, ни шишек, характерных для их азиатского сородича, но и у них она далеко не мягкая. Она так толста и труднопроницаема, что обыкновенная свинцовая пуля нередко сплющивается, ударяясь о нее. Чтобы она могла наверняка пробить шкуру носорога, ее отливают из особо твердого сплава.

Носорог не относится к водяным животным, вроде бегемота, однако и он любит водную стихию, и его не часто встретишь вдалеке от воды. Всем четверем африканским породам по нраву лежать и кататься в грязи - совсем как свиньям в летний день; и обычно они ходят сплошь облепленные грязью. Днем их можно увидеть лежащими или стоящими в тени какого-нибудь густого деревца мимозы в состоянии дремотной лени; ночью же они бродят в поисках пищи и водопоя. Если подойти к носорогу с подветренной стороны, его нетрудно захватить врасплох, потому что его крохотные бусинки-глаза не очень зорки. Наоборот, когда охотник идет по ветру, носорог может учуять его издалека, так как нюх у него превосходный. Будь носорог одарен к тому же и острым зрением, нападать на него было бы опасной игрой: бежит он с такой быстротой, что на первых порах обгоняет коня.

В броске и в беге черный носорог далеко превосходит белого. Все же охотнику легко от него увернуться: он только должен проворно отскочить в сторону, предоставив зверю слепо мчаться вперед.

Туловище черного носорога достигает шести футов высоты считая до плеч, и тринадцати футов длины. Белый крупнее: кобаоба имеет все семь футов вышины и четырнадцать длины.

Неудивительно, если зверя таких необычайных размеров приняли с первого взгляда за слона. Носорог породы кобаоба - самое крупное после слона четвероногое. При своей огромной морде - до полутора футов ширины, неуклюжей вытянутой голове и громоздком туловище он производит впечатление такой мощи и тяжеловесного величия, что в этом не уступает самому исполину-слону, а, по мнению иных, даже превосходит его. Он, можно сказать, являет собою как бы карикатуру на слона. Поэтому не так уж груба была ошибка, когда ван Блум и остальные, глядя из-за фургона, приняли кобаоба за могучего слона.

Черныш, однако, вывел всех из заблуждения, объявив, что животное, которое они видят, - белый носорог.

Глава XVIII ЖЕСТОКАЯ БИТВА

Когда они впервые заметили кобаоба, тот, как сказано, только что вышел из чащи кустарника. Не задерживаясь, зверь напрямик направился к упомянутому выше озерцу, очевидно, с намерением добраться до воды. Эта заводь была, конечно, обязана своим существованием роднику, хоть она и лежала на добрых двести ярдов в стороне от него и примерно на столько же от дерева-великана. Она была почти круглой формы, имея сто ярдов в диаметре, и, значит, занимала площадь в два с небольшим английских акра. Она с полным правом могла именоваться озером. Так ее и называли дети ван Блоома.

У верхнего края озера - у того, что был обращен к роднику, - берег вставал высоким откосом, а в двух-трех местах даже скалами, которые тянулись к роднику вдоль русла небольшого ручейка. У дальнего же, западного, конца озера берег был низменный, и местами поверхность воды стлалась чуть не вровень с прилегающей степью. Поэтому он был весь исчерчен следами животных, приходивших на водопой. Гендрик, страстный охотник, среди знакомых следов приметил и такие, которые, по-видимому, принадлежали неизвестным ему породам.

Кобаоба направлялся как раз туда, к нижнему концу озера - несомненно, своему излюбленному и привычному месту водопоя.

Там был уголок, где подступ к воде был легче, чем повсюду, - немного вбок от того места, где уходило от озера в степь сухое русло ручья. Это был заливчик, окаймленный светлой песчаной отмелью. С равнины к нему вело подобие крошечной ложбинки, вытопанной догола животными, издавна приходившими сюда утолять жажду. Вступив в заливчик, даже самые высокие животные находили здесь достаточную глубину и хорошее дно, что позволяло им пить спокойно и не слишком нагибаясь.

Кобаоба держал путь прямо к озеру, и, когда он подошел поближе, люди, наблюдавшие

за ним, увидели, что он вступил в ложбинку. Это послужило доказательством, что он бывал здесь не раз.

Мгновением позже носорог, выйдя к заливику, уже стоял по колено в воде. Сделав несколько изрядных глотков - то сопя, то чихая, - он погрузил в воду свою широкую рогатую морду и принялся мотать головой, пока вода не вспенилась, а затем лег на дно и начал перекачиваться с боку на бок, как свинья в луже.

Здесь было мелко, и большая часть его огромного туловища выступала над поверхностью, хотя, пожелай он выкупаться как следует, он в двух шагах от берега нашел бы достаточную глубину.

У ван Блоома и Гендрика сразу явилась мысль: нельзя ли окружить зверя и убить его? Не просто убить ради убийства, нет. Черныш успел уже им объяснить, как вкусно мясо белого носорога, а в лагере запас провианта пришел к концу. У Гендрика была и другая причина желать смерти зверя: ему нужен был новый шомпол для карабина, и он с вожделением поглядывал на длинный рог кобаоба.

Но пожелать носорогу смерти легко, а вот убить его не просто. У наших охотников не было лошадей - или, вернее, их лошади уже не годились под седло, - а попытка подкрасться к зверю на своих двоих была бы и пустой и опасной затеей. Носорог, по всей вероятности, поддел бы кого-нибудь из них на свое большое копье или попросту растоптал ножищами. А если бы даже ничего такого не случилось, он все равно ушел бы от них - носороги всех пород бегают быстрее человека.

Как же все-таки управиться с ним? Может быть, подойти поближе, выстрелить из засады и меткой пулей уложить на месте? Иногда удается убить носорога с первого же выстрела, но только надо знать, куда стрелять, чтобы пуля проникла в сердце или в другой жизненно необходимый орган.

План казался вполне осуществимым. Подобраться поближе было нетрудно: у самого водоема росли подходящие кусты. Если зайти с подветренной стороны, старый кобаоба, пожалуй, и не учует охотников, тем более что в ту минуту он был всецело поглощен своим приятным занятием.

Охотники решили попытать счастья и уже встали с земли, когда Черныша вдруг как будто свело судорогой: маленький бушмен весь задергался, заплясал на месте, чуть слышно бормоча:

- Клау, клау!

Глядя со стороны, всякий подумал бы, что Черныш внезапно помешался, но ван Блоом знал, что возглас "клау" означает у бушмена "слон", и сам посмотрел в ту сторону, куда указывал Черныш. Да, с запада в степи, вырисовываясь на желтом небе, возникла темная громада, в которой, если присмотреться, угадывались очертания слона. Явственно была видна над низкими кустами его округлая спина; шевелились на ходу широкие висячие уши. С одного взгляда все поняли, что слон направляется к озеру - и почти той же тропой, по которой прошел только что носорог. Это, понятно, опрокинуло все планы охотников. С появлением могучего слона они и думать забыли о белом носороге. Едва ли могли они рассчитывать, что удастся убить зверя-исполина, но все же подобная мысль мелькнула у них в уме. Почему не попытаться?

Однако они не успели еще составить какой-либо определенный план действий, как слон уже подошел к берегу озера. Шествовал он как будто медленно, но его огромные ноги быстро отмеряли расстояние, и свой путь он совершил куда быстрее, чем можно было ждать. Охотники едва успели обменяться мыслями, когда зверь-исполин был уже в нескольких ярдах от воды. Здесь он остановился, повел хоботом в одну сторону, в другую и застыл, как будто прислушиваясь. Не слышно было никакого шума, который мог бы его смутить, даже кобаоба притих.

Простояв так с минуту, исполин опять двинулся вперед и вступил в описанную уже ложбинку. Из лагеря он был виден теперь весь, как на ладони, хоть и находился в трехстах ярдах от зрителей. Он высился тяжелой громадой. Его туловище заполняло почти всю

ширину ложбинки, а длинные желтые бивни, выдаваясь на два с лишним ярда из челюсти, изящно изгибались кверху. Это был, как шепотом пояснил Черныш, "старый бык".

До последней минуты носорог даже не подозревал о приближении слона; при огромных размерах исполина поступь его бесшумна, как у кошки. Правда, из его утробы, когда он двигался, доносилось какое-то грохотание, похожее на далекий гром, но кобаоба был тогда слишком увлечен купанием и не слышал или же не слушал звуков, недостаточно близких, а возможно, недостаточно отчетливых. Но когда внезапно огромное тело слона четким силуэтом встало между ним и солнцем и отбросило густую тень на водоем, носорог с легкостью, поразительной при его неуклюжем сложении, мгновенно вскочил на ноги. При этом раздалось нечто среднее между хрипением и свистом, а из ноздрей купальщика изверглась струя воды. Слон тоже на свой лад произвел салют, который прогремел трубным гласом и отдался эхом в скалах; затем великан застыл на своей тропе - он увидел носорога. Встреча, очевидно, явилась для обоих неожиданной; оба стояли несколько секунд неподвижно, взирая друг на друга в явном удивлении. Удивление, однако, быстро сменилось совсем другим чувством. Животные стали проявлять признаки гнева. Было видно, что не обойдется без драки. Да и как тут было мирно разойтись? Слон не мог спокойно вступить в заливчик, покуда не выйдет из воды носорог, а носорог не мог выйти, покуда слон своим огромным телом закрывал вход в ложбинку. Правда, кобаоба мог бы проскочить у слона между ног или отплыть и выйти на берег где-нибудь в сторонке; и так и этак - он очистил бы место слону. Но из всех зверей на свете носорог, быть может, самый неуступчивый. И добавим: самый, пожалуй, бесстрашный - он не боится ни человека, ни зверя, даже прославленного льва, который нередко пускается от него наутек, точно кошка. Так что старик кобаоба отнюдь не склонен был отступить перед слоном; вся его поза ясно говорила, что он не собирается ни прошмыгнуть у того под животом, ни отплыть в сторону хоть на ярд. Нет, он не отступит ни на ярд! Оставалось стоять и смотреть, как разрешится спор чести. Положение делалось все более напряженным, и люди из своего лагеря глядели не отрываясь на двух огромных "быков" - потому что кобаоба тоже был быком, и самого крупного размера, какого только достигает носорог.

Несколько минут оба зверя мерили друг друга взглядом. Слон хоть и был больше ростом, хорошо знал силу своего противника. Ему случалось уже встречаться с носорогом, и он отнюдь не презирал его. Возможно, ему довелось уже разок познакомиться с прикосновением этого длинного вертелообразного нароста на носу у кобаоба. Так или иначе, слон не набросился сразу на противника, как поступил бы с какой-нибудь антилопой, которой случилось бы так вот встать на его пути. Однако терпение его иссякло. Его признанному достоинству нанесено оскорбление, его державную власть оспаривают, слон хочет искупаться и напиться - нет, он не может больше сносить дерзость носорога! С ревом, гулко отдавшимся в скалах, ринулся он вперед; потом твердо уставил свои бивни под плечи носорога, поднял его могучим рывком на воздух и сбросил в озеро. Тот нырнул и, высунув наполовину голову из воды, засопел и зафыркал, но через секунду снова был на ногах и сам повел нападение. Зрители видели, что он норовит всадить свой рог слону меж ребер, а тот старается не повернуться к нему боком. Слон опять подбросил кобаоба, и тот опять вскочил и бешено ринулся на великана-противника; так они сражались, пока вода вокруг них не побелела от пены.

Битва некоторое время шла в воде, но потом слон, решив, как видно, что это дает врагу преимущество, попятился в ложбинку и, выжидая, остановился, повернув голову к озеру. Но если он надеялся, что в такой позиции стены ложбинки дадут ему защиту, расчет его не оправдался: они были слишком низки, и его объемистые бока сильно выступали над ними. Стены только отняли у слона возможность поворачиваться и стесняли его движения. То, что дальше совершил носорог, едва ли было с его стороны рассчитанным маневром, как это показалось наблюдателям. Когда слон занял свою позицию в ложбинке, кобаоба вылез из воды на отмель и затем, сделав быстрый крутой поворот, пригнув голову чуть не к самой земле и выставив горизонтально свой длинный рог, кинулся на врага и ударил его сбоку

между ребер. Зрители видели, как рог вошел в тело, а пронзительный вой слона и судорожные движения его хобота и хвоста ясно говорили, что великан получил жестокую рану. Бросив свою ложбинку, он устремился вперед и не останавливался, пока не оказалось по колено в воде. Набрав полный хобот воды, он его поднял вверх и, задрав назад, стал большими струями окатывать все свое тело, а в особенности то место, куда вошел рог кобаоба. Затем он выбежал из озера и кинулся искать своего обидчика, но длиннорогого и след простыл!

Выйдя из "купальни" без урона для своего достоинства и, быть может, твердо веря, что одержал победу, кобаоба, как только нанес противнику удар, припустил вскачь и скрылся в кустах.

Глава XIX СМЕРТЬ СЛОНА

Битва между двумя огромными четвероногими длилась не больше десяти минут. Все это время охотники не делали никаких приготовлений, чтобы напасть на одного из двух бойцов, - так захватило их зрелище невиданной схватки. Только когда носорог оставил поле битвы, а слон опять вошел в воду, они снова принялись обсуждать план нападения на самого могучего из африканских зверей. Ганс взял ружье и присоединился к ним.

Слон, оглядевшись и не найдя врага, вернулся к озеру и вошел по колено в воду. Он, казалось, был в сильном возбуждении и не находил покоя. Исполин непрерывно шевелил хвостом и время от времени выпускал пронзительный горестный рев, несколько не похожий на его обычный трубный глас. Он поднимал из воды свои огромные ноги и снова шлепал ими по дну, пока взбаламученный заливчик не вскипел вокруг него пеной. Но самым странным было то, что проделывал слон своим длинным трубовидным хоботом. Он набирал в него огромное количество воды и затем, загнув его назад, выбрасывал струю на свою спину и плечи, как из огромной лейки. Снова и снова он тешил себя таким душем, хотя по всему было видно, что ему не по себе.

Все понимали: слон сейчас зол. Людям, предупреждал Черныш, чрезвычайно опасно в такую минуту попадаться ему на глаза, если под ними нет коней, чтобы вовремя ускакать. Поэтому все четверо укрылись за стволом исполинской нваны и выглядывали потихоньку - ван Блоом с одной стороны, Гендрик с другой, - наблюдая за движениями раненого слона.

Но как ни было это опасно, охотники все-таки решили напасть на слона. Они рассудили, что, если не сделать этого немедленно, он уйдет и оставит их без ужина, а они уже размечтались поужинать ломтиком слоновьего хобота. Времени оставалось мало, и они решили не мешкать. Они намеревались подползти к нему настолько близко, насколько можно будет это сделать, не подвергая себя слишком большой опасности. А потом они выстрелят разом и тут же залягут в кустах, чтобы посмотреть, чего добились.

Договорившись, ван Блоом, Ганс и Гендрик вышли из-за ствола и стали пробираться сквозь кустарник к западному концу озера. Лес тут не стоял сплошной чащей - каждое дерево с подлеском росло особняком, так что приходилось прокрадываться очень осторожно от заросли к заросли. Ван Блоом шел впереди, выбирая дорогу, мальчики следовали за ним по пятам. Так они двигались минут пять, пока не оказались под укрытием небольшой купы деревьев, расположенной у самой воды, достаточно близко к тому месту, где топтался слон. Теперь они подползли на четвереньках к опушке и, раздвинув листву, стали наблюдать за слоном. Четвероногий великан стоял прямо перед их глазами, ярдах в двадцати, не более. Он все еще то окунался в воду, то окатывал свое тело мощной струей. Ничем не показывал он, что заподозрил их присутствие. Значит, время позволяло спокойно выбрать на его огромном теле точку, куда направить пулю.

Когда они впервые увидели слона со своего нового наблюдательного пункта, тот стоял к ним грудью. Ван Блоом не считал эту минуту удобной для выстрела, так как они сейчас не могли ранить слона насмерть. Они поэтому стали ждать, когда слон повернется к ним боком,

чтобы дать тогда свой залп. Ждали, не сводя с него глаз. Слон перестал наконец перебирать ногами, перестал обливаться струей из хобота, и теперь охотники увидели, что вода вокруг него стала красного цвета. Ее окрасила кровь слона.

Не оставалось никаких сомнений, что носорог в самом деле поранил своего противника. Но была ли рана тяжелой, охотники не знали.

Кобаоба ударил слона в бок, а с того места, где находились наблюдатели, видна была только его широкая спина. Но они спокойно выжидали: знали, что, когда слон повернется, чтобы выйти из воды, он непременно подставит им другой бок. Несколько минут слон не менял положения. Но вот они заметили, что он уже не машет больше хвостом и весь бессильно обмяк. Время от времени он закидывал хобот к тому месту, куда пырнул его кобаоба. Рана явно мучила его, об этом свидетельствовало затрудненное дыхание, с шумом вырывавшееся из хобота.

Охотниками овладело нетерпение. Гендрик попросил позволения отползти в другое место и выстрелить в слона, чтобы заставить его повернуться. В этот миг слон сделал движение, показавшее, что он как будто собирается выйти из воды. Он совершил полный поворот. Его голова и передняя половина туловища высились уже над землей, и три дула направились в него... но вдруг исполин качнулся - и рухнул. С громким всплеском его огромное тело погрузилось в воду, и во все концы озера пошла от него большая волна. Охотники осторожно спустили курки и, выскочив из засады, бросились к отмели. С одного взгляда они поняли, что слон мертв. На его боку они увидели рану, нанесенную рогом кобаоба. Она была не так велика, но страшное оружие проникло глубоко в тело, в самые внутренности. Неудивительно, что такой удар принес смерть самому могучему представителю животного царства. Как только стало известно, что слон мертв, все бросились к озеру. Малышей, Яна с Трейи, вызвали из их укрытия (раньше им было приказано спрятаться в фургоне). Прибежала с другими и Тотти. Чуть ли не первым оказался на месте Черныш с топором и большим ножом в руках - бушмен собирался разделать по-своему слоновью тушу, а Ганс и Гендрик скинули с плеч куртки, чтобы помочь Чернышу в его работе.

Но чем же в это время был занят ван Блум? О! Это более важный вопрос, чем вы предполагаете. То был решающий час - час крутого перелома в жизни начальника ополчения. Скрестив руки, он стоял на берегу прямо над тем местом, где повалился слон. Погруженный в безмолвное раздумье, он глядел не отрываясь на тушу мертвого исполина. Нет, не на тушу. Более внимательный наблюдатель увидел бы, что взгляд ван Блоома не блуждает по этой горе мяса, одетой в толстую шкуру, а прикован к одному определенному месту. Не к ране ли в боку животного? Не о том ли думал ван Блум, как сумел носорог одним ударом убить такого огромного зверя? Нет, совсем не то. Мысли ван Блоома были далеки и от раны и от носорога.

Слон упал таким образом, что его голова высунулась из воды и легла на отмель; по песку растянулся во всю длину его мягкий и гибкий хобот. От основания хобота, изогнутые наподобие огромных ятаганов, шли два желтоватых, словно покрытых эмалью, бивня - то самое орудие из драгоценной слоновой кости, при помощи которого гигант десятки лет подкапывал деревья в лесу и повергал своих противников во многих смертельных поединках. Драгоценными и прекрасными трофеями являлись эти бивни, но - увы! - их всемирная слава стоила жизни тысячам представителей слоновьего племени. Сияя во всем своем великолепии, лежали эти два полумесяца, изящно выгнутые, мягко закругленные. К ним, только к ним, были прикованы глаза ван Блоома.

Да, прикованы с жадным блеском, необычным для его взгляда. А губы его были сжаты, грудь заметно вздымалась. Целое полчище мыслей пронеслось в эти минуты в его уме. Облако, с утра лежавшее на его лбу, бесследно исчезло. Вместо печали в глазах ван Блоома читались теперь надежда и радость, и в конце концов эти новые чувства выразились в словах.

- Это перст судьбы! - громко провозгласил ван Блум. - Состояние! Целое состояние!

- Папа, что такое? - спросила Трейи, стоявшая подле отца. - О чем ты говоришь, папочка, дорогой?

Тут и остальные дети окружили его, увидев, что он взволнован, и радуясь его счастливому виду.

- Папа, что такое? - спросили все четверо разом. Черныш и Тотти стояли тут же и с таким же нетерпением ждали ответа.

Любящий отец не мог больше скрывать от детей тайну своего неожиданного счастья. Надо их порадовать, открыв им ее.

Указывая на длинные желтоватые полукружья, он сказал:

- Видите вы эти прекрасные бивни?

Да, разумеется, они их видят.

- Отлично. А знаете вы, какая им цена?

Нет. Дети знают, что бивни слона кое-чего стоят. Они слышали, что слоновая кость делается из бивней - вернее, что бивни - это и есть слоновая кость и что она идет в промышленности на сотни разных изделий. У маленькой Трейи был, например, красивый веер из слоновой кости, перешедший к ней от покойной матери, у Яна - оправленный слоновой костью перочинный ножик. Слоновая кость - очень красивый материал, и стоит он, знали они, дорого. Все это им известно, но угадать цену двух бивней они не могут. Так они и ответили.

- Знайте же, дети, - сказал ван Блум: - по приблизительному счету, они стоят на английские деньги фунтов двадцать каждый.

- Ну! Такая огромная сумма! - закричали все в один голос.

- Да, - продолжал ван Блум, - каждый бивень, я думаю, потянет на весах фунтов сто; а так как слоновая кость идет сейчас по четыре с половиной шиллинга за фунт, то эта пара бивней должна стоить на английские деньги от сорока до пятидесяти фунтов стерлингов.

- Ого! На это можно купить целую упряжку самых лучших волов! - воскликнул Ганс.

- Четверку кровных коней! - сказал Гендрик.

- Целое стадо овец! - добавил маленький Ян.

- Но кому же мы продадим слоновую кость? - спросил Гендрик, помолчав немного. - Мы вдаль от поселений. Кто даст нам за нее быков, лошадей или овец? Кто поедет в такую даль ради пары бивней...

- Ради одной пары, конечно, никто, - перебил отец, - но ради двадцати поедут; а может, их будет и не двадцать, а дважды двадцать, трижды двадцать... Теперь вы поняли, что меня так обрадовало?

- О! - вскричал Гендрик, а за ним и другие, которым постепенно стало ясно, почему отец сразу повеселел. - Ты думаешь, папа, мы сможем добыть в этих краях еще много бивней?

- Именно. Я думаю, слоны здесь водятся в большом числе. На это указывает множество следов, уже виденных мною. У нас есть ружья и, к счастью, нет недостатка в порохе и пулях. Все мы неплохие стрелки - почему же мы не можем добыть побольше этих ценных трофеев? И мы их добудем, - продолжал ван Блум. - Я знаю, добудем, потому что небо, я вижу, смилостивилось над нами; не случайно оно послало нам этот богатый дар в час горькой нужды, когда мы лишились всего. И оно пошлет нам еще и еще, если мы с верою последуем указанию судьбы. Итак, дети мои, не будем унывать! Мы выйдем из нищеты, у нас всего будет вдоволь... Мы станем даже богаты!

Богатство само по себе нисколько не прельщало юных детей ван Блоома, но они видели, что отец их счастлив, и потому откликнулись на его слова возгласами бурного восторга. К общему ликованию присоединились и Тотти с Чернышем. Радостный клик пронесся над маленьким озером, всполошив на ветвях птиц, недоумевавших, что это за шум. Во всей Африке не нашлось бы семьи счастливей, чем эта горсточка людей, стоявших в тот час на берегу маленького озерца среди пустынной степи.

Глава XX СКОТОВОД ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ОХОТНИКА

Итак, ван Блум решил сделаться профессиональным охотником на слонов, и ему приятно была мысль, что новая профессия, оставаясь увлекательным занятием, в то же время сулит большую выгоду. Он понимал, что нелегкое дело - успешно охотиться на такую крупную и ценную дичь, как слон. Он вовсе не думал, что за несколько недель или месяцев возьмет богатую добычу, много слоновой кости; преследуя свою цель, он был готов отдать охоте даже целые годы. Да, годами он будет жить жизнью бушмена - "лесного человека", на годы его сыновья превратятся в "лесных ребят"; но он питал надежду, что со временем его терпение и труд окажутся щедро вознагражденными.

В тот вечер в лагере у костра все были очень счастливы и очень веселы.

Слона оставили там, где он упал, чтобы поутру освежевать его. Забрали с собой только хобот, кусок которого зажарили на ужин. Все слоновье мясо съедобно, но хобот считается особым лакомством. Он напоминает вкусом говяжий язык и в жареном виде всем очень понравился. А Черныш, которому уже не раз случалось есть мясо "старого доброго клау", был прямо в восторге от такого ужина.

Вдосталь было теперь и отличного молока. Корова, отъевшись на тучном пастбище, давала двойной удой; молока было столько, что каждый мог пить вволю.

Угощаясь новым для них вкусным блюдом - жарким из хобота, - наши охотники, естественно, повели разговор о слонах. Каждому известно, как выглядит слон, поэтому описывать его мы считаем излишним. Но не каждый знает, что существуют две разные породы этих четвероногих великанов - африканская и азиатская.

Более всего эти два вида различаются ушами и бивнями. У африканского слона уши непомерно большие, они у него сходятся над плечами и свешиваются концами на грудь. У индийского слона уши чуть ли не втрое меньше. Сильно превосходит африканский слон своего сородича и величиной бивней - у некоторых особей они весят до двухсот фунтов каждый, тогда как бивень индийского слона редко когда достигает ста фунтов веса. Бывают, впрочем, и единичные исключения. Конечно, двухсотфунтовый бивень не часто встречается у африканского слона, обычно он значительно меньше. Слониха-африканка также обладает бивнями, хотя и не такими громадными, как ее самец; у индийской же слоницы бивней либо нет совсем, либо они так малы, что лишь едва выступают над губами.

Другое существенное различие между двумя видами заключается в том, что у азиатского слона лоб вдавленный, а у африканского выпуклый; у азиатского четыре пальца задней ноги снабжены копытами, а у африканского мы видим на задней ноге только три копыта. И, наконец, о том, что эти животные представляют собой два обособленных вида, можно судить и по их зубной эмали.

Да и не все азиатские слоны одинаковы. Есть среди них несколько разновидностей, отмеченных каждая своими особыми чертами. И эти, как их называют, разновидности отличаются, по-видимому, друг от друга чуть ли не столь же резко, как любая из них от африканской породы. Одна из разновидностей, известная среди жителей Востока под названием "мукна", обладает прямыми бивнями, у острия загибающимися вниз, тогда как обычно слоновий бивень постепенно загибается кверху.

Азиаты делят своих слонов на два основных вида. Слон, именуемый "кумареа", представляет собой толстое и сильное животное с большим туловищем на коротких ногах. Второй вид зовется "мерги". Этот слон повыше, но не так плотен и силен, как кумареа, и туловище у него не такое объемистое. Длинные ноги позволяют ему обгонять кумареа в беге; но тому, поскольку он обладает более крупным туловищем и большей выносливостью, отдается предпочтение, и на восточном рынке он ценится дороже. Встречается иногда белый слон. Это просто альбинос, но в некоторых азиатских странах он очень в цене, и за него платят огромные суммы. А в иных местах к белому слону относятся с суеверным преклонением. Индийский слон водится в наше время почти во всех южных странах Азии,

включая и большие острова - Цейлон, Яву, Суматру, Борнео. Все, конечно, знают, что в тех местах слон издавна служит человеку; там он домашнее животное. Однако существуют в Азии и дикие слоны.

В Африке слон водится только в диком состоянии. Ни один из народов, населяющих этот материк, не покорил лесного исполина, не подчинил его человеку. Здесь он ценится только ради своих дорогостоящих бивней, а также ради мяса. Высказывалась мысль, что африканский слон свирепей своего индийского сородича и не поддается приручению. Это глубокое заблуждение. Африканский слон не приручен по другой причине: просто ни одна из современных африканских народностей еще не достигла такого уровня цивилизации, чтобы ей под силу было покорить это могучее животное и заставить его служить себе.

Африканского слона можно так же легко, как и его индийского сородича, приручить и превратить в домашнюю скотину. Кое-где делаются такие попытки. Но к чему искать новых доказательств? Ведь некогда это уже удалось африканского слона приручали, и в широком масштабе. Слоны карфагенского войска принадлежали к этому именно виду.

Сейчас африканский слон водится в центральных и южных областях Африки. Северной границей его распространения являются на востоке Абиссиния, на западе Сенегал. На юге же еще несколько лет назад стада слонов бродили по всей Капской земле вплоть до мыса Доброй Надежды. Но голландцы-охотники с их огромными длинными ружьями в усердной погоне за слоновой костью вытеснили слона из этих мест. Теперь к югу от реки Оранжевой его уже больше не встретишь.

Некоторые естествоиспытатели (в том числе Кювье) полагали, что абиссинский слон принадлежит к азиатскому виду. Эта мысль теперь отвергнута, и у нас нет основания думать, что в каком-то уголке Африки встречается слон-индеец. Но очень возможно, что в разных областях материка водятся различные разновидности африканского слона. Установлено, что слоны тропической полосы крупнее всех прочих; а в африканских горах, по реке Нигеру, встречается, говорят, особая порода - рыжеватой масти и очень свирепая. Правда, быть может, у виденных наблюдателями "красных" слонов шкура просто-напросто была покрыта слоем красной пыли, потому что у слонов есть привычка посыпать иногда себя пылью, причем вместо драги им служит хобот.

Черныш рассказал еще о разновидности, которую готтентотские охотники называют "коровья голова". Эта порода, сказал он, отличается полным отсутствием бивней и куда более злобным нравом. Встреча с таким слоном несравненно опасней, а так как она не сулит к тому же ценной добычи, ради которой стоило бы затрачивать труды и подвергаться риску, охотники стараются ее избегать.

В таких разговорах у костра прошел тот вечер. Большую часть сведений, приведенных нами здесь, сообщил Ганс, который почерпнул их, разумеется, из книг; но кое-что добавил и бушмен, и, пожалуй, на его свидетельство можно было верней положиться. Впрочем, в недалеком будущем нашим героям предстояло познакомиться на деле с обычаями и повадками четвероногого исполина, который теперь интересовал их больше всех животных на земле.

Глава XXI МЕРЗКАЯ ГИЕНА

Следующий день провели в тяжелом, но радостном труде. Он весь ушел на свежевание слона и заготовку слонины - тяжелая работа, так утомившая наших охотников, что они едва дождались часа, когда можно было наконец лечь и уснуть. Но заснуть не пришлось. Когда они лежали в полудреме, предшествующей сну, их покой был нарушен чьими-то странными голосами, слышавшимися неподалеку от лагеря. К ним доносились взрывы громкого смеха, и всякий, кому они были незнакомы, не усомнился бы, что они принадлежат людям. Казалось, что распустили целый негритянский Бедлам¹⁰ и теперь сумасшедшие подходили к лагерю под нваной. Я говорю "подходили", потому что хохот звучал с каждой секундой все

явственней и громче; и те, у кого он вырывался - кто бы они ни были, - приближались к лагерю.

Было ясно, что там не одно какое-то существо, и ясно было также, что это разные существа: голоса были так между собой несхожи, что и чревовещатель не взялся бы изобразить их все. Слышались и завывания, и визг, и хрюканье, рычание, и глухие, заунывные стоны, как будто от боли, и свист, и болтовня, и какое-то отрывистое, резкое тьяканье, напоминавшее собачий брѐх; потом две - три секунды полного молчания, и снова взрыв человеческого смеха, производивший впечатление более жуткое и омерзительное, чем весь остальной хор голосов.

Вы думаете, верно, что такой дикий концерт должен был повергнуть лагерь в состояние крайней тревоги? Ничуть не бывало! Во всяком случае, никто не испугался - ни даже милая крошка Трейи, ни маленький Ян. Будь им вовсе незнакомы эти звуки, дети, конечно, испугались бы. Мало сказать "испугались" - они пришли бы в ужас. Ведь звуки эти повергают в смятение каждого, кто слышит их впервые.

Но ван Блум и вся его семья достаточно долго прожили в пустынных африканских степях и не могли не знать этих голосов. По завыванию, болтовне и тьяканью они узнали шакала; и отлично был им знаком сумасшедший смех мерзостной гиены. Поэтому они нисколько не встревожились, не вскочили с постелей, а преспокойно лежали и слушали, не опасаясь нападения этих шумливых тварей. Ван Блум с детьми спали в фургоне; Черныш и Тотти - под открытым небом, прямо на земле, но у самых костров, так что и они не боялись никакого дикого зверя. Однако гиены и шакалы появились на этот раз в большом числе и вели себя предерзко. Лишь несколько минут прошло с момента, когда послышался первый раскат смеха, а уже многоголосый хор гремел вокруг лагеря со всех сторон - и так близко, что становился положительно неприятен, даже если и не думать о том, какого рода зверье дает концерт.

Звери наконец подступили так близко, что, куда ни взгляни, увидишь непременно пару зеленых или красных глаз с мерцающим в них отблеском костров. Можно было разглядеть и белые зубы, потому что гиена, когда смеется своим хриплым смехом, широко разевает пасть.

Видя перед глазами такое зрелище и слыша такие звуки, ни ван Блум, ни его домашние, как ни устали они, никак не могли уснуть. Да уж какой там сон! О нем не могло быть и речи. Хуже того: всех, не исключая и самого ван Блоома, охватил если не страх, то какое-то смутное опасение. Никогда еще не доводилось им видеть такой большой и такой свирепой стаи гиен. Их собралось вокруг лагеря не менее двух дюжин, а шакалов еще вдвое больше.

Ван Блум слышал, что хотя гиена в обычных обстоятельствах нисколько не опасный зверь, однако при случае может наброситься на человека. Черныш хорошо это знал, Ганс об этом читал. Неудивительно, что всем им было не по себе.

Гиены держались теперь с такой наглостью, выказывали такую хищную жадность, что нечего было и думать о сне. Нужно было сделать вылазку и отогнать зверье от лагеря.

Ван Блум, Ганс и Гендрик выскочили из фургона с ружьями в руках, а Черныш вооружился луком и стрелами. Все четверо стали за стволом своей нваны, но не там, где горели костры, а с другой стороны. Здесь их укрывала тень и они могли наилучшим образом, невидимые сами, наблюдать при свете огней за всем, что произойдет дальше. Едва успели они занять свою позицию, как поняли, что допустили непростительную оплошность. Только теперь им впервые пришло на ум, что именно привлекло в лагерь такое множество гиен: несомненно, вяленая слонина (бильтонг), развешанная на шестах.

Вот зачем явилось сюда зверье! И все сообразили, что напрасно так низко повесили мясо. Гиены могли без труда добраться до него.

Скоро это подтвердилось на деле; даже сейчас, в ту самую секунду, когда ван Блум выглянул из-за ствола, он отчетливо увидел в свете разведенных Чернышем костров, как пятнистый зверь заскочил вперед, привстал на задних лапах, ухватил зубами ломоть мяса, сорвал с шеста и убежал с ним в темноту.

Послышалась возня: другие гиены подбежали к первой, чтобы урвать свою долю добычи; и, конечно, быстрее чем в полминуты ломоть был сожран, ибо тотчас мерцание и поблескивание зубов показало, что вся стая возвращается назад и готовится схватить еще кусок. Никто из охотников не стал стрелять: гиены сновали так быстро, что невозможно было прицелиться ни в одну; а люди слишком ценили свой порох и свинец и не желали расходовать их на стрельбу в "белый свет". Осмелев после первого успеха, гиены подступили ближе. Казалось, еще минута - и они всей стаей набросятся на бильтонг и, конечно, расхватают значительную часть запасов.

Но тут ван Блоому пришла мысль, что исправить ошибку можно и не прибегая к ружьям: надо просто убрать мясо подальше от зверья. А иначе либо не спи всю ночь и сторожи мясо, либо примиришься с потерей всего запаса, до последнего куска.

Но куда его убрать?

Первой мыслью охотников было собрать все мясо и сложить его в фургон. Но это не только потребовало бы долгой и неприятной работы, но и выгнало бы на ночь из фургона всю семью. Само собой напрашивалось другое решение подвесить мясо повыше, чтобы гиены до него не дотянулись.

Покончив с этим делом, охотники стали опять в тени за стволом нваны: им хотелось понаблюдать, как поведут себя дальше "африканские волки".

Ждать пришлось недолго. Не прошло и пяти минут, как стая снова с тем же воем, тьяканьем и хохотом подступила к шестам; но на этот раз в диком хоре можно было различить нового рода хрип, выражавший как будто разочарование. Звери с одного взгляда поняли, что до соблазнительных красных лент уже не дотянуться. Все же звери не захотели уходить, не убедившись в этом на деле. Несколько самых крупных гиен смело стали под шестами и принялись прыгать вверх. Подскакивая каждый раз так высоко, как только могли, они после ряда попыток начали, как видно, терять надежду и, подобно лисе под виноградом, преспокойно удалились бы через некоторое время. Но ван Блоом, досадуя, что его обеспокоили среди ночи и лишили заслуженного отдыха, решил отомстить своим мучителям; он шепнул словечко остальным, и из-за дерева грянули разом три выстрела.

Нежданный залп быстро разогнал и гиен и шакалов. Послышался стук многочисленных ног - стая убежала. Подойдя к перекладине, охотники увидели распростертые на земле тела двух гиен и одного шакала. Едва другие нажали на курки. Черныш отпустил тетиву и, как показывала вонзившаяся меж ребер шакала отравленная стрела, попал в цель. Перезарядив ружья, охотники вернулись на прежнюю позицию. Здесь они прождали еще полчаса, но ни одна гиена, ни один шакал больше не появились.

Звери, впрочем, отбежали недалеко, как свидетельствовал снова поднявшийся дикий концерт; не возвращались же они по той причине, что обнаружили наконец лежавшую в озере половину слоновой туши, которая и пошла им на ужин. Из лагеря было отчетливо слышно, как гиены ныряют в воду, и всю ночь они выли, и хохотали, и визжали, насыщаясь обильной пищей.

Конечно, ван Блоом и его домашние не сидели всю ночь, слушая эту шумную музыку. Уверившись, что стая едва ли снова подступит к лагерю, они положили оружие, вернулись каждый на свою постель и вскоре погрузились в тот сладкий сон, который награждает человека после дня, отданного здоровому труду.

Глава XXII

ОХОТА НА ОРИБИ

Наутро гиены и шакалы исчезли. К общему удивлению, исчезло также и все мясо на костях слона. В воде лежал лишь огромный, догола очищенный скелет; кости белели, отполированные шершавыми языками гиен. Мало того, две изнуренные лошади (несчастных животных давно предоставили самим себе) погибли в ту ночь: гиены их загрызли, и два конских скелета лежали неподалеку от лагеря, так же чисто обглоданные, как и костяк слона.

Все это указывало на то, что в окрестностях лагеря бродит множество подобных прожорливых тварей, а значит, здесь водится в изобилии и дичь, потому что там, где мало дичи, не прокормится и хищник. И в самом деле, множество следов, испещривших весь берег озера, указывало на то, что за ночь сюда приходили на водопой животные самых разных пород. Тут были отпечатки круглых и крепких копыт квагги и ее близкого сородича дау11, и был изящный след копытца папского сернобыка, и след побольше, оставленный антилопой канной; а среди них ван Блоом явственно различил след грозного льва. Хотя в ту ночь охотники не слышали львиного рычания, никто не сомневался, что в этом краю немало львов. Присутствие его излюбленной дичи - квагги, сернобыка и канны - служило верным признаком, что неподалеку прячется и сам царь зверей.

В тот день сделано было немного. Накануне пришлось усердно поработать по заготовке мяса слона, а ночью не удалось отоспаться; все чувствовали себя вялыми; ван Блоому и остальным не работалось. Они слонялись вокруг лагеря, ничего почти не делая.

Черныш вынул из "печи" ноги слона и ободрал с них шкуру; потом снял шесты с мясом и приладил их так, чтобы на него падало больше солнца. Ван Блоом сам пристрелил трех остальных лошадей, отогнав их сперва подальше от лагеря. Он сделал это, желая положить конец мучениям несчастных животных, - было ясно, что им не прожить и двух дней. Пустить пулю в сердце каждой из них было делом милосердия.

Итак, из всей живности у бывшего фельдкорнета осталась только одна-единственная корова, и ее окружили теперь величайшей заботой. Без превосходного молока, доставляемого ею в таком изобилии, их стол был бы слишком однообразен, и они высоко ценили ее за это. Каждый день ее выгоняли на самое лучшее пастбище, а на ночь запирали в надежном краале из ветвей терновника, называемого у колонистов "стой-погоди". Крааль этот построен был чуть поодаль от исполинской нваны. Деревца уложили таким образом, что нижние концы стволов обращены были все внутрь, а ветвистые верхушки смотрели наружу, образуя укрепление, сквозь которое ни одно животное даже и не пыталось бы прорваться. Перед такой преградой отступит и лев, если только не раздражить его до безудержной ярости.

В ограде, разумеется, был оставлен проход для коровы, а закрывался он одним огромным кустом, вполне заменявшим створки ворот. Таков был крааль "старушки Грааф". Кроме коровы, в лагере было еще только одно домашнее животное - маленький баловень Трейи, годовалый горный скакун.

Но в тот же день к этим двум домашним животным прибавилось третье прелестное маленькое создание, не менее красивое, чем горный скакун, но поменьше. Это был детеныш ориби - одной из самых изящных мелких антилоп, которые в таком разнообразии населяли равнины и лесостепи Южной Африки. Появлением малыша они обязаны были Гендрику, как и превосходной дичью, которую он в тот день доставил на обед и которую все, кроме Черныша, признали куда вкусней жаркого из слонины. Около полудня мальчик вышел в степь - ему почудилось, что на широком лугу неподалеку от лагеря виднеется какое-то животное. Он прошел с полмили и, хоронясь в кустах, что росли по краю луга, подкрался совсем близко к этому месту и увидел, что там и вправду пасется животное - и не одно, а два.

Животные эти принадлежали к породе, какой он до той поры еще никогда не встречал. Это были совсем маленькие создания, меньше даже, чем горный скакун, но по складу тела Гендрик отнес бы их к антилопам или же к оленям; а так как он слышал от Ганса, что олень в Южной Африке не водится, он решил, что перед ним, должно быть, один из видов антилопы. Чету составляли самец и самка - это Гендрик понял из того, что только у одного животного имелись на лбу рога. Самец не достигал и двух футов роста, отличался удивительно стройным сложением, а масти был красновато-буланой. У него было белое брюшко, белые полукружия над глазами, и под горлом красовались длинные белые волосы. Пониже колен у него висели желтоватые кисти шерсти; рога же были у него не лировидные, как у горного скакуна, а торчали почти вертикально дюйма на четыре в высоту, черные, округлые и чуть кольчатые. У самки рога отсутствовали, и была она значительно меньше самца.

По всем этим признакам Гендрик решил, что перед ним пара маленьких антилоп из породы ориби. Так оно и было.

Он продолжал продвигаться, пока не подошел к антилопам так близко, как только было можно. Но его все еще отделяло от них двести ярдов с лишним, а такое расстояние, конечно, не позволяло выстрелить по ним из его небольшого ружья. Сейчас его укрывал густой куст, а ближе подойти Гендрик не смел, чтобы не спугнуть дичь. Он видел, что это очень боязливые создания. Самец то и дело вытягивал во всю длину свою изящную шею, издавая слегка блеющий зов и недоверчиво поглядывая вокруг. Это и напомнило Гендрику, что антилопа - пугливая дичь и приблизиться к ней нелегко.

С полминуты Гендрик лежал, раздумывая, как поступить. От дичи он находился с подветренной стороны - он нарочно так зашел; но теперь убедился, к своему огорчению, что антилопы движутся по пастбищу против ветра и, значит, все больше удаляются от него. Тут Гендрику пришло на ум, что у них, наверно, такое обыкновение - пастись против ветра, как пасутся горные скакуны и некоторые другие животные. Если так, то лучше ему сразу оставить свою затею. Или, может быть, сделать большой крюк и зайти спереди? На это придется затратить немало времени, да и труда, а с толком или нет, неизвестно.

Юный охотник будет долго красться и ползти, а дичь-то, чего доброго, вдруг учует его раньше, чем он приблизится на расстояние выстрела, - ведь для того как раз и учит ее инстинкт пастись не по ветру, а против ветра.

Но луговина была велика, зеленый ковер тянулся далеко, и Гендрик, видя, как безнадежен этот его замысел, отказался от попытки подойти к антилопам спереди. Он уже хотел встать в рост и повернуть домой, когда у него явилась мысль прибегнуть к одной уловке. Он знал, что есть немало видов антилоп, у которых любопытство сильнее страха. Нередко он приманивал на расстояние выстрела горного скакуна.

Может, и ориби подбегут поближе, поддавшись любопытству?

Мальчик решил попробовать. На худой конец уйдет ни с чем. Но ведь другой возможности уложить пулей антилопу у него не оставалось. Не теряя ни мгновения, он сунул руку в карман. Там должен был у него лежать большой красный платок, которым он пользовался не раз в подобных случаях. Но, как на грех, платка в кармане не оказалось. Гендрик пошарил в обоих карманах куртки, потом в необъятном кармане штанов, наконец в нагрудном кармане жилета. Нет, платка не было и там.

Увы! Молодой охотник оставил его в фургоне. Экая досада!

Чем же еще можно бы воспользоваться? Снять куртку и помахать ею? Она неяркого цвета. Ничего не получится. Посадить шляпу на ружье? Это бы лучше; но нет, слишком будет похоже на фигуру человека, которого все животные страшатся. Наконец ему пришла в голову счастливая мысль. Он слышал, что любопытную антилопу странная форма или странные движения почти так же привлекают, как яркие цвета. Ему вспомнилась одна уловка, якобы с успехом применяемая иногда охотниками. Она нехитра и состоит только в том, что охотник становится вниз головой и болтает в воздухе ногами.

А Гендрик, как очень многие мальчики, забавы ради отлично освоил этого рода гимнастическое упражнение; он не хуже иного акробата умел стоять на голове и ходить на руках.

Не раздумывая попусту, он положил ружье на землю и, вскинув ноги вверх, принялся дрыгать ими, стучать башмак о башмак, перекрещивать и выкручивать их самым замысловатым образом. Он стал так, что лицо его, когда он уперся теменем в землю, оказалось обращенным к антилопам.

Понятно, сквозь высокую - в целый фут высоты - траву он не мог их видеть, покуда стоял на голове; но время от времени он давал своим подошвам коснуться земли и в такие мгновения, заглядывая меж собственных колен, мог проверять, удалась ли хитрость.

Она удалась.

Самец, когда впервые заметил странный предмет, издал резкий свист и понесся прочь с быстротою птицы - ориби одна из самых быстроногих африканских антилоп. Самочка

побежала вслед за ним, но не так быстро и вскоре изрядно отстала.

Когда самец заметил это, он сразу остановился, точно устыдившись своего нерышарского поведения, круто повернул назад, поскакал и остановился снова только тогда, когда опять оказался между самочкой и странным предметом, так его смутившим.

"Что это такое?" - казалось, спрашивал он у самого себя. Это не лев, не леопард, не гиена и не шакал. И это никак не лисица, не земляной волк, не гиеновая собака - ни один из хорошо ему известных врагов антилопы. И не бушмен - бушмены не бывают двухголовыми, каким казалось это существо. Что же это может быть? Странный зверь не двинулся с места, не пустился его преследовать. Может быть, он совсем и не опасен? Да, это несомненно вполне безобидное существо. Так, наверно, рассуждал ориби. Любопытство взяло верх над страхом. Захотелось подойти поближе и разглядеть получше это неведомое существо, перед тем как обратиться в бегство. Чем бы оно ни оказалось, оно, во всяком случае, не причинит им вреда на таком отдалении; а догнать... фью! Во всей Африке нет создания двуногого или четвероногого, которое могло бы потягаться в беге с ним, с легконогим ориби!

Итак, самец подбежал поближе, потом еще ближе и все продолжал придвигаться: побежит по лугу, остановится, опять побежит, забирая то левее, то правее зигзагами, пока не окажется ближе, чем в ста шагах от странного предмета, вид которого сперва так сильно его испугал.

Его подруга тоже побежала обратно; ее, как видно, разбирало такое же любопытство - при каждой остановке она глядела на странное существо своими широко раскрытыми большими блестящими глазами.

Самец и самка временами встречались на бегу; тогда они останавливались, словно для того, чтобы пошептаться и спросить друг у друга, не разгадал ли один из них, что это за существо.

Было, однако, очевидно, что ни один не разгадал, потому что они продолжали придвигаться, взглядом и всей повадкой выдавая недоумение и любопытство.

Но вот странный предмет исчез на мгновение в траве, потом снова возник, но на этот раз в измененном образе. Что-то у него ярко блестело на солнце, и этот блеск совсем заморозил самца - настолько, что он не мог двинуться с места, стоял и глядел, не отрывая глаз.

Коварное обольщение!

То был последний взгляд маленького ориби. Зажглась яркая вспышка. Что-то пронзило ему сердце - и больше он не видел сверкающего предмета.

Самочка прискакала туда, где упал ее товарищ, и встала над ним, жалобно бляя. Она не знала, чем вызвана эта внезапная смерть, но видела, что он мертв. Перед ее глазами темнела ранка на его боку, из ранки струилась кровь.

Никогда она раньше не видела смерти такого рода, но знала, что возлюбленный мертв. Его молчание, его недвижимо распростертые на траве ноги и шея, его остекленевшие глаза - все говорило ей, что жизнь его кончена.

Она убежала бы, но не могла покинуть его - не в силах была расстаться даже с его безжизненным телом. Ей необходимо было остаться около него хоть немного - погоревать о нем.

Но недолго она оставалась одинокой. Опять над землей что-то вспыхнуло, опять затрещала сверкающая трубка, и бедняжка упала на тело своего товарища.

Юный охотник встал на ноги и побежал вперед. Он не остановился, чтобы тут же снова зарядить ружье, как делают обычно перед тем, как броситься к добыче: луговина была совершенно ровная, и поблизости не было больше ни одного животного.

Как же удивился Гендрик, когда, подойдя к антилопам, он увидел, кроме мертвых двух, еще и третью - живого ориби!

Да, крошечный детеныш, с кролика величиной, не больше, прыгал в траве, кружил у распростертого тела матери и бляял тоненьким голоском.

Гендрика удивило, что он не заметил раньше этого третьего ориби. Но ведь он и

взрослых двух почти не видел до той минуты, когда смог прицелиться, а крошечного их детеныша трава укрывала с головой.

Хоть и завзятый охотник, Гендрик был сильно смущен открывшейся перед ним картиной. И только сознание, что он не умышленно и не ради пустой забавы лишил крошку матери, успокоило его совесть.

Гендрик тут же решил подарить малыша брату: Ян давно мечтал о своем собственном - как у сестры - ручном зверьке. Вскормить зверька можно будет на коровьем молоке.

Гендрик сразу решил, что, хотя у крошки нет ни отца, ни матери, его нужно выходить и вырастить. Поймал он его без труда - зверек не хотел удаляться от места, где лежала его мать, и вскоре Гендрик уже держал маленького ориби на руках.

Потом юноша привязал мертвую самку к самцу и, укрепив один конец толстой веревки на рогах самца, пошел домой, волоча за собой обеих убитых им антилоп.

Они лежали на земле головами вперед, так что волок он их не против шерсти, и тела легко скользили по траве. Только покрытая густой травой луговина и отделяла Гендрика от нваны, поэтому юный охотник без большого труда доставил в лагерь свою добычу.

Увидав, какую добрую дичь раздобыл он на обед, все в семье очень обрадовались. Но больше всех ликовал Ян; и теперь он уже не завидовал Трейи, обладательнице маленькой газели.

Глава XXIII

ПРИКЛЮЧЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО ЯНА

Лучше было бы Яну никогда и не видеть ориби - лучше и для него самого и для маленькой антилопы, потому что в ту ночь безобидное создание вызвало в лагере страшный переполох.

Все улеглись, как и в прошлую ночь: ван Блоом с тремя сыновьями и дочкой в фургоне, бушмен и Тотти на воле. Тотти забралась под фургон, а Черныш развел поодаль большой костер и растянулся у огня, закутавшись в свой каросс из овчины.

Все быстро заснули, не потревоженные гиенами. Объясняется это просто: три лошади, пристреленные днем, отвлекли на себя все внимание этих милых особ, как показывал их отвратительный смех, доносившийся издалека - с той стороны, где лежали конские трупы. Гиены получили обильный ужин; зачем им еще с опасностью для жизни подходить слишком близко к лагерю, где прошлой ночью им оказали столь нерадушный прием! Так рассудил ван Блоом - и, повернувшись на бок, мирно заснул. Впрочем, рассудил он неверно. Правда, в тот час гиены действительно занялись уничтожением конских туш, но ошибочно было предполагать, что такой ужин удовлетворит этих прожорливых тварей, которым, кажется, сколько ни дай, все будет мало. Задолго до рассвета ван Блоом, если бы проснулся, услышал бы их сумасшедший хохот совсем близко от лагеря и мог бы увидеть не одну пару зеленых глаз, устремленных на догоравший костер Черныша.

Впрочем, проснувшись раз среди ночи, он и в самом деле услышал хохот гиен, но, зная, что теперь бильтонг висит высоко, и полагая, что в лагере гиены никому не могут нанести вред, он не придавал этому значения и спокойно опять заснул под их шумный концерт.

Вскоре, однако, его разбудил резкий, отчаянный писк - как будто предсмертный - какого-то животного, потом снова послышался писк, вдруг оборвавшийся, и показалось - оборвался он потому, что того, кто его издавал, удушили. В этих писках ван Блоом, да и другие, которые теперь тоже проснулись, узнали бляение ориби, слышанное ими несколько раз в течение дня.

"Гиены раздирают ориби!" - подумалось каждому. Но они не успели высказать это вслух, как новый, совсем иной крик достиг их ушей и заставил всех вскочить так быстро, как если бы под фургоном разорвалась бомба. Кричал Ян, и крик его прозвучал в той же стороне, откуда донесся писк задушенного ориби. "Боже! Что это значит?" Сперва их слуха достиг внезапный крик ребенка... потом послышалась глухая возня, словно была драка, и опять

раздался громкий крик Яна, призывавшего на помощь; но голос мальчика теперь прерывался, и, казалось, зов доносился каждый раз все с большего расстояния.

Кто-то уволакивает ребенка!

Догадка возникла у ван Блоома, у Ганса, у Гендрика - у всех одновременно. Она их наполнила ужасом, но спросонок никто сразу не сообразил, что нужно делать.

Однако крики Яна быстро привели их в себя; и первое, что каждому пришло на ум, это кинуться в ту сторону, откуда доносился зов. Нащупать в темноте ружье означало бы потерю времени, и все трое выскочили из фургона безоружными. Тотти была уже на ногах и без умолку говорила, но о том, что произошло, она знала ровно столько, сколько и они. Расспрашивать ее не стоило. Издалека доносился голос Черныша. Бушмен не то громко причмокивал, не то изображал собачий лай; и тут они увидели пылающий факел, который уносила во мрак чья-то рука - несомненно, рука их верного Черныша.

Ван Блум с сыновьями кинулись за путеводным огнем и бежали так быстро, как только могли. Вопли бушмена доносились до них непрерывно, но, к их безмерному ужасу, вперемежку с визгом маленького Яна. Конечно, никто не мог уяснить себе, чем все это вызвано. Они только спешили как могли, подгоняемые самыми страшными опасениями.

Когда их отделяло от огня шагов пятьдесят, они увидели, что факел вдруг опустился и опять поднялся, и снова опустился быстрыми, резкими взмахами. Голос Черныша затыкал и зашелкал громче, чем до сих пор, - казалось, бушмен кого-то сечет и отчитывает. Но голос Яна смолк - неужели мальчика больше нет в живых? При этой страшной мысли они кинулись бежать быстрее.

Когда они добежали до места, глазам их представилась странная картина. Ян лежал на земле совсем рядом, меж корней какого-то куста, за ветви которого он крепко ухватился ручонками. Вокруг левого его запястья был укреплен красный ремень или постромок, протянутый сквозь кусты на несколько футов вперед, а к другому концу постромка был крепко привязан детеныш ориби, мертвый и весь изувеченный. Над ним стоял Черныш с горящим деревцем в руке, ярче разгоревшимся оттого, что бушмен только что отхлестал им по спине жадную гиену. Самой гиены не было видно. Она давно улизнула, но никому и в голову не пришло погнаться за нею, так как все были слишком озабочены состоянием Яна.

Не упуская ни минуты, ребенка подняли, поставили на ноги. Отец и братья беспокойно оглядели его всего, ища глазами рану; и, когда они убедились, что, кроме царапин от шипов и глубокого следа от затянутого на руке ремня, на его маленьком тельце нет никаких повреждений, крик радости вырвался у них. Мальчуган уже пришел в себя и уверял их всех, что ничуть не поранился. Слава Богу, Ян цел и невредим!

На долю малыша выпало теперь разъяснить, как произошла эта загадочная история. Он лежал вместе со всеми в фургоне, но они-то спали, а он нет. Он не мог уснуть ни на минуту, потому что думал о своем ориби, которого из-за тесноты не взяли на ночь в фургон, а привязали снаружи, к колесу. Яну взбрело на ум еще разок взглянуть на него перед сном. И вот, не сказав никому ни слова, он выполз из-под парусинового навеса и спустился к антилопе. Он ее тихонько отвязал, подвел к костру и сел у огня, любуясь своей живой игрушкой. Наглядевшись на нее вдосталь, Ян подумал, что и Черныш, конечно, тоже будет рад полюбоваться ею, и без долгих церемоний растолкал спавшего слугу. Тому отнюдь не понравилось, что его будят среди ночи ради удовольствия взглянуть на зверька: бушмен за свою жизнь съел не одну сотню ориби и других антилоп. Но Ян и Черныш были истинными друзьями, и бушмен не рассердился. Он сделал вид, что разделяет чувства своего маленького хозяина, и они довольно долго сидели вдвоем и разговаривали об ориби.

Наконец Черныш посоветовал мальчику идти все-таки спать. Ян согласился, но с условием, что Черныш позволит ему переночевать рядом с ним у костра. Он принесет свое одеяло из фургона и ничуть не потревожит Черныша, не попросит даже уделить ему часть овчинного каросса. Черныш стал было возражать, но Ян заявил, что в фургоне он замерз и отчасти из-за этого спустился к костру. Заявление это было со стороны малыша довольно прозрачной уловкой. Но Черныш не умел ему ни в чем отказывать и дал наконец согласие.

Ничего худого не произойдет, подумал он, - небо ясное, дождя не будет.

Итак, Ян повернул обратно, бесшумно залез в фургон, вытащил оттуда свое одеяло и приволок его к огню. Потом завернулся в него и лег бок о бок с Чернышем, а маленького ориби поставил неподалеку с таким расчетом, чтобы видеть его и лежа. На всякий случай, чтобы зверек не убежал, он повязал ему вокруг шеи крепкий ремень, а другой конец ремня туго намотал себе на запястье. Несколько минут мальчик лежал и глядел на своего красавчика. Но сон в конце концов стал его одолевать, и фигурка ориби расплылась перед его глазами. О том, что произошло дальше, Ян и сам лишь немного мог рассказать. Проснулся он от писка ориби и оттого, что его что-то дернуло за руку. Но не успел он хорошенько раскрыть глаза, как почувствовал, что его быстро волокут по земле.

Сперва он подумал, что это Черныш выкинул над ним такую шутку, но, когда его проволокли мимо костра, мальчик увидел при свете пламени, что его маленькую антилопу схватил какой-то большой черный зверь и теперь уволакивает их обоих - ориби и его самого. Тут он, конечно, стал звать на помощь и цепляться за все, что только попадалось, чтоб зверь не утащил его. Но ему не удавалось крепко за что-нибудь ухватиться, пока он не очутился в густом кустарнике. Тут он уцепился за ветку и держался изо всех своих силенок. Он не мог долго сопротивляться сильной гиене, но в эту минуту подоспел Черныш с факелом, осыпал похитительницу ударами и, отбив у нее добычу, прогнал прочь.

Вернувшись снова к костру, все еще раз убедились, что Ян невредим. Но бедный ориби, нещадно истерзанный, был мертв.

Глава XXIV О ГИЕНАХ

У гиены повадки примерно те же, что у волка, да и внешне она несколько похожа на него: та же голова, только несколько больше волчьей; морда шире и тупее, шея крепче и короче. Главное - шерсть у нее более жесткая и лохматая. Один из самых характерных признаков гиены - неравномерное развитие конечностей. Ее задние лапы как будто короче и слабее передних, так что круп расположен значительно ниже плеч, и хребет идет не по горизонтальной линии, а по наклонной, опускаясь к хвосту.

Примечательны также в гиене короткая, толстая шея и сильные челюсти. Шея настолько коротка, что в давние времена, когда естественная история носила скорее сказочный, чем научный характер, считалось, что у гиены нет шейных позвонков. Благодаря своей крепкой шее и сильно развитым челюстям гиена превосходно справляется с костями, перед которыми в бессилии отступают волки и другие хищники. Ей ничего не стоит разгрызть самые крупные кости, и она не только высасывает из них мозг, но, размельчив в порошок и самые кости, пожирает их без остатка. Здесь перед нами открывается опять одно из доказательств мудрости природы: гиена водится только в тех странах, которые изобилуют крупными животными. Природа экономна и не терпит, чтобы что-нибудь пропадало даром.

Гиену называют африканским волком; иными словами, в Африке она заместительница крупного волка, который здесь не водится. Правда, шакал во всех отношениях тот же волк, но маленький, а настоящего, большого волка, сколько-нибудь похожего на поджарого пиренейского разбойника или на его близнеца - американского волка, в Африке не было и нет. Вот почему гиена зовется африканским волком.

Это бесспорно самый безобразный из хищников, и звериного в нем больше, чем во всех других. В его облике не найдешь ни одной привлекательной и благородной черты.

Я чуть не назвал гиену даже самой безобразной тварью в мире, но мне вовремя пришел на память павиан. Он, конечно, безобразием превосходит все - *pes plus ultra*¹²; но гиена отчасти напоминает павиана и общим обликом и некоторыми своими повадками.

До сих пор мы говорили о гиенах так, как будто существует только один их вид. Долгое время действительно была известна только одна разновидность обыкновенная, или полосатая гиена: о ней-то и насочиняли множество небылиц. Быть может, ни одно животное не

казалось людям более таинственным и не вызывало столь глубокого отвращения. Ее ставили в один ряд со сказочным вампиром и драконом. Наши предки верили, что взгляд гиены обладает притягательной силой, что она завораживает намеченную ею жертву и та не оказывает сопротивления; что гиена ежегодно меняет пол, что иногда, приняв образ красивого юноши, она заманивает в лес молодых девушек и там пожирает их; что гиена умеет в совершенстве имитировать человеческий голос; что гиена имеет обыкновение, притаившись около дома, подслушивать под окнами разговор людей, ожидая, чтобы один из собеседников произнес имя другого, а потом отчаянным воплем, словно человек, попавший в беду, выкликать того, как будто бы на помощь, называя подслушанным именем. И многие будто бы поддавались обману. Добежав до того места, откуда раздавались жалобные вопли, бедняги попадали прямо в лапы свирепой и прожорливой гиены.

Как ни странно, басни такого рода принимались повсюду, на веру. Но еще более странно то (как ни дико звучит в моих устах подобное заявление), что в каждой из них таится зерно истины. Канвой, на которой вытканы фантастические узоры, послужили в ряде случаев реальные факты. Здесь я ограничусь только двумя примерами. Что-то необычное во взгляде глаз гиены породило толки о колдовской, завораживающей силе, ей присущей, - хотя я ни разу не слышал, чтобы гиене удалось кого-либо увлечь за собою и сожрать. У гиены очень странный крик, и по той простой причине, что голос ее действительно очень схож с человеческим, родилось поверье, будто она умеет подражать человеческим голосам. Не стану утверждать, что крик гиены напоминает обыкновенный человеческий голос, но на голоса некоторых людей он и впрямь похож. Я знаю немало людей с гиеными голосами. И надо сказать, ничто так не похоже на смех человека, как крик пятнистой гиены. Как он ни отвратителен, каждого, кто его слышит, не может не позабавить эта его необычайная особенность: так и кажется, что он выражает человеческие чувства! Нам слышится в нем хохот сумасшедшего, а его резкий металлический тембр напоминает некоторых мне известных представителей черной расы.

Полосатая гиена, хоть она и больше других известна в Европе, с моей точки зрения, наименее интересна. Распространена она шире, чем все ее сородичи. Она водится не только по всей почти Африке, но также и в Азии; мы встречали ее во всех южноазиатских странах. Других видов гиен в Азии нет. Все остальные виды живут исключительно в Африке, которую справедливо называют родиной этого животного.

Ученые насчитывают только три вида гиен. Однако я несколько не сомневаюсь, что их по крайней мере вдвое больше и что все они различаются между собой так же отчетливо, как и те три вида. Лично мне известны пять видов, если не причислять к гиенам ни капскую гиеновую собаку, ни маленькую гиену-землеройку, или земляного волка, с которыми несомненно придется столкнуться в ходе наших охотничьих приключений.

Расскажем прежде всего о только что упомянутой полосатой гиене. Пепельно-серая шкура ее, слегка отливающая желтизной, исчерчена множеством неправильных черных или темно-коричневых полос. Эти поперечные или, точнее говоря, косые полосы идут по направлению ребер. Не у всех особей они одинаково явно выражены. Шерсть полосатой гиены (как, впрочем, и пятнистой) длинна, жестка и косматая; на шее, спине и лопатках она длиннее и образует гриву, которая встает дыбом, когда животное раздражено. То же можно наблюдать и у собак.

Полосатая, или обыкновенная, гиена гораздо слабее и трусливее всех остальных своих сородичей. Это наименее сильная и наименее свирепая из гиен. Она в достаточной мере прожорлива, но питается по большей части падалью, не осмеливаясь вступать в борьбу с другим живым существом, даже когда оно вдвое слабее ее. Только самые маленькие зверушки становятся ее жертвами, и при всей своей прожорливости она - сущий трус. Десятилетний ребенок легко обратит ее в бегство.

Второй вид гиены, причинивший так много неприятностей знаменитому Брюсу во время его путешествий по Абиссинии, следовало бы назвать "гиеной Брюса". У этой гиены тоже полосатая шкура, и потому почти все зоологи смешивают ее с обыкновенной полосатой

гиеной. Однако все сходство между ними исчерпывается наличием полос. И окраска шерсти, и даже рисунок самих полос у них различны.

Гиена Брюса почти вдвое больше обыкновенной - и вдвое сильнее, отважней и свирепей. Она нападает не только на крупных млекопитающих, но и на человека, врывается ночью в уединенные дома и деревни, похищает домашних животных, а иногда и детей. Как ни маловероятными покажутся мои слова, они безусловно отвечают истине; подобные факты случались, и отнюдь не редко. О гиенах Брюса говорят, что они часто забираются на кладбище, разрывают могилы и поедают покойников. Некоторые зоологи это отрицают. Но почему? Хорошо известно, что во многих африканских странах жители не закапывают мертвецов, а просто бросают их где-нибудь в степи. Известно также, что выброшенные таким образом трупы неизменно становятся добычей гиен. Далее известно, что гиены умеют и любят копаться в земле. Что же странного и неправдоподобного в том, что они вырывают из земли трупы, составляющие их обычную пищу? Так поступают и волк, и шакал, и койот, и даже собака. Я видел своими глазами, как все они делали это на полях сражений. Почему бы и гиене не вести себя сходным образом?

К третьему виду, резко отличающемуся от обоих описанных выше, относится пятнистая гиена. Благодаря особенностям голоса, о которых мы уже имели случай говорить, ее иногда называют также "хохочущей". Общей окраской шерсти она походит на гиену обыкновенную, но ее бока покрыты не полосами, а пятнами. Пятнистая гиена крупнее, чем полосатая, а нравом и поведением напоминает гиену Брюса, или абиссинскую гиену. Ее родина - Южная Африка, где среди голландских колонистов она известна под названием "тигровый волк". Гиену обыкновенную они называют просто волком.

К четвертому виду относится бурая гиена. Название это нельзя считать удачным, так как бурый цвет не представляет собой ее отличительного признака. Применяемое к ней иногда название "косматая" гораздо лучше характеризует ее: по длинной прямой шерсти, свисающей на бока, вы сразу отличите эту гиену от всякой другой. Она столь же свирепа, как и гиены других видов, и размеры ее те же - то есть величиной она с большого сенбернара. Но я не представляю себе, как можно было спутать ее с полосатой или пятнистой гиеной. Туловище у нее сверху темно-бурое или почти черное, а снизу грязно-серое. Общей окраской и характером шерсти она, пожалуй, походит на барсука или росомаху.

И все же многие видные ученые, с де Бленвилем во главе, относят ее к виду гиены обыкновенной. Это глубокое заблуждение. Самый невежественный фермер Капской колонии (бурая гиена - африканское животное) судит об этом вернее. Уже одно название, данное косматой гиене бурами - "береговой волк", указывает на отличительную особенность ее повадки. Действительно, гиена этого вида водится только в прибрежных областях; в местах же, излюбленных обыкновенной гиеной, ее никогда не встретишь.

Есть еще одна "бурая гиена", отличающаяся от "берегового волка" и встречающаяся только в Великой пустыне. Ее можно узнать по сравнительно короткой и однотонно бурой шерсти, а во всем остальном она похожа на других представительниц своего рода. Не подлежит сомнению, что со временем, когда Центральная Африка будет наконец основательно исследована, перечень ныне известных гиен пополнится новыми видами.

Гиены в образе жизни и привычках имеют много общего с крупными волками. Они живут в пещерах или в расселинах скал. Иногда гиена селится в норе другого животного, которую она для себя расширяет, пустив в ход свои когти отличное орудие для рытья.

Лазить по деревьям гиена не умеет, так как ее когти для этого недостаточно длинны и цепки. Главное ее оружие - зубы и мощные челюсти.

По своей природе гиены принадлежат к животным-одиночкам, хотя нередко, набрасываясь на добычу, соединяются в стаи. Сойдутся над какой-нибудь тушей десять - двенадцать гиен и, обглодав ее, разбредутся. Прожорливость их вошла в поговорку. Они едят чуть ли не все, вплоть до ремней и старых подметок. Слишком твердой пищи для них не существует. Кости они смальывают и проглатывают так легко, как другие хищники самое нежное мясо. Гиены очень наглы, особенно по отношению к несчастным дикарям, которые

не охотятся на них с целью истребления. Отвратительные хищники пробираются в их жалкие краали и часто уносят маленьких детей. Можно с уверенностью сказать, что не одну сотню детей погубили в Южной Африке гиены.

По всей вероятности, вам невдомек, как допускаются такие вещи, почему местные жители до сих пор еще не объявили беспощадной войны гиенам, не прогнали их за пределы обитаемых местностей. Все это удивляет, потому что вы не принимаете в расчет той разницы, которая существует между цивилизованными и дикими странами. Вы подумаете, верно, что человеческая жизнь ценится в Африке куда меньше, чем в Англии. Да, до известной степени это так. Но если бы вы хорошенько познакомились с наукой о строении общества, вам бы открылось, что иные законы цивилизованного мира требуют такого несметного количества жертв, какого никогда не унести гиенам. Бессмысленные парады, пустые придворные празднества, приемы коронованных особ - все это требует огромных средств и в конечном счете пожирает множество человеческих жизней.

Глава XXV ДОМ СРЕДИ ВЕТВЕЙ

Ван Блум понял теперь, что гиены могут оказаться для него настоящим бедствием. Им ничего не стоит подобраться к слоновьему мясу и другим припасам; даже детей небезопасно оставлять на становище одних, а ему, конечно, часто придется оставлять малышей, так как старших надо брать с собой на охоту.

Водились тут и другие звери, пострашней гиен. В ту же ночь он слышал рычание львов где-то у озера, а, когда рассвело, следы ясно показывали, что львы приходили на водопой.

Как мог он оставить маленькую Трейи, свою дорогую дочурку, или Яна, который ростом был не больше сестренки, - как мог он оставить их в открытом лагере, когда рыщут вокруг такие чудовища! Об этом нечего было и думать.

Он раздумывал, что теперь предпринять. Прежде всего ему пришло на ум построить дом. Но на такую работу ушло бы немало времени: не было под рукой подходящего материала. Каменный дом требовал тяжелого труда, так как пришлось бы таскать на себе камень чуть ли не за целую милю. Не стоило возиться - ван Блум не собирался обосновываться здесь надолго. В этих краях он, может быть, и не встретит много слонов; хочешь не хочешь, а придется двинуться дальше.

Вы спросите: почему он не решил, в таком случае, построить дом из бревен? Работа оказалась бы не слишком тяжелой: местность вокруг была лесистая, топор у него имелся.

Да, лесу было кругом довольно, но то был совсем особенный лес. За исключением нван - высоких деревьев, росших на больших расстояниях друг от друга (и расстояниях таких правильных, точно деревья рассадил садовник), здесь не встречалось ничего, что можно было бы назвать деревом в обычном смысле слова. Все остальное было скорее кустарником; тернистые заросли мимозы, молочаев, древовидных алоэ, стрелиции и цепкой замии, - все это пленяло глаз, но никак не годилось для постройки. А нвана была, конечно, чересчур велика. Срубить одно такое дерево немногим легче, чем возвести целый дом; а чтобы распилить ствол на доски, потребовалось бы обзавестись паровой пилой. Мысль о деревянном доме тоже была исключена. Между тем легкое строение из тростника и кольев не могло бы служить достаточной защитой. Какой-нибудь разъяренный носорог или слон в два счета сровнял бы с землей подобный дом.

Кроме того, приходилось подумать и о том, что в окрестностях могли жить людоеды. Так, по крайней мере, полагал Черныш: местность пользовалась в этом смысле недоброй славой. А поскольку они находились сейчас недалеко от родины Черныша, ван Блум, доверяя словам бушмена, склонен был разделять его опасения. Какую защиту от людоедов мог представить шалаш? Почти никакой.

Было над чем призадуматься. Пока вопрос не был разрешен, ван Блум не мог приступить к охоте. Необходимо было устроить такое убежище, где дети в его отсутствие

были бы в полной безопасности.

Думая упорную думу, бывший фермер случайно возвел глаза к вершине нваны. Большие корявые лапы ветвей сразу остановили на себе его мысль, пробудив у охотника странное воспоминание. Он слышал, что в некоторых областях Африки, - пожалуй, в тех краях, где он сейчас находился, - туземцы селятся на деревьях. Иногда на одном дереве ютится целое племя в пятьдесят и более человек; и делают они это, спасаясь от хищного зверя, а порой и от человека. Дом они строят на помосте, опорой которому служат горизонтальные сучья; люди взбираются в свое жилище по приставной лестнице, которую перед отходом ко сну втаскивают к себе наверх.

Обо всем этом ван Блоому не раз доводилось слышать, и все это вполне соответствовало истине. Сама собой напрашивалась мысль, не сделать ли и ему то же самое. Не построить ли дом на гигантской нване? Такое жилище даст ему желанную защиту. Там они все будут спать с чувством полной безопасности. Там он, уходя на охоту, будет спокойно оставлять детей, сохраняя уверенность, что, вернувшись, найдет их на месте. Прекрасная идея! Но... осуществима ли она?

Ван Блоом стал обдумывать.

Раздобыть бы только доски для помоста, а прочее будет несложно. Крышу можно сделать самую легкую - листва уже почти заменяла ее. Но пол - вот что самое трудное. Где взять доски? По соседству их нигде не достанешь.

Тут взгляд его случайно упал на фургон. Ага! Вот они где, доски! Но неужели придется ломать свой верный фургон? Нет, ни за что! Об этом нечего и думать.

А впрочем, кто велит ломать? Он сделает это, не выдернув ни одного гвоздя, не отбив ни единой щепочки. Фургон устроен так, что его можно разобрать на части и вновь собрать, когда захочешь.

Что ж, он его разберет. Оставит нетронутым только дно. Вот вам и готовый помост. Ура!

В радостном возбуждении ван Блоом сообщил свой план остальным, восторженно рисуя подробности. Все согласилось с его доводами, и, так как утро было уже на исходе, они без долгих слов приступили к выполнению замысла.

Прежде всего надо было построить лестницу в тридцать футов длины. На это ушло немало времени; зато она, хоть и грубая, но крепко сколоченная, удалась на славу и вполне отвечала своему назначению. По ней можно было теперь добраться до нижнего яруса ветвей; а отсюда уже нетрудно было соорудить лесенки и к верхним ярусам.

Ван Блоом взлез первый и, внимательно осмотревшись, выбрал, где установить платформу. Опорой ей могли служить два крепких горизонтальных сука, которые росли бы на равной высоте и расходились бы под возможно более острым углом. Множество толстых ветвей на огромном дереве позволило сделать выбор.

Фургон разобрали - на это ушло лишь несколько минут - и первым делом втащили наверх дно. Эта задача, далеко не легкая, потребовала соединенных усилий всей семьи. К одному концу привязали крепкие ременные вожжи и затем перекинули их через сук, росший ярусом выше, чем те, на которые должен был лечь помост. Черныш взобрался наверх, чтобы оттуда направлять громоздкую платформу, остальные же всей своей тяжестью навалились снизу на импровизированный канат; даже маленький Ян тянул изо всех силенок, хотя на силомере он выжал бы не больше одного английского фунта¹³.

Наконец платформу втащили, и она благополучно водрузилась на опорных сучьях; и тогда поднялся снизу ликующий хор голосов, а Черныш радостно откликался из гущи ветвей.

Самая трудная половина работы была завершена. Оставалось втащить по частям кузов и собрать его затем наверху в прежнем виде. Пришлось еще срубить несколько ветвей, чтобы расчистить место для парусиного верха. Но вот и его втащили и натянули.

К заходу солнца все было на своем месте, воздушный дом приспособлен для ночлега; и действительно, в ту же ночь они спали в этом доме, - "забравшись на насест", как шутливо

выразился Ганс.

Однако они еще не считали свое новое жилье вполне законченным. На следующий день они еще продолжали трудиться над ним. Из длинных шестов было сделано продолжение платформы, соединившее фургон со стволом дерева, так что образовалась широкая терраса, по которой можно было двигаться.

Шесты были крепко переплетены ветвями красавицы плакучей ивы; она часто встречается в этих краях, и несколько старых плакучих ив росло у озера. В довершение всего на помост наложили толстый слой глины, взятой на берегу. В случае нужды можно было даже развести костер и варить ужин в воздушном жилище.

Когда главное строение было закончено, Черныш смастерил на других сучьях огромной нваны помост для себя и еще один - для Тотти. Над каждым из этих помостов он соорудил навес, защищавший их обитателей от дождя и росы.

Странное впечатление производили эти два навеса, каждый величиною с обыкновенный зонтик. Странное, потому что это были уши слона!

Глава XXVI

ДРАКА ДИКИХ ПАВЛИНОВ

Теперь ничто больше не мешало ван Блоому приступить к самому главному в его новой жизни, то есть к охоте на слонов. Он решил начать немедленно: он сознавал, что, пока не "уложит" хотя бы трех - четырех исполинов, ему не найти покоя. Ведь могло случиться и так, что не удастся убить ни одного; что станет тогда со всеми его большими надеждами и планами? Все окончится новым разочарованием, и в его трудной жизни ничто не переменится. Нет, переменится, но к худшему: потерпеть неудачу в каком-либо предприятии означает не только потерю времени, но и напрасную трату душевных сил. Успех поднимает дух, мужество, веру в себя, что способствует новым удачам, тогда как поражение ведет к робости и унынию. В этом смысле всякая неудача опасна; а потому, затеяв какое-нибудь предприятие, надо наперед удостовериться, что оно вполне возможно и осуществимо.

Между тем ван Блоом был совсем не уверен, что его широкий план осуществим. Однако при данных обстоятельствах охотник не мог выбирать. У него не было в то время иных средств к существованию, и он решился испытать ту единственную возможность, которая раскрывалась перед ним. Он верил в свои расчеты и мог твердо надеяться на успех; но перед ним была неизведанная дорога. Неудивительно, что ему не терпелось скорее приступить к делу, скорее узнать, велики ли шансы на удачу.

Итак, он встал рано утром и отправился в путь. Его сопровождали только Гендрик и Черныш, так как он все еще не решался оставлять детей на одну лишь Тотти, которая сама была почти таким же ребенком. Поэтому Ганс остался в лагере.

Охотники двинулись сперва по течению речушки, которая брала начало в роднике и, растекшись озером, бежала дальше. Это направление они избрали потому, что здесь было больше кустарника, а они знали, что слонов скорее встретишь в лесу, чем в открытых местах. Между тем только близ реки было много леса. По обоим ее берегам тянулась широкая полоса джунглей. За ними шли разбросанные рощицы и перелески, а далее открывалась равнина, почти лишенная деревьев, хоть и одетая на некотором расстоянии ковром сочных трав. Она переходила в дикую степь, простиравшуюся на восток и запад, насколько хватал глаз. С севера, как мы уже упоминали, высился горный кряж, а за ним начиналась выжженная, безводная пустыня. Только с юга лежало то, что единственно еще напоминало лес; и, хотя такие невысокие заросли едва ли могли притязать на это имя, все же казалось довольно правдоподобным, что тут водятся слоны.

"Лес" состоял преимущественно из мимозы, представленной в нескольких разновидностях; листья, корни и нежные ее побеги - любимое лакомство травоядного гиганта. Встречалась здесь и жирафья акация с ее тенистой зонтовидной кроной. Но над всем господствовала мощными вершинами нвана, накладывая особый отпечаток на ландшафт.

Охотники заметили, что, чем дальше они шли, тем шире делался ручей. Временами, особенно после обильных дождей, он, несомненно, получал большой приток воды и превращался, верно, в значительную реку. Однако по мере того как расширялось русло, вода в нем, напротив, все убывала и убывала, пока на расстоянии мили от лагеря не иссякала совсем.

Еще на полмили текущую воду сменила цепь стоячих прудов; однако широкое, сухое русло шло и дальше, и по обоим его берегам непрерывно тянулся кустарник, такой густой, что продвигаться вперед возможно было только по самому руслу.

По пути попадалось немало разной мелкой дичи, вспархивавшей чуть ли не из-под ног. У Гендрика чесались руки "снять" хоть несколько штук, но отец запретил ему стрелять прежде времени: выстрел мог спугнуть ту крупную дичь, ради которой они отправились в путь и на которую могли натолкнуться с минуты на минуту. Гендрика успокоили, что на обратном пути ему дадут испытать свою ловкость; ван Блоом и сам рассчитывал вместе с сыном выследить антилопу, так как в лагере уже не осталось свежего мяса. Но это было делом вторым, первой же заботой было раздобыть во что бы то ни стало хоть пару бивней.

Черныш зато мог свободно пользоваться луком: бесшумное оружие не вызвало бы переполоха в лесу. Бушмена взяли с собою, чтобы он тащил топор и прочие принадлежности, а при случае помог и на охоте. Он не преминул, конечно, прихватить лук и колчан и все время высматривал, не найдется ли во что пустить свою маленькую отравленную стрелу.

Наконец он нашел мишень, достойную его искусства. В одном месте, где русло давало большую излучину, охотники предпочли пройти напрямик по равнине, и вот перед ними открылась довольно широкая лужайка, а посреди нее представилась взорам большая птица, стоявшая на прямых и высоких ногах.

- Страус! - воскликнул Гендрик.

- Нет! - отозвался Черныш. - Это пау.

- Да, - сказал ван Блоом, согласившись с бушменом, - это пау.

По-голландски "пау" означает "павлин". В Африке же, как известно, никаких павлинов не водится. Павлина в диком виде можно встретить только в Южной Азии и на островах Индийского архипелага. Значит, птица, которую они увидели, никак не могла быть павлином.

Это и не был павлин. Но все же птица напоминала павлина с его длинным, тяжелым хвостом, со своеобразным глазовидным рисунком на крыльях и переливчатым, "мраморным" оперением на спине. Правда, яркостью расцветки она уступала горделивому птичьему царьку, хотя и была столь же статна и много крупнее и выше его. Как раз из-за высокого роста и прямых, длинных ног Гендрик с первого взгляда принял ее за страуса. Птица не была ни страусом, ни павлином, а принадлежала к совсем иному роду, равно далекому от обоих, - к роду дроф. Перед нашими охотниками была крупная южноафриканская дрофа, которую голландцы-колонисты называют "пау" за глазовидные пятна на перьях и другие черты сходства с индийским павлином.

И Черныш и ван Блоом знали, что пау - лакомая дичь и могла бы скрасить их стол. Но в то же время они знали, что это самая пугливая птица - настолько пугливая, что ее трудно застрелить даже из дальнобойного ружья. Как же подобраться к ней на расстояние выстрела из лука? Вот о чем надо было подумать.

Птица стояла в двухстах ярдах от охотников, и, если бы она их заметила, это расстояние скоро увеличилось бы вдвое, так как пау отбежал бы еще на двести ярдов. Я говорю "отбежал", потому что птицы из семейства дроф редко пользуются крыльями; от врага их чаще спасают длинные ноги. Поэтому за ними нередко охотятся с собаками и берут их после жестокого гона. Слабые в полете, они отличные бегуны - в беге они почти не уступают страусу.

Однако пау пока что не заметил охотников. Они его увидели, еще не выбравшись из зарослей, а когда увидели, сразу же замерли на месте.

Как же, думал Черныш, приблизиться к птице? Пау стоял в двухстах ярдах от любого прикрытия, и поляна вокруг него была чиста, как свежескошенный луг. Правда, она была невелика. Черныш даже удивился, увидев пау на такой маленькой поляне: эта птица водится только в открытых просторах степей, где она может видеть врага с большого расстояния. Да, поле зрения было очень невелико, но, понаблюдав за дрофой несколько минут, охотники убедились, что птица решила держаться как можно ближе к центру лужайки и не проявляла склонности приблизиться в поисках пищи к той или другой стороне чащи.

Всякий, кроме бушмена, расстался бы с надеждой подкрасться на выстрел к этой птице, но Черныш не унывал.

Попросив остальных соблюдать тишину, он подполз к самому краю зарослей и лег за густым широколиственным кустом. Затем он начал издавать гортанные звуки, в точности подражая токованию дрофы-самца, вызывающего соперника на бой.

Подобно тетереву, пау многоженец и в положенное время года становится страшным ревнивцем и забиякой. Черныш знал, что для пау как раз наступила "боевая пора", и он надеялся, подражая военному кличу дроф, приманить птицу (он в ней распознал петуха) на расстояние, доступное его стреле.

Едва услышав клич, пау поднялся во весь свой рост, расправил веер огромного хвоста, опустил крылья, так что края их волочились по траве, и ответил на вызов.

Но тут смутило Черныша новое обстоятельство: ему почудилось, что на его токование отозвались две птицы сразу.

Действительно, он не ослышался: только он собрался подать голос вторично, как пау снова издал боевой клич, и в ответ раздался подобный же вызов с другой стороны.

Черныш поглядел туда, откуда донеслось ответное токование, и увидел вторую дрофу. Она, казалось, свалилась с поднебесья или, что вернее, выбежала из укрывавших ее кустов. Во всяком случае, охотники не успели оглянуться, как она уже покрыла почти половину расстояния до центра поляны.

Обе птицы теперь отлично видели друг друга, и по их движениям можно было заключить, что сейчас, несомненно, начнется бой.

Уверенный в этом, Черныш не стал больше подражать их кличу; он тихонько притаился за своим кустом. Довольно долго птицы кружили на месте, выступая чопорным шагом, принимали угрожающие позы, обменивались оскорблениями, пока не раздражили друг друга достаточно, чтобы завязалась драка. Они сражались по всем правилам своей птичьей чести, пуская в ход три вида оружия крылья, клюв и ноги. То ударят крылом, то стукнут носом, а время от времени, когда представлялась возможность, угощали друг друга пинком, который, принимая во внимание длину и мускулистость ноги, должен был отличаться значительной силой.

Черныш знал, что, когда они сильнее увлекутся дракой, он сможет подойти к ним незамеченный, и терпеливо ждал своей поры.

С первых же секунд стало ясно, что ему не придется даже оставить свое укрытие: птицы в драке приближались к нему. Он наложил стрелу на тетиву и выжидал.

Не прошло и пяти минут, как птицы дрались уже ярдах в тридцати от того места, где залег бушмен. Один из бойцов мог бы услышать звон тетивы, если бы был еще способен замечать что-нибудь вокруг себя. Другой все равно не услышал бы: прежде чем звук мог достичь его слуха, отравленная стрела пробилась ему уши. Наконечник вышел, а стержень остался в голове, пронзив ее насквозь.

Сраженный пау, конечно, рухнул мертвым на траву, а его противник в изумлении смотрел на тело.

Кичливый боец сперва вообразил, что это сделал он сам, и стал с триумфом прохаживаться вокруг павшего врага.

Но вот его взгляд упал на стрелу, торчавшую в голове убитого. Он взирал на нее в недоумении. Этого он не делал! Что за чертовщина...

Если бы ему предоставили еще хоть полсекунды на раздумье, он, верно, пустился бы

наутек; но не успел он даже толком испугаться, как снова послышался звон тетивы, просвистела в воздухе вторая стрела, и вторая дрофа простерлась рядом с первой на траве.

Черныш бросился теперь вперед и завладел добычей; подстреленные птицы оказались молодыми петухами, так и просившимися на вертел.

Подвесив дичь на высокий сук, чтобы шакалы и гиены не могли ее достать, охотники отправились дальше и, спустившись снова в безводное русло реки, пошли вперед, куда оно их повело.

Глава XXVII ПО СЛЕДАМ

Они прошли не больше ста ярдов, когда набрали на один из тех прудков, о которых говорилось выше. Он был довольно велик, а ил на его берегах был испещрен следами множества разных животных. Охотники увидели это еще издали, а когда пришли на место, Черныш, несколько опередивший остальных, вдруг обернулся и, выкатив глаза, выпятив дрожавшие губы, отщелкал языком слова:

- Мин баас! Мин баас! След клау!

Не приходилось опасаться ошибки: след слона нельзя спутать ни с каким другим. Ил действительно был весь изрыт большими круглыми отпечатками в добрых два фута длиной и почти такой же ширины, глубоко вдавленными в почву тяжестью огромного туловища. Каждый отпечаток представлял собой большую яму, в которой уместился бы толстенный столб.

В радостном волнении охотники разглядывали след. Было очевидно, что он оставлен совсем недавно: поверхность ила там, где она была нарушена, еще не затвердела и казалась сыровой. Она была изрыта не более как за час перед тем.

В эту ночь к болотцу приходил, очевидно, только один слон. Среди множества следов только один был недавним - след старого и очень крупного самца.

Об этом явственно говорили отпечатки ног: чтобы оставить рытвину в двадцать четыре дюйма длиной, животное должно быть очень крупным, а очень крупным может быть только самец, старый самец.

Что ж, чем старше и крупней, тем лучше - лишь бы не оказались по какому-нибудь несчастному случаю обломанными бивни. Бивни, если обломаются, уже не восстанавливаются. Слон, правда, сбрасывает их, но лишь в самом юном возрасте, когда они у него не больше клешни омара; а те, что вырастают им на смену, уже постоянные и должны служить ему до самой смерти - не один и не два десятка лет, ибо никто не скажет, сколько десятилетий бродит по земле могучий слон.

Посоветовавшись немного, наши герои двинулись в путь по следу - Черныш впереди, а за ним ван Блоом и Гендрик.

След вел из безводного русла в джунгли.

Когда есть вокруг кусты тех пород, которыми питается слон, его путь нетрудно проследить по ним. Сейчас, впрочем, слон их не трогал, но бушмен, умевший преследовать зверя не хуже гончей, шел по слоновьей тропе так быстро, как могли поспевать за ним его спутники.

Заросли сменялись порой открытыми полянами; миновав их, охотники увидели перед собой муравейник, стоявший посреди прогалины. Слон, по-видимому, прошел около муравейника, постоял немного... Ага, тут он, должно быть, лег!

Ван Блоом не знал, что у слонов есть такая повадка. Он слышал всегда, что они спят стоя. Сведения Черныша были вернее. Он пояснил, что слоны спят иногда и стоя, но чаще ложатся, особенно в таких местах, где на них редко охотятся. Бушмен считал хорошим признаком, что слон ложился. Отсюда он сделал вывод, что в этих краях слонов мало тревожат и, значит, к ним легче будет приблизиться на выстрел. И вряд ли они захотят покинуть спокойную местность, покуда охотники не возьмут "хорошую поживу".

Это соображение играло важную роль. Где слонов много преследуют и где они уже знают, что означает гул выстрела, там нередко один день охоты обращает их в бегство: они пускаются в кочевье и не осядут снова до тех пор, пока не окажутся вне пределов досягаемости. Так поступают не только отдельные, выслеженные охотником слоны. Все остальные также снимаются с места, как будто предупрежденные товарищами, пока последний слон не покинет округу. Эти странствия представляют одну из главных трудностей для охотника; и, когда слоны уходят на новые места, ему не остается ничего иного, как самому переменить поле действия.

Напротив, там, где слонов долгое время оставляли в покое, их не пугает раскат ружейного выстрела, и они долго мирятся с преследованием, прежде чем "покажут хвост" и покинут местность.

Так что Черныш недаром обрадовался, когда убедился, что старый слон лежал. Бушмен вывел из этого обстоятельства целую цепь заключений.

А что слон действительно ложился, было достаточно ясно - углубление в упругой насыпи муравейника показывало, куда он прислонился спиной: на земле был виден оттиск туловища, а большой бивень оставил рядом на дерне глубокую борозду. Бивень был, несомненно, велик, как показал отпечаток зоркому глазу бушмена.

Черныш сообщил спутникам несколько любопытных фактов о четвероногом великане - или, по меньшей мере, то, что ему представлялось фактами. Слон, сказал он, никогда не отважится лечь, если ему не к чему будет прислониться - к скале, к муравейнику, к дереву; он делает это, чтобы во сне не перекувырнуться на спину. Если он нечаянно попадет в такое положение, ему очень трудно встать, и он бывает тогда почти столь же беспомощен, как черепаха. Нередко он спит, стоя около дерева и всей тяжестью тела навалившись на ствол.

Черныш не думал, что слон наваливается на ствол, едва лишь расположится под деревом; дерево соблазняет его сперва своею тенью, а уж потом, когда великаном овладеет сонливость, он припадает к стволу, найдя в нем прочную опору.

Бушмен поведал также спутникам, что иногда у слонов бывают свои облюбленные деревья, к которым они возвращаются снова и снова подремать в жаркие полуденные часы - их обычное время отдыха. Ночью слоны не спят. Наоборот, они в это время бродят по окрестностям, пасутся, ходят к далеким водопоям. Впрочем, в глухих, спокойных областях они пасутся и днем, и не исключено, что повадки полуночника родились у них как следствие страха перед их неутомимым врагом - человеком. Все это Черныш излагал, пока охотники продвигались вперед по следу.

Начиная от муравейника, след менял свой характер. По дороге слон "завтракал". Сон вернул ему аппетит; кусты терновника "стой-погоди" были истерзаны его бивнями. Тут и там ветви были обломаны и дочиста ощипаны, и только жесткие голые прутья валялись на земле. Местами попадались вырванные с корнем деревья, и притом не маленькие. Слон валит деревья, если не может дотянуться хоботом до их листвы; когда же дерево повалено, вся зелень, конечно, оказывается в полном его распоряжении. Иногда же он вырывает деревья, чтобы пообедать корнями, так как некоторые породы пускают сладкие, сочные корни - любимое лакомство слона. Гигант выдергивает деревья хоботом, предварительно подрыв их бивнями, которыми пользуется, как киркой. Впрочем, слону не всегда удается достичь своей цели. Например, мимозу более крупных пород он может расшатать только после больших дождей, когда земля становится влажной и рыхлой. А иногда он привередничает: вырвет дерево из земли, протащит его несколько метров корнями вверх и бросит, едва отщипнув корешок. Проходя целым стадом, слоны беспощадно губят лес.

Малые деревья слон вырывает одним только хоботом, но для крупных он применяет мощный рычаг - свои крепкие бивни. Он подводит их под корни (дерево растет обычно в рыхлой песчаной почве) и, дернув, разом выкорчевывает его: ветви, корни, ствол мгновенно оказываются в воздухе, не устояв перед мощью лесного исполина.

На каждом шагу охотники встречали всё новые доказательства огромной этой мощи: о ней ясно свидетельствовал след, оставленный по дороге их старым клау.

Этого было довольно, чтобы зародить страх и почтение, и ни один из троих преследователей не остался чужд этим чувствам. Если в часы спокойствия животное так склонно к разрушению и буйству, каким же чудовищем оно обернется, если его разъярить!

Было и еще одно соображение, смущавшее охотников, в особенности бушмена. Судя по некоторым признакам, это был слон-одиночка, или, как его называют индийские охотники, "бродяга". К таким слонам гораздо опаснее подступать, чем к их сородичам. В самом деле, при обычных обстоятельствах сквозь стадо слонов можно пройти так же спокойно, как если бы это были не слоны, а смирные волы. Слон становится опасным противником, только если на него напасть или ранить его.

Совсем иначе обстоит дело с одиночкой, или бродягой. Он злобен по природе; едва увидев человека или зверя, он кидается в драку, не дожидаясь, когда его заденут. Он, по видимому, питает страсть к разрушению, и горе тому, кто пересечет бродяге дорогу, не обладая более быстрыми ногами, чем у него!

Слон-бродяга ведет одинокую жизнь, скитаясь по лесу, и никогда не вступает в общение с сородичами. Он, видимо, является отверженцем среди своего племени, изгнанным за злобный нрав или по иной вине, и в своем отщепенстве становится еще более лютым и злобным.

Бушмен имел все основания опасаться, что выслеживаемый слон был таким одиночкой. Уже то, что он шел один, было само по себе достаточно подозрительно, так как слоны обыкновенно бродят по двое, по трое, а то и стадом в двадцать, в тридцать, в пятьдесят голов. Оставленные по пути следы разрушения, отпечаток огромных ступней - все, казалось, выдавало в нем одного из этих свирепых животных. А тому, что одиночки водились в этих местах, у наших охотников были уже доказательства. Черныш утверждал, что слон, убитый носорогом, принадлежал к тому же разряду, потому что иначе он не напал бы сам на врага. Предположение бушмена представлялось вполне правдоподобным.

След становился все свежее и свежее. Охотники видели вывороченные деревья, корни с отпечатком слоновьих зубов, еще увлажненные слюной, вытекшей из его огромной пасти. Видели обломанные ветви мимозы, от которых исходил сладкий запах, еще не успевший выветриться. Нетрудно было заключить, что дичь находится поблизости.

Пошли в обход опушкой, пустив бушмена по-прежнему вперед. Вдруг Черныш остановился и отступил на шаг. Он обратил к спутникам лицо. Глаза его вращались еще быстрее, чем обычно, но, хотя губы раскрывались и язык шевелился, бушмен не мог произнести ни слова: слышно было только какое-то щелканье, свист, но ни одного членораздельного звука - так он был взволнован. Однако остальные поняли его без слов: Черныш хотел, конечно, прошептать, что он видит клау. Отец и сын молча выглянули из-за куста и собственными глазами узрели четвероногого исполина.

Глава XXVIII СЛОН-ОДИНОЧКА

Слон стоял в рощице под сенью деревьев, называемых "мохала". В отличие от низкорослой мимозы, мохала обладает высоким, гладким стволом, над которым тихо качается густая крона, формой напоминающая зонт. Перистые нежно-зеленые листья мохалы составляют любимое лакомство жирафа, почему в ботанике она именуется жирафьей акацией; голландские же колонисты называют ее в просторечии верблюжьим терновником.

Высокий жираф с его хваткими губами и очень длинной шеей без труда ошипывает листья на высоте семи метров. Другое дело - слон, который не может дотянуться хоботом так высоко; ему зачастую пришлось бы разыгрывать пресловутую лису из древней басни, не располагая он превосходным средством достать соблазнительные листья, повалив дерево наземь. Ему это вполне под силу, если только ствол не слишком толст.

Когда взоры наших охотников впервые остановились на слоне, он стоял у вершины поверженной мохалы, которую только что сломал под корень. Теперь он обрывал листья,

набивая ими свой вместительный желудок.

Овладев наконец даром речи, Черныш прерывисто зашептал:

- Осторожно, баас Блоом! Не подходи! Остерегись! Это злой старый клау! Ух! Он дурной. Я его знаю, старого чертова быка!

Этими сбивчивыми словами Черныш хотел предостеречь хозяина, чтоб он не приближался опрометчиво к великану.

Бушмен узнал в нем самого опасного из слонов - бродягу.

Покажется загадочным, откуда Черныш это заключил: ведь слон-одиночка ничем, собственно, не отличается внешне от других своих сородичей. Но наметанный глаз бушмена умеет кое-что прочесть в облике животного, как мы по неуловимым признакам отличаем злого и опасного быка от более добродушного или дурного человека от хорошего.

Да и сам ван Блоом и даже Гендрик поняли по виду слона, что он свиреп и дик и что действовать надо осторожно.

Охотники притаились в кустах и несколько минут наблюдали за четвероногим великаном. Чем дольше они глядели, тем более крепло в них решение напасть на него. Вид огромных бивней был слишком соблазнителен для ван Блоома; он ни на секунду не допускал мысли о том, чтобы отказаться от борьбы и дать животному уйти. Во всяком случае, он всадит в него две - три пули, а если представится возможность и если первых двух не хватит, - что ж, можно будет всадить и больше. Нет, ван Блоом не откажется без боя от этих чудесных бивней!

Он тотчас стал соображать, как вернее всего повести нападение, но время не ждало, и план не успел созреть. Слон казался беспокойным и, видимо, готов был двинуться дальше. С минуты на минуту он мог уйти и затянуть преследование на много миль, а то и вовсе скрыться от охотников в густой заросли "стой-погоди".

Эта перспектива ускорила решение ван Блоома сразу же пойти в атаку и, подступив к слону как можно ближе, выпустить в него заряд. Он слышал, что меткая пуля в лоб уложит любого слона, - только бы найти позицию, откуда можно было стрелять зверю прямо в морду. Ван Блоом считал себя достаточно метким стрелком, чтобы не промахнуться.

Он, впрочем, ошибался. Слона не убивают выстрелом в лоб. Такие сведения можно получить от джентльменов, охотившихся на слонов в своем кабинете, хотя другие кабинетные люди, анатомы - отдадим им должное, - ясно доказали, что этот способ невозможен ввиду особого устройства слоновьего черепа и расположения его мозга.

В то время ван Блоом разделял это ложное представление и потому допустил большую оплошность. Вместо того чтобы искать позицию для выстрела в бок, которую он нашел бы куда легче, он решил обойти слона кругом и выстрелить ему прямо в морду.

Оставив Гендрика и Черныша в тылу у противника, он под прикрытием кустов пополз в обход и наконец достиг тропинки, которую слон мог бы выбрать с наибольшей вероятностью.

Едва успел он занять свою позицию, как исполин двинулся прямо на него своей величавой поступью; и, хотя слон не бежал, а только шел, он пятью - шестью гигантскими шагами приблизился почти вплотную к засаде охотника. Животное еще не подавало голоса, но при каждом его движении ван Блоом слышал странный клекот или урчание, как будто в его огромном брюхе переливалась вода.

Ван Блоом стоял за стволом большого дерева. Слон до сих пор не замечал его и, может быть, прошел бы мимо, не подозревая о присутствии врага, если б тот позволил ему. У охотника и впрямь мелькнула такая мысль, потому что, как ни был он смел, при виде лесного великана у него на мгновение замерло сердце.

Но вот снова дуга слоновой кости блеснула перед его глазами, снова вспомнил он цель, которая привела его сюда, вспомнил о погибшем состоянии, о своем намерении нажать его, поставить на ноги детей...

Эти мысли укрепили в нем решимость. Длинный ствол громобоя опирался на сук, дуло глядело прямо в лоб надвигавшемуся слону. Зрачок охотника сверкнул в прицельной рамке,

грязнул гулкой выстрел, и на мгновение облако дыма застлало все перед глазами...

Ван Блум услышал хриплый трубный рев, услышал хруст ветвей и урчание воды, а когда дым рассеялся, охотник, к своему великому смущению, увидел, что слон все еще стоит на ногах как ни в чем не бывало.

Пуля попала в ту самую точку, куда метил стрелок, но, вместо того чтобы нанести животному смертельную рану, она только привела его в крайнюю ярость. Слон теперь метался, ударял бивнями о стволы, хоботом обламывал ветви и швырял их в воздух, видимо совсем не понимая, что же это так дерзко щелкнуло его по лбу. К счастью для ван Блоома, толстый ствол дерева скрывал его от слона. Если бы разъяренный зверь заметил в это мгновение человека, ван Блоому бы несдобровать, но охотник знал это, и у него достало хладнокровия сохранить молчание и покой.

Иначе повел себя Черныш. Когда слон зашагал вперед, бушмен и Гендрик пошли, крадучись, вслед за зверем через мохаловую рощу. Они пересекли даже открытую поляну и вступили в кусты, где сидел в засаде ван Блум. Когда Черныш услышал выстрел, а затем увидел, что слон невредим, мужество изменило ему. Он оставил Гендрика и кинулся обратно к мохаловой роще, оглашая воздух пронзительными криками.

Крики достигли ушей слона, и он тотчас же бросился в ту сторону, откуда они доносились. В одно мгновение он вынырнул из кустов и, увидев на открытой поляне бегущего человека, бешено ринулся за ним. Гендрик, который не трогался с места и остался незамеченным в прикрытии кустов, выстрелил по пронесшемуся мимо зверю. Пуля, угодив в лопатку, только усилила ярость слона. Он мчался, не останавливаясь, вслед за Чернышем, воображив, несомненно, что бедный бушмен и причинил ему боль, происхождение которой он плохо понимал.

Лишь несколько секунд прошло после первого выстрела, а охота приняла новый оборот. Черныш едва успел выскочить из кустов, как слон уже мчался за ним, а когда бушмен повернул к мохаловой роще, он был на каких-нибудь шесть шагов впереди своего преследователя. Черныш хотел добраться до рощи, среди которой было несколько очень крупных деревьев. Он рассчитывал влезть на одно из них, так как это казалось ему единственным средством спасения. Но не пробежал он и половины открытой поляны, как понял, что ему не поспеть. Он слышал за собой тяжелый топот чудовища, слышал громкий злобный рев, ему казалось даже, что он ощущает на спине горячее дыхание зверя. А до рощи было еще далеко. Когда там еще добежишь да взберешься по стволу так высоко, чтобы слону не достать было хоботом! На это нужно время. Укрыться на дереве не оставалось надежды.

Эти соображения почти мгновенно сложились в мозгу Черныша. За десять секунд он пришел к заключению, что бегством ему не спастись; и вот он сразу прервал свой бег, круто повернул и встретил слона лицом к лицу.

Не надо думать, что он тут же составил новый план спасения. Не отвага, а только отчаяние заставило его обратиться лицом к преследователю. Он знал, что, продолжая бежать, непременно будет настигнут; если повернуться лицом к врагу, ничего худшего не произойдет, а может быть, еще удастся предотвратить роковой удар каким-нибудь ловким маневром. Черныш стоял теперь как раз посередине прогалины; слон мчался прямо на него.

Бушмен был совершенно безоружен: чтобы легче было бежать, он бросил свой лук, бросил топор. Впрочем, и лук и топор были бессильны против такого противника.

На человеке оставался только каросс из овчины. Овчина стесняла Черныша в беге, но бушмен умышленно не расстался с ней.

Черныш стоял на месте, пока вытянутый хобот не оказался в трех футах от его лица; и тут бушмен кинул овчину прямо на хобот слону, а сам, легким прыжком отскочив в сторону, побежал в обратном направлении.

Ему, несомненно, удалось бы забежать слону в тыл и этим спастись, но слон подхватил овчину на хобот и размахнулся ею. Описав в воздухе широкий круг, она, точно назло, хлестнула Черныша по ногам, и маленький бушмен, как подкошенный, растянулся на земле среди поляны.

С присущим ему проворством Черныш тотчас же вскочил и кинулся в новом направлении. Но слон уже понял его уловку, оставил каросс и вдруг помчался за человеком.

Черныш не пробежал и пяти шагов, как длинный гнутый бивень очутился у него между ногами; секунда - и тело бушмена оторвалось от земли.

Ван Блоом и Гендрик, которые к этому времени как раз достигли края прогалины, увидели, как Черныш перекувыркнулся в воздухе, но, к их удивлению, он не упал обратно на землю. Уж не подхватил ли его слон опять на бивни и теперь придерживает хоботом? Нет. Охотникам была видна голова животного. Бушмена на бивнях не было, не было его и на спине у слона, не было нигде. Слон, казалось, и сам не менее, чем наблюдатели, был изумлен внезапным исчезновением своей жертвы. Громадный зверь искал глазами, словно недоумевая, куда ускользнул предмет его ярости.

Куда мог исчезнуть Черныш? Где он? Вдруг слон издал громкий рев, кинулся к дереву и, обхватив его хоботом, бешено затряс. Ван Блоом и Гендрик подняли глаза к вершине дерева, ожидая, что увидят Черныша в густой листве.

Там он, конечно, и оказался: он сидел среди веток, куда его забросил слон. Ужас был написан на лице бушмена, потому что и здесь он не чувствовал себя в безопасности. Но он не успел выдать криком свой страх. Еще мгновение, и дерево с треском рухнуло, увлекая Черныша на своих ветвях.

Вырванное хоботом дерево упало прямо на слона. Черныш, падая, даже скользнул по спине животного и сполз по покатоному заду к его ногам. Ветви ослабили падение, и бушмен ничуть не ушибся, но он сознавал, что теперь находится в полной власти беспощадного врага. Бегством не спастись. Он погиб!

И тут мгновенная мысль осенила его - какой-то инстинкт, пробужденный отчаянием. Вспрыгнув на заднюю ногу великана, он крепко обхватил ее руками, а свои босые ступни поставил на широкие копыта. На этой опоре он мог держаться, сколько бы животное ни двигалось.

Гигант, не имея возможности стряхнуть его или дотянуться до него хоботом, а сверх того, удивленный и напуганный этим невиданным способом нападения, издал пронзительный рев и, оттопырив хвост, задрав высоко хобот, ринулся прямо в джунгли.

Черныш держался на его ноге, пока слон не донес его благополучно до кустов, а там, улучив минуту, тихонько соскользнул наземь. Как только бушмен почувствовал под собою твердую землю, он вскочил на ноги и побежал во весь дух в обратную сторону.

Впрочем, он мог бы спокойно остаться на месте: слон был так испуган, что без оглядки ломился вперед сквозь заросли, корежа на своем пути сучья, сокрушая целые деревья. Четвероногий великан не остановился до тех пор, пока не убежал на много миль от места своего неприятного приключения.

Тем временем ван Блоом и Гендрик вновь зарядили ружья и двинулись на выручку бушмену. Но Черныш, так чудесно спасенный, уже мчался прямо к ним, как на крыльях.

Отец и сын, разгоревшись охотничьим пылом, предложили пуститься по свежему следу, но бушмен, не чувствуя влечения к "старому бродяге", с которым познакомился довольно близко, отказался наотрез. Без коней или собак, объявил он, слона не настичь, а так как у них нет ни тех, ни других, то продолжать преследование бесполезно.

Ван Блоом сознавал справедливость его слов и поэтому особенно жалел о потере своих коней. Слона легко догнать верхом на лошади, а собаки заставляют его перейти от бегства к обороне, но так же легко уходит он от пешего охотника, и раз уж он пустился наутек, преследовать его - напрасный труд.

Час был слишком поздний, чтобы разыскивать других слонов; с чувством разочарования охотники отказались от погони и направились обратно к лагерю.

Глава XXIX ПРОПАВШИЙ ОХОТНИК И ДИКИЕ БЫКИ

"Беда никогда не приходит одна", - говорит пословица. Приближаясь к лагерю, наши охотники увидели издали, что там как будто не все благополучно. Тотти с Яном и Трейи стояли наверху у самой лестницы, и по их движениям чувствовалось, что случилось что-то неладное. А где же Ганс?

Едва завидев охотников, Ян и Трейи быстро спустились на землю и кинулись им навстречу. Беспокойные искорки в детских глазах предвещали недобрую весть, а когда дети заговорили, опасения сразу же подтвердились.

Ганса не было - вот уже несколько часов, как он куда-то ушел, и дети боялись, что с ним что-то приключилось, боялись, что он заблудился.

- Но чего ради он ушел из дому? - спросил ван Блоом, удивленный и встревоженный новостью.

На этот вопрос и только на этот, дети могли дать ему ответ. В долину пришло на водопой множество странных животных - очень-очень странных, по словам детей. Ганс взял ружье и быстро побежал за ними, наказав Яну и Трейи оставаться на дереве и не слезать до его возвращения. Он уверял, что уходит ненадолго и что им нечего бояться.

Вот и все, что знали дети. Они не могли даже указать, в какую сторону отправился Ганс. Он пошел по нижнему краю озера, но вскоре скрылся из глаз за кустами, и больше они его не видали.

- В котором часу это было?

Было это много часов назад, совсем еще утром, вскоре после того, как старшие ушли на охоту. Ганс долго не возвращался, и тогда дети начали беспокоиться, но им пошло на ум, что старший брат встретился, верно, с папой и Гендриком и остался с ними охотиться и что поэтому его так долго нет.

- А не слышали дети выстрела?

Нет, они все время прислушивались, но выстрела не слышали. Животные скрылись, когда Ганс не успел еще зарядить ружье, и он, наверно, не скоро их догнал. Может быть, потому-то дети и не слышали, чтобы он стрелял.

- А что это были за животные?

О, пока звери пили, малыши отлично разглядели их. Им никогда раньше не доводилось видеть таких зверей. Это были крупные животные, желто-бурого цвета, с косматой гривой и длинным пучком волос на груди, свисающим между передними ногами. Ростом они были с пони, уверял Ян, и вообще очень похожи на пони. Они прыгали и скакали совсем как пони, когда разыграются. А Трейи сказала, что животные скорей похожи были на львов.

- На львов? - воскликнули разом ее отец и Гендрик, и голоса их выдали неподдельную тревогу.

Нет, в самом деле, животные показались ей похожими с виду на львов, повторила Трейи, и Тотти сказала то же самое.

- Сколько их было? Много?

Да, очень много, не меньше пятидесяти! Дети не могли их сосчитать, потому что животные были все время в движении: скакали с места на место и бодали друг дружку рогами.

- Ага! У них были рога? - подхватил ван Блоом и облегченно вздохнул.

- Да, конечно, рога были, - ответили дружно все трое.

Они видели у животных рога, острые рога, которые шли сперва вниз, а затем загибались кверху над самой мордой. А еще у них были гривы, утверждал Ян. Шея у них толстая, изогнутая, как у красивой лошадки, а на носу пучок волос, точно щеточка, тело круглое, как у пони, а сзади длинный белый хвост почти до земли, тоже как у пони, и такие же стройные ноги.

- Говорю вам, - продолжал настойчиво Ян, - что если бы не рога и не метелка волос на груди и на носу, я, наверно, принял бы их за пони. Они скакали совсем как пони, когда те разыграются: набегали друг на дружку, опустив голову, выгнув шею и потряхивая гривой, и даже фыркали совсем-совсем как пони; но иногда они принимались реветь прямо как быки,

и, признаться, спереди они сильно напоминали быков; кроме того, я заметил, что у них раздвоенное копыто, как у коров. Я хорошо разглядел их, покуда Ганс заряжал ружье. Они почти все время оставались у воды, а когда снялись, поскакали длинной цепью друг за дружкой: самый большой - впереди и еще один, тоже очень большой, позади всех.

- Дикие быки! - провозгласил Гендрик.

- Гну! - закричал Черныш.

- Да, очевидно, дикие быки, - сказал ван Блум. - Ян описал их довольно точно.

Догадка была вполне основательна. Ян правильно передал несколько очень характерных признаков гну, которого буры называют диким быком, этого самого необычайного, быть может, среди всех парнокопытных. Щеточка шерсти на носу, длинная метелка меж передних ног, рога, нависающие сперва над мордой и затем резко загибающиеся кверху, толстая, крутая шея, округлое, упругое, как у лошади, туловище, длинный белесый хвост и густая волнистая грива все это верно рисовало гну.

И даже Треи не сделала такой уж непростительной ошибки. Гну, в особенности старые самцы, бывают поразительно похожи на львов - настолько, что даже опытные охотники с трудом отличают их издали друг от друга.

Ян, однако, разглядел их лучше, чем сестренка, и будь они поближе, он мог бы заметить еще, что у животных красные горящие глаза, что мордой и рогами они несколько напоминают африканского буйвола и что ноги у них похожи на олени, тогда как в остальном они действительно походят на пони. Далее, он заметил бы, что самец крупнее самки и гуще окрашен. А если бы в стаде были телята, он увидел бы, что они еще светлее маток - что они белой или светлой масти.

Те гну, которых видели утром дети, принадлежали к самому обычному виду белохвостому гну, известному среди голландских колонистов под именем "диких быков". Готтентоты же называют их "гну" или "гну" - по гнусавому мычанию, которое они иногда выпускают и которое передается словом "гну-о-у".

Гну бродят большими стадами по диким южноафриканским степям. Это безобидное животное, пока его не ранят; но если ранить его, в особенности старого самца, то он становится чрезвычайно опасен и кидается на охотника, пуская в ход и рога и копыта. Гну может бегать очень быстро, но он почти никогда не скрывается от охотника, а кружит около него, держась на известном расстоянии, мечется по сторонам, грозно нагибает голову к земле, взбивает копытами пыль и ревет, как бык, а то и впрямь, как лев, потому что его рев напоминает львиное рычание.

Пока стадо пасется, старые самцы стоят на страже, защищая его с фронта и с тыла. А бежит стадо обычно вереницей, в одну линию, как описывал Ян.

Старые самцы держатся в тылу, между стадом и охотником; они скачут взад и вперед, бодая друг друга рогами, и нередко завязывают как будто серьезную драку. Однако стоит охотнику приблизиться, как быки тотчас прекращают ссору и пускаются вскачь, пока не уйдут от него. Нет ничего забавнее той причудливой игры, которой предаются эти животные, когда стадо пасется в степи.

В Южной Африке водится еще один вид антилопы из того же рода гну полосатый гну. Охотники и колонисты называют его синим диким быком: шкура у него имеет голубоватый отлив - отсюда это наименование "синий", а на боках слегка намечены штрихи или полосы, почему и называется он полосатым. Всею повадкой он очень похож на обыкновенного белохвостого гну, но тяжелее его и глупее, а с виду еще причудливей и нелепей. Полосатый гну достигает в высоту пяти футов, белохвостый - от силы четырех.

Эти породы гну резко обособлены и никогда не смешиваются в одно стадо, хотя каждую из них можно встретить в обществе других животных. Гну принадлежат к характерной фауне Африки и не встречаются на других материках.

До последнего времени их причисляли к семейству антилоп, хоть и трудно сказать, на каком основании. С антилопой у них гораздо меньше общих признаков, чем с тем же быком. Повседневные наблюдения охотников и пограничных буров привели к тому же заключению,

как свидетельствует название "дикий бык", которое дали они животному.

Гну издавна составляет излюбленную пищу пограничных фермеров и охотников. Его мясо вкусно, а мясо гну-теленка - настоящий деликатес. Из его шкуры выделяются всевозможные ремни и сбруя, а длинный шелковистый волос хвоста составляет особую статью торговли. Вокруг каждой пограничной фермы можно увидеть большую кучу рогов гну и горного скакуна - останки убитых на охоте животных.

Поохотиться на дикого быка - любимое развлечение молодого бура. Загонят их целым стадом в долину, где они оказываются как в мешке, а потом стреляют вволю. Иногда их заманивают в засаду, выставя красный носовой платок или просто красную тряпку, так как к этому цвету они питают сильнейшее отвращение. Их можно легко укротить и приручить, но фермеры делают это неохотно, опасаясь, что гну заразят остальной скот особенной кожной болезнью, которой подвержены и от которой они гибнут тысячами каждый год.

Не следует, однако, думать, что все вышеизложенное послужило ван Блоому и его спутникам предметом долгой беседы. Они слишком тревожились о судьбе пропавшего Ганса и не могли теперь думать ни о чем ином.

Но только они собрались отправиться на розыски, как у дальнего края озера показалась фигура нашего молодого охотника: юноша шел очень медленно, сгибаясь под тяжестью какого-то большого и грузного предмета, который он тащил, вскинув на плечи.

Поднялся дружный хор радостных возгласов, и через несколько минут Ганс стоял среди своих.

Глава XXX

АФРИКАНСКИЙ МУРАВЬЕД

На Ганса посыпался град вопросов.

- Где был? Почему так поздно? Что с тобой случилось? Ты жив и здоров? Не ранен, надеюсь? - спрашивали его все наперебой.

- Здоров, как бык, - сказал Ганс. - Остальное расскажу, когда Черныш снимет шкуру с этого аард-варка, а Тотти сварит нам на ужин кусок его мяса. Сейчас я слишком голоден, так что прошу меня извинить.

С этими словами Ганс скинул с плеч тушу какого-то зверя величиной с овцу и покрытого длинной красно-бурой щетиной. Большой хвост, толстый у основания, утончался к концу, как морковь. Рыло животного было длинное, чуть ли не в целый фут, но тонкое и голое, рот очень маленький; прямые уши, похожие на рога, стояли торчком; туловище низкое и сплюснутое, ноги короткие, мускулистые, когти же непомерно длинные, особенно на передних лапах, где они не выступали наружу, а загибались внутрь, как зажатые кулаки или как пальцы на руках у обезьяны. В общем, у зверя, которого Ганс назвал аард-варком и предлагал сварить на ужин, был престранный вид.

- Хорошо, мой мальчик, - ответил ван Блом, - мы охотно тебя извиним, тем более что все мы, полагая, проголодались почти так же, как ты. Но я думаю, аард-варка лучше оставить на завтрашний обед. Тут у нас есть пара хороших петухов, и Тотти управится с одним из них быстрее, чем с твоей добычей.

- Пусть так, - согласился Ганс, - мне все равно. Я сейчас мог бы съесть что угодно, хоть бифштекс из старой квагги, но все же, я думаю, хорошо бы Чернышу - если ты только не очень устал, дружище, - теперь же снять шкуру с этого господина. - Ганс указал на аард-варка. - И надо бы его освежевать, чтобы он не испортился, - продолжал молодой охотник. - Ты-то уж, верно, знаешь, Черныш, что он очень вкусен, просто объедение, так что было бы обидно дать ему протухнуть. Не каждый день удается подстрелить такого зверя.

- Правильно вы говорите, минхер Ганс, Черныш все это знает. Сейчас мы с него шкуру долой - и гоуп готов.

С этими словами Черныш вынул нож и стал свежевать тушу. Странное животное, которое Ганс называл аард-варком, а бушмен - гоупом, было не чем иным, как африканским

муравьедом, правильное название которого - трубказуб.

Хотя колонисты дали ему имя "аард-варк", что значит по-голландски "земляной поросенок", муравьед имеет очень мало общего со свиньей. Правда, мордой он похож немного на кабана. За это сходство, а также за щетину да еще за обычай копать рылом землю и дали ему, конечно, его ошибочное наименование. Эпитет "земляной" прибавлен на том основании, что трубказуб прекрасно роет норы - он, надо сказать, один из лучших "землекопов" в мире. Он прокладывает путь под землей так быстро, что за ним не поспела бы лопата, быстрее, чем барсук. Размером, повадкой и устройством многих частей тела он поразительно похож на своего южноамериканского сородича - тамандуа, который получил такую большую известность, что почти единовластно завладел званием муравьеда. Но земляной поросенок такой же полноправный муравьед, как и тамандуа: он так же может "взорвать" крепостенный дом термитов, может набрать их на длинный липкий язык и проглотить столько же, сколько любой муравьед долины Амазонки. Вдобавок у него такой же хвост морковью, как у тамандуа, точно такое же вытянутое рыло, такой же маленький рот, длинный и гибкий язык. Когти у него мало уступают когтям американского муравьеда, и ходит он так же неуклюже, ставя боком передние лапы, пальцами внутрь.

Почему же, спрошу я, мы так много слышим разговоров о тамандуа и ни слова о земляном поросенке? Все музеи и зверинцы похваляются наперебой, что обзавелись "настоящим" американским муравьедом, но ни один не спешит признаться, что имеет африканского трубказуба. Откуда такое несправедливое различие? В этом, я сказал бы, виноват знаменитый Барнум. Аард-варк, видите ли, голландец, капский бур, мужик, а бура в наши дни шпыняют со всех сторон. Вот почему зоологи и содержатели зверинцев так обидно пренебрегают моим толстохвостым уродцем. Но пора положить этому конец; я встаю на защиту аард-варка, и, хотя тамандуа специально именуется пожирателем муравьев, утверждаю, что земляной поросенок такой же муравьед, как и тамандуа. Он может прорыть ход сквозь такой же большой термитник, и даже сквозь больший, до двадцати футов высотой, "выбрасывает" такой же длинный и липкий язык в двадцать дюймов длиною, орудует им так же проворно и слизывает столько же термитов, сколько любой тамандуа. И как же он может разжиреть и сделаться очень грузным, а главное - скажем к его чести, - он может обеспечить вам самое вкусное жаркое, если вы его убьете и не побрезгаете отведать его мяса. Правда, оно слегка отдает муравьиной кислотой, но этот привкус как раз и ценят в нем гурманы. А если случится вам завести речь о ветчине, послушайте нашего совета: отведайте окорок земляного поросенка! Приготовьте его по всем правилам да скушайте ломтик, и больше вы никогда не станете расхваливать испанскую или вестфальскую ветчину!

Гансу доводилось лакомиться таким окороком. Чернышу тоже, так что бушмен отнюдь не вопреки желанию, а, можно сказать, с охотой стал разделять тушу гоупа.

Черныш знал, какой ценный кусок держал он в руках, ценный не только своим качеством, но и потому, что он редко встречается. Хотя трубказуб довольно обычное животное в Южной Африке, а в некоторых областях ее он водится даже в большом числе, все же охотнику не каждый день удастся наложить на него руку. Захватить этого зверя очень трудно, хотя убить довольно просто: ударить по рылу - и он готов! Пугливый и осмотрительный, он редко выходит из своей норы, да и то лишь ночью, и даже в темноте он крадется так тихо и осторожно, что никакой враг не подберется к нему незамеченным. Глаза у него очень маленькие и, подобно большинству ночных животных, он видит плохо, но два других чувства - слух и обоняние - развиты у муравьеда до редкой остроты. Его стоячие длинные уши улавливают каждый звук, каждый шорох.

Аард-варк - не единственное животное в Африке, поедающее термитов. Водится там еще один четвероногий любитель этих насекомых, но внешне он сильно отличается от трубказуба. Животное это совсем лишено шерсти, зато его тело сплошь покрыто настоящим чешуйчатым панцирем, каждая чешуйка величиною с полкроны. Чешуйки слегка находят одна на другую, и животное может, когда хочет, поставить их торчком. Внешним видом оно

скорее похоже на большую ящерицу или на маленького крокодила, чем на млекопитающее, но его обычаи в точности те же, что у земляного поросенка. Живет оно под землей, разрывает ночью термитники, выбрасывает длинный и липкий язык, набирает на него насекомых и с жадностью их пожирает.

Если напасть на него неожиданно и вдалеке от его подземного убежища, оно свернется, как еж или как некая разновидность южноамериканского броненосца, с которым придает ему известное сходство его чешуйчатый панцирь.

Этот истребитель термитов именуется панголином или ящером, но известно несколько видов панголина помимо африканского. Некоторые виды его встречаются в Южной Азии и на островах Малайского архипелага. Тот же, что водится в Южной Африке, зовется у зоологов "длиннохвостым ящером".

Тотти вскоре подала жаркое из "павлина" - вернее говоря, наспех поджаренную на вертеле дрофу. Хотя птица и не была приготовлена по всем правилам искусства, она оказалась достаточно хороша для тех желудков, для которых предназначалась. Наши охотники были слишком голодны, чтобы привередничать, и съели обед, не подвергнув его критике.

Теперь Ганс приступил наконец к рассказу о своем приключении.

Глава XXXI

ГАНС ПРЕСЛЕДУЕТ ГНУ

- Так вот, - начал Ганс, - прошло не больше часа после вашего ухода, как у водополя показалось стадо диких быков. Шли они гуськом, но у самого берега нарушили порядок, и не успел я подумать, что неплохо бы пострелять их, как они уже плескались в воде.

Понятно, я знал это животное - и знал, что это добрая дичь, но я так засмотрелся на их потешную возню, что и думать забыл о ружье, пока стадо не наполнило вдосталь. Тогда только я вспомнил, что мы живем вяленой слониной и не вредно было бы внести некоторое разнообразие в нашу еду. К тому же я заметил в стаде нескольких телят, которых я различил по их малому росту и более светлой окраске. Из их мяса, как я знал, получается превосходное блюдо, и я решил, что сегодня оно будет у нас на обед.

Я побежал наверх за ружьем. Тут только я понял, что сглупил, не зарядив его заблаговременно, когда вы собирались на охоту. Мне тогда не пришло на ум, что возможна всякая случайность, и, конечно, это было очень неразумно: как знать, что может произойти в любой час, в любую минуту!

Я очень торопился, когда заряжал ружье, так как видел, что дикие быки уже выходят из воды, и, кое-как забив пулю, бросился вниз по лестнице. Но на последней ступеньке я спохватился, что не взял ни пороховницы, ни патронташа. Возвращаться за ними было поздно: уже последний бык поскакал прочь, и я боялся прозевать их вовсе. Впрочем, я не собирался преследовать их на далекое расстояние. Я рассчитывал сделать по ним только один выстрел, а для него довольно было и той пули, что я забил в ружье.

Я поспешил за стадом, держась по мере возможности под прикрытием кустов, но через некоторое время я убедился, что такая предосторожность ни к чему. Гну несколько не робели. А старые самцы - те и вовсе не знали страха, они преспокойно скакали и резвились в каких-нибудь ста ярдах, а иногда подпускали меня и ближе. Было ясно, что за ними никогда не охотился человек.

Раз-другой я приближался на выстрел к двум старым быкам, несшим, как видно, стражу в арьергарде. Но я не собирался убивать старых гну - я знал, что их мясо жестко.

Мне хотелось достать к обеду что-нибудь понежнее. И я решил приберечь пулю для телки или для молодого бычка, у которого еще не загнулись рога. Таких я видел в стаде несколько штук.

Как ни смиренны были животные, мне никак не удавалось подобраться на выстрел к какому-нибудь из молоденьких. Старые быки, возглавлявшие стадо, все время уводили их

слишком далеко; а те два, что прикрывали тыл, казалось, угоняли их вперед при моем приближении.

И вот таким манером они завели меня на милую с лишним. Увлечшись погоней, я не думал о том, что опрометчиво так удаляться от лагеря. Я думал только о дичи и, все еще надеясь использовать с толком свой заряд, шел дальше и дальше.

Наконец погоня вывела меня на открытое место. Кустов здесь больше не было, но и тут нашлось прекрасное прикрытие - термитники. Рассеянные по всей равнине, они стояли, точно большие палатки, на равном расстоянии друг от друга. Термитники были огромные - иные из них в двенадцать с лишним футов высоты - и по виду несколько отличались от обычного куполообразного холмика, распространенного повсюду. Они построены были в виде больших конусов или закругленных пирамид, у основания которых лепились во множестве, словно башенки, конусы поменьше. Я узнал жилище одного из видов термитов, известного энтомологам под именем "воинственного термита".

Были там и другие термитники, в форме цилиндра с закругленной вершиной, невысокие - всего около ярда высотой; вид у них был такой, точно взяли рулон небеленого холста, поставили стоймя, а сверху прикрыли перевернутой миской. Такие термитники принадлежат совсем иному виду термитов, именуемому у энтомологов "кусающийся термит"; впрочем, гнезда того же образца строит еще один вид термитов.

Не подумайте, что я останавливался поглядеть на эти любопытные сооружения. Я упоминаю о них сейчас только для того, чтобы дать вам представление о местности, иначе вам непонятно будет дальнейшее.

Итак, равнина вся была усеяна конусообразными и цилиндрическими термитниками. Либо тот, либо другой попадался через каждые двести ярдов, и я вообразил, что под их прикрытием легко подберусь на расстояние выстрела к молоденькому гну.

Я пошел в обход, чтобы напасть на стадо спереди, и притаился за большим конусовидным холмом, близ которого пощипывала траву значительная часть стада. Но, заглянув в просвет между двумя башенками, я увидел, к своему огорчению, что маток с телятами уже угнали, они вне пределов досягаемости, а между мной и стадом скачут по-прежнему два старых быка.

Я повторил попытку и засел за другим высоким конусом, возле которого паслись животные. Когда я выпрямился, чтобы стрелять, меня опять постигло разочарование. Стадо снова снялось, и два быка по-прежнему охраняли тыл.

Мне это начало надоедать. Поведение быков раздражало меня до крайности, и мне чудилось, что они это знают. Они производили самые странные маневры, и казалось - с нарочитой целью раздражить меня. Временами быки, грозно нагнув голову, подходили ко мне почти вплотную, и, должен признаться, глядя на их косматые темные груди, на острые рога и красные горящие глаза, я чувствовал себя не совсем уютно в этом соседстве.

В конце концов они меня до того разозлили, что я решил положить конец такому издевательству. Что ж, если они не дают мне подстрелить никого другого, подумал я, им это даром не пройдет, они сами поплатятся за свою дерзость и упрямство. По крайней мере один из них познакомится с моей пулей!

Только я поднял ружье, как увидел, что они опять стали в позу для новой драки. Они это делают так: опускаются на колени и скользят вперед, покуда не столкнутся лбами; тогда они вскакивают и неожиданно делают прыжок вперед, стараясь каждый первым наскочить на противника и затоптать его копытами. Если не удалось, оба проскачут дальше, пока не разойдутся на несколько ярдов, потом опять оборачиваются, опять подгибают колени и снова сближаются.

До сих пор эти драки казались мне просто игрой; я полагаю, так оно обычно и бывает. Но на этот раз быки, по-видимому, подрались всерьез. Громкий треск, с которым сшибались их крепкие лбы, их свирепое фыркание и мычание, а главное, их злобная повадка - все убеждало меня, что они поссорились не на шутку.

Наконец один оказался опрокинутым несколько раз подряд. И каждый раз, едва

успевал он стать на ноги, противник кидался на него и снова валил наземь.

Видя, что они поглощены дракой, я надумал, воспользовавшись этим, подойти поближе и выстрелить. Я выступил из-за термитника и подошел к дерущимся. Быки не заметили моего приближения - один увертывался от жестоких ударов, другой рьяно их наносил.

В двадцати шагах я поднял ружье и прицелился. Жертвой я наметил победителя, отчасти в наказание за жестокость, с какою бил он поверженного противника, но больше, пожалуй, потому, что он стоял ко мне боком и представлял удобную мишень.

Я выстрелил.

Дым на минуту скрыл обоих. Когда он рассеялся, я увидел, что побежденный все еще находится в коленопреклоненной позе, а тот, в которого я метил, к великому моему удивлению, стоит по-прежнему на ногах и, очевидно, цел и невредим. Я не сомневался, что заряд попал в него, но было ясно, что пуля не причинила ему значительного вреда.

Нельзя было тратить время на догадки о том, куда я ранил быка. Терять нельзя было ни секунды. Когда рассеялся дым, быки, вы думаете, пустились наутек? Ничуть не бывало! Тот, в которого я целился, тотчас задрал хвост, низко пригнул свою косматую голову и помчался прямо на меня. Глаза его горели злобой, а рев устрасил бы и более смелого человека.

В первую минуту я не знал, что делать. Я думал стать в оборонительную позицию и бессознательно перевернул свое ружье - теперь уже не заряженное, - собираясь орудовать им, как дубинкой. Но я тотчас понял, что мой слабый удар не остановит такого сильного и свирепого животного; бык, несомненно, забодает меня.

Я повел вокруг глазами, высматривая, нельзя ли спастись бегством. К счастью, мой взгляд упал на термитник - тот самый, за которым я только что сидел в засаде. Я сразу сообразил, что, если мне влезть на него, бык до меня не доберется. Но добегу ли я до термитника или враг настигнет меня на полпути?

Я бежал, как испуганная лиса. Ты, Гендрик, при обычных обстоятельствах побиваешь меня в беге. Но я думаю, что и ты не домчался бы до термитника быстрее моего.

Еще секунда - и было бы поздно. Только я ухватился за башенки и вспрыгнул наверх, как услышал за спиной топот копыт, и мне почудилось даже, что я ощутил на пятках горячее дыхание зверя. Однако я благополучно влез на вершину термитника и тут обернулся и глянул вниз, на гнавшегося за мной быка. Я сразу понял, что он не может следовать за мною дальше. Как ни остры были его рога, теперь они для меня были неопасны.

Глава XXXII В ОСАДЕ

- Я поздравил себя с благополучным избавлением, - продолжал Ганс, выдержав некоторую паузу, - так как не сомневался, что, не будь термитника, бык растоптал и растерзал бы меня насмерть. Он был из самых крупных и свирепых и очень старый, как я мог судить по основанию его толстых черных рогов, почти сходящихся над лбом, и по темной его шерсти. У меня было достаточно времени, чтобы разглядеть его по всем статьям. Я чувствовал себя в полной безопасности - гну ко мне не подберется, и, сидя на вершине центрального конуса, с полным хладнокровием следил за движениями врага.

Правда, бык делал все, чтобы выбить меня из моей позиции. Снова и снова кидался он на холм, и несколько раз ему удавалось удержаться какое-то время на вершине одной из нижних башенок, но главный конус был для него слишком крут. Неудивительно - я и сам с трудом залез на него. Иногда в своих отчаянных попытках гну подсказывал ко мне так близко, что я мог бы достать стволом ружья до его рогов. И я готовился нанести ему удар при удобном случае. Я никогда не видывал, чтобы какая-нибудь тварь проявляла столько злобы. Дело в том, что моя пуля поранила его - попала ему в челюсть, и из раны обильно струилась кровь. Боль бесила быка, но ярость его вызвана была не только ею, как я уяснил себе вскоре.

После нескольких безуспешных попыток влезть на конус гну изменил свою тактику и

начал бить рогами в термитник, как будто желая его сокрушить; отступит немного назад и опять со всей силой ринется на него. И, по правде говоря, временами казалось, что бык в конце концов добьется своего.

Некоторые из малых конусов были уже опрокинуты его мощным натиском; твердая глина подалась под ударами острых рогов, которыми он пользовался, как киркой, только не так повернутой. Я видел, что в нескольких местах он расковырял камеры насекомых или, вернее, коридорчики и галереи во внешней коре холма.

При всем том я не испытывал страха. Я был уверен, что гну скоро успокоится и уйдет и я тогда спущусь, не подвергаясь опасности. Но, понаблюдав за ним подольше, я был немало удивлен, увидав, что ярость его не только не слабеет, но, напротив, возрастает. Я вынул из кармана платок и держал его в руках, то и дело отирая пот с лица. На термитнике было жарко, как в печке. В воздухе ни ветерка, а солнце палило нещадно, да еще лучи отражались от белой глины, так что пот лил с меня в три ручья. Он мне заливал глаза, и я должен был поминутно вытирать их.

Так вот, перед тем как провести платком по лицу, я каждый раз встряхивал его; и каждый раз, как я это делал, я замечал, что мой бык кидается на приступ с удвоенным рвением. В такие минуты он переставал раскапывать рогами термитник, делал новую попытку добраться до меня и с ревом бросался на крутую стену.

Я был смущен и озадачен. Почему, едва я оботру лицо, дикий бык опять приходит в ярость? Сомневаться между тем не приходилось: стоило мне поднять руку, как им, по-видимому, овладевал новый порыв бешенства.

Дело наконец объяснилось. Я увидел, что бесит его не то, что я оттираю пот, - он приходил в неистовство оттого, что я взмахиваю платком. Платок у меня, как вы знаете, ярко-алого цвета. Я об этом вспомнил и только тут сообразил, что все красное, как мне доводилось слышать, сильнейшим образом действует на гну и возбуждает в нем раздражение, граничащее с бешенством.

Мне не хотелось поддерживать в нем этот воинственный пыл. Я скомкал платок и засунул в карман, предпочитая обливаться потом, чем оставаться на термитнике лишний час. Я надеялся, что, когда я спрячу красную тряпку, мой бык вскоре успокоится и уйдет.

Но когда ты вызвал черта, не так-то просто с ним сладить. Бык не успокаивался. Наоборот, он по-прежнему насакивал, тыкал рогами и ревел так же злобно, как раньше, хотя перед его глазами не было больше ничего красного.

Мне это надоело до смерти. Я никогда не представлял себе, что гну так неутомим в своей ярости. Бык, несомненно, чувствовал свою рану. Временами он словно жаловался. И, казалось, он отлично понимал, что это я причинил ему боль.

Он, видимо, решил, что не даст мне уйти от возмездия. Ни единым признаком не выдавал он намерения удалиться, а рога и копыта его работали вовсю, как будто он надеялся разнести подо мной термитник.

Мне становилось сильно не по себе. Хотя я нисколько не опасался, что бык возьмет приступом мое убежище, меня смущала мысль, что я так долго не возвращаюсь домой. Мне не следовало покидать лагерь. Я думал о сестренке и братце. Там могла стрястись какая-нибудь беда. Меня сильно удручала эта мысль, а за себя я до сих пор почти не тревожился. Я еще не терял надежды, что быку надоест и он уйдет, а я тогда быстренько побегу домой.

Да, до сих пор мне не пришлось испытать серьезный страх за свою собственную персону, если не считать тех нескольких мгновений, пока бык гнался за мной до термитника, но тогда испуг быстро прошел.

Теперь, однако, явился новый предмет ужаса - новый враг, не менее грозный, чем разъяренный бык, враг, в страхе перед которым я в первую минуту чуть не прыгнул вниз, прямо быку на рога!

Я упоминал, что гну своротил несколько малых башенок - наружные укрепления термитника - и раскрыл пустые желобки внутри них. В главный купол он не проник, развалив только извилистые галереи и коридорчики, проложенные в его наружных стенах.

И вот я вижу, что из каждой новой трещины выползают тучи термитов. Еще когда я впервые приблизился к термитнику, я обратил внимание на множество насекомых, сновавших во всех направлениях по его склонам, и сильно удивился: я помнил, что термиты, когда им надо выйти из термитника или войти в него, пользуются обычно подземными ходами. Это я тогда заметил совершенно безотчетно, так как слишком был поглощен своей непосредственной задачей и не мог помышлять ни о чем постороннем. А последние полчаса я наблюдал за маневрами осаждавшего меня быка и не сводил с него глаз ни на минуту.

Но что-то копошившееся прямо подо мной привлекло наконец мое внимание, и я глянул вниз, любопытствуя, что бы это могло быть. При первом же взгляде я невольно вскочил на ноги и, как уже говорил, чуть не спрыгнул прямо быку на рога.

Мой конус весь кишел тучами рассерженных термитов; они заползали все выше и выше и уже лепились гроздьями возле моих башмаков. Каждая пробоина, сделанная рогами быка, извергала несчетное множество злых насекомых, и, казалось, все они устремились ко мне! Как ни малы эти твари, мне чудилось в их движениях определенное намерение. Всеми ими владело, казалось, одно стремление, один импульс - напасть на меня. Тут не могло быть ошибки, их намерение было очевидно. Они двигались дружной массой, как будто руководимые сознательными жожаками, и неуклонно приближались к тому месту, где я стоял.

Я видел также, что это были воины. Воина отличает от работника более крупная голова с длинными челюстями. Я знал, что они кусаются злобно и больно. Меня охватила дрожь. Признаться, я отроду не испытывал подобного ужаса. Недавняя встреча со львом была ничто по сравнению с этим.

Первой моей мыслью было, что термиты меня загрызут. Мне доводилось слышать о подобных случаях. Эти воспоминания нахлынули на меня, наполнив уверенностью, что, если я не найду способа поскорей сойти с этого места, термиты искусают меня до полусмерти и съедят живьем.

Глава XXXIII БЕСПОМОЩНЫЙ ЗВЕРЬ

- Что было делать? Как мог я избежать двух врагов сразу? Если спрыгнуть, дикий бык убьет меня наверняка. Он все еще стоял внизу, не сводя с меня ни на миг свирепых глаз. Если остаться на месте, меня всего покроет скоро отвратительная кишачная масса насекомых и сожрет дочиства.

Я уже чувствовал их страшные челюсти. Тех, что первые всползли на мои башмаки, мне удалось смести, но некоторые успели добраться до щиколоток и теперь кусали меня сквозь толстые шерстяные носки. Одежда, я знал, не послужит мне защитой.

Я вскарабкался выше по конусу и стоял уже на самой его вершине. Она была настолько остра, что я и так едва удерживал равновесие, а между тем от болезненных укусов насекомых я еще приплясывал с ноги на ногу, точно скоморох.

Но что значили эти укусы по сравнению с тем, что меня ожидало вскорости, когда несметные полчища термитов вонзят в меня свои челюсти! Вот они взбираются уже на последнюю террасу... Скоро они покроют вершину конуса, на которой я стою. Поползут мириадами по моим ногам... начнут меня...

Мне страшно было даже представить себе, что сделают со мной термиты. Бык показался мне в ту минуту все-таки менее ужасным. Лучше прыгнуть вниз! Может быть, вызовет меня какой-нибудь счастливый случай! Буду отбиваться от гну прикладом ружья. Может быть, удастся добраться до другого термитника... Может быть...

Я уже действительно приготовился к прыжку, когда новая мысль осенила меня; удивительно даже, как это я сразу не догадался. Что мешало мне держать термитов на подобающем расстоянии? У них ведь нет крыльев. Термиты не могут взлететь на меня. Они только могут ползти вверх по конусу. Я же могу сметать их вниз своею курткой! Конечно,

могу! Как это я раньше не подумал?

Скинуть куртку было делом одного мгновения. Беспольное ружье я отбросил в сторону, оно скатилось на нижнюю террасу. Держа куртку за воротник и пользуясь ею, как пыльной тряпкой, я в несколько секунд очистил склоны конуса; термиты тысячами скатывались вниз.

Я даже присвистнул: как это просто! Что бы мне сразу догадаться? Одно легкое движение - и мириады врагов сметены; прилагая самые небольшие усилия, я хоть до ночи буду держать муравьев на расстоянии.

Правда, те, что успели заползти мне под брюки, еще напоминали о себе укусами, но и от них я мог теперь избавиться, улучив время.

Итак, я остался на вершине, теперь уже в склоненном положении - отбивая термитов-воинов, которые все еще толпами устремлялись вверх, а в минуты передышки стараясь освободиться от тех, что ползали по мне. Насекомые теперь не смущали меня своей численностью, зато гну по-прежнему подстерегал внизу. Впрочем, теперь мне казалось, что он начинает проявлять признаки утомления и скоро снимет осаду; эта перспектива поддерживала во мне бодрость.

Но тут снова произошло нечто неожиданное. Снова пришлось мне узнать, что такое страх.

Приплясывая на вершине термитника, я вдруг почувствовал, что она подается у меня под ногами. Мгновение - свод надломился с оглушительным треском, и я провалился сквозь крышу. Мои ноги болтались теперь в пустом пространстве под куполом - я подумал, что потревожил, верно, самое "великую царицу" в ее покоях, - и вот уже я стою, засыпанный по шею.

Я был удивлен, да и напуган изрядно, но не моим внезапным падением - в нем не было ничего неестественного и я быстро оправился бы, - меня смутило другое: когда ноги мои коснулись, как мне показалось, почвы, под ними что-то задвигалось, всколыхнулось и затем быстро выскользнуло из-под них, предоставив мне лететь дальше в глубину.

Что бы это могло быть? Уж не пролетел ли я сквозь кишашую массу живых термитов? Нет, вряд ли. Судя по ощущению, это были не они. Мои ноги встретили на пути нечто цельное и сильное - ведь когда я навалился на это "нечто" всем весом, оно продержало меня на себе две - три секунды, перед тем как исчезнуть.

Что бы это ни было, я здорово перетрусил. Я и пяти секунд не продержал ноги в яме. Нет. Самая жаркая печь не успела бы опалить их - так быстро я выдернул их из провала. Пять секунд - и ноги мои снова были на стене, куда я поспешил выбраться и где стоял теперь, онемев от изумления.

Что дальше? Я больше не мог отбиваться от термитов. Я заглянул в черную дыру, зиявшую подо мною: термиты густыми тучами надвигались оттуда. Их теперь не стряхнешь!

В эту минуту мои глаза случайно остановились на быке. Мой враг стоял в трех-четырех шагах от термитника. Стоял боком, вполоборота к конусу, и уставился диким взглядом в его основание. Вся поза его совершенно изменилась, как и выражение глаз. Вид у него был такой, как будто он только что отскочил на свою новую позицию и готовился еще отбежать. Бык, видно, тоже чего-то сильно испугался.

Так оно и было: еще через мгновение он громко взревел и бросился прочь. На скаку он обернулся, остановился и замер на месте, опять уставившись на термитник.

Что бы это значило? Уж не смутили ли его провал крыши и мое внезапное исчезновение?

Так я сперва и подумал, но вскоре заметил, что гну не смотрит на вершину. Взгляд его был прикован к какому-то предмету у основания конуса, хотя, глядя сверху, я не видел ничего такого, что могло бы его напугать.

Не успел я остановиться на какой-либо догадке, как гну опять взревел и, высоко задрвав хвост, пустился во весь опор по степи.

Обрадованный этим зрелищем, я не стал раздумывать долго о том, что избавило меня

от его общества. Наверно, решил я, гну испугался моего странного падения. Впрочем, не все ли равно, почему мой противник обратился в бегство! Подобрал ружье, я приготовился спуститься со своей позиции, которая мне порядком надоела.

Сойдя до половины склона, я глянул нечаянно вниз и тут понял, что повергло в ужас старого быка. Да что тут было удивительного? Всякий испугался бы при виде этакой твари! Из отверстия в глиняной стене торчала длинная голая морда с цилиндрическим рылом и парой ушей, тоже очень длинных; уши эти стояли стоймя, как рога у горного козла, придавая их обладателю дикий и страшный вид. Я и сам, наверно, струсил бы, если б не был знаком с этим животным; я сразу узнал в нем самое безобидное создание в мире - земляного поросенка.

Не проронив ни слова, стараясь не шуметь, я перевернул ружье и, низко наклонившись, стукнул прикладом по высунутому рылу. Удар был самый зловредный, и, учитывая, какую услугу оказал мне только что аард-варк, прогнав назойливого гну, я, следует признаться, поступил крайне неблагоприятно. Но в ту минуту я не владел своими чувствами. Я не раздумывал. Мне помнилось только, что у земляного поросенка вкусное мясо.

Бедный аард-варк! Удар сделал свое дело. Слегка лишь дернув ухом, муравьед упал мертвым в яму, которую сам же прорыл своими когтями.

Однако на этом мои приключения не завершились. Они, казалось, никак не хотели прийти к концу. Я взвалил тушу на плечи и уже собрался двинуться в обратный путь, когда заметил, к своему удивлению, что старый гну, не тот, что держал меня в осаде, а его недавний противник, все еще лежит среди поля, на том самом месте, где я видел его в последний раз. Мало того: я заметил, что он сохранял свое странное положение - не то лежал, не то стоял на коленях, пригнув голову к земле.

Но нелепее всего были его движения. Я подумал, что он сильно ранен в драке и не может бежать.

Сперва я боялся приблизиться к нему, помня, с каким трудом унес ноги от его сородича, и решил идти своей дорогой. Хоть и раненый, он мог оказаться достаточно сильным и напасть на меня, а мое незаряженное ружье, как я уже в том убедился, представляло сомнительную защиту.

Подойти или нет? Я колебался. Однако, наблюдая странные движения гну, я все больше поддавался любопытству и вот наконец приблизился к нему и остановился, не доходя двенадцати ярдов.

Как же я удивился, когда открыл причину его несуразных движений! Бык не получил никакого ранения, ни даже царапины, и тем не менее он был совершенным калекой, как если бы лишился пары ног.

Беспомощным сделало его самое глупое обстоятельство. В борьбе с другим быком одна из его передних ног каким-то образом перекинулась через рог и там застряла, не только лишив его возможности пользоваться этой ногой, но вдобавок так прижав ему голову к земле, что он нипочем не мог сдвинуться с места.

Первой моей мыслью было помочь быку в его беде и вернуть ему способность движения. Потом мне вспомнился рассказ про пахаря и замерзшую змею, и я отказался от такого намерения.

Второй мыслью было убить его. Однако мне вряд ли удалось бы прикончить его своим незаряженным ружьем. К тому же мне едва было под силу дотащить до дому аард-варка, а я знал, что шакалы съедят убитого гну, прежде чем мы успеем вернуться за ним. Я решил, что, пожалуй, вернее оставить его в таком положении: маленькие трусливые хищники, видя, что он еще жив, не осмелятся к нему подойти.

И я его оставил, как он был, "с головой под мышкой", в надежде, что мы еще и завтра найдем его там.

Так закончил Ганс рассказ о своих приключениях.

СПАЛЬНЯ СЛОНА

Ван Блум был далеко не удовлетворен тем, что сделал за день. Первый опыт охоты на слона оказался неудачным. Что, если так пойдет и дальше?

При всем интересе к рассказу Ганса он слушал сына с чувством неловкости, вспоминая собственную неудачу. Слон так легко ушел от охотников! Пули их, по-видимому, не причинили ему никакого вреда. Они только разъярили его, пробудили в нем опасного врага. Обе попали в такое место, где рана должна быть смертельна, и все же не произвели ожидаемого действия. Слон ушел как ни в чем не бывало, точно стреляли по нему не пулями, а горохом. Неужели так будет всегда?

Правда, охотники дали по слону только два выстрела. При хорошем прицеле двумя пулями можно уложить слониху, а иногда и самца, но требуется не две, а двадцать пуль, чтобы крупный, старый слон "глотнул земли". Только станет ли слон ждать, пока его преследователь столько раз перезарядит ружье? Нет, не станет. Слон в таких случаях мчится, не останавливаясь, много миль, и только верхом на коне человек может его догнать.

Как вздыхал ван Блум, вспоминая о бедных своих лошадях! Никогда еще он так не жалел о них, не чувствовал так остро их утрату.

Но он слышал, будто слоны не всегда убегают при нападении. Да ведь и вчерашний "старый бродяга" не проявил готовности к отступлению, получив первую пулю. Только неожиданная выходка Черныша обратила его в бегство. Случись иначе, он вряд ли оставил бы поле сражения раньше, чем охотники всадили бы в него новую пулю, быть может, смертельную.

Эта мысль несколько утешила ван Блоома. Возможно, что следующая встреча кончится иначе. Возможно, в награду за труды он получит пару бивней. Надежда на такой исход, да и охотничье рвение побудили ван Блоома, не теряя времени, предпринять новую попытку. И вот на другое утро, еще до восхода солнца, охотники снова отправились выслеживать свою исполинскую дичь.

Они, правда, приняли свои меры - сделали кое-что, о чем не подумали раньше. Всем им случалось слышать, что обыкновенная свинцовая пуля не может пробить плотную кожу огромного толстокожего. Не в этом ли причина вчерашней их неудачи? Если так, им не придется потерпеть неудачу вторично. Они отлили новую партию пуль, из более твердого материала. Нужно было сделать сплав, но у них не было олова на привар. Зато ту же службу с успехом могло сослужить им старое "серебро", украшавшее стол ван Блоома в более счастливые времена, в Грааф-Рейнете. Это были подсвечники, подносы, колпаки для блюд, судки и прочие вещи - все из так называемого голландского металла, то есть сплава меди с цинком.

Кое-что из этой утвари пошло в тигель, и с добавлением обыкновенного свинца получился сплав, из которого отлили пули, достаточно твердые даже для кожи носорога. На этот раз охотники не опасались потерпеть неудачу из-за слишком мягких пуль.

Они пошли в том же направлении, что и накануне, то есть лесом, или, как они говорили, кустами. Не сделали они и мили, как напали на довольно свежий след слона. Он вел через самую чащу тернистых зарослей, где ни одно существо, кроме слона, носорога или вооруженного топором человека, не проложит пути. Там прошла, по-видимому, целая семья, состоявшая из слона-отца, одной или двух слоних и нескольких слонят различного возраста. Шли они, по слоновьему обыкновению, вереницей и проломили настоящую просеку в несколько метров ширины, совершенно свободную от кустов и хорошо утрамбованную их большими ногами. Старый самец, объявил Черныш, шел впереди и хоботом и бивнями расчищал дорогу. Так оно, по-видимому, и было, потому что охотникам не раз попадались большие обломанные сучья, иногда на земле, а иногда еще державшиеся на стволе и отведенные в сторону точно рукой человека.

Черныш утверждал, что подобные слоновьи тропы обычно ведут к воде, и притом самой легкой и краткой дорогой, словно обдуманно проложенной искусным инженером, что

указывает на редкое чутье и догадливость слонов. Основываясь на этом, охотники рассчитывали прийти вскоре к какому-нибудь водопою; но могло быть и так, что след вел не к воде, а от воды.

Не прошли они и четверти мили, как вышли на другую такую же тропу, пересекавшую ту, по которой они следовали. Вторая дорожка тоже была проложена несколькими слонами, вероятнее всего - семьей слонов; отпечатки на ней были так же свежи, как и на первой.

С минуту охотники колебались, по какой тропе им пойти, но решили все же не сворачивать и держаться прежнего следа.

К их великому огорчению, тропа в конце концов привела к более открытому месту, где слоны разбрелись, и, безуспешно попробовав проследить сперва одного, потом другого слона, охотники запутались и совсем потеряли след.

Направившись в поисках его туда, где кусты росли реже, Черныш вдруг пустился бегом, крикнув остальным, чтобы они шли за ним. Ван Блоом и Гендрик устремились за бушменом - поглядеть, что там такое. Они подумали, что Черныш увидал слона, и оба в сильном волнении уже стянули чехлы со своих ружей. Однако никакого слона не оказалось. Когда они догнали Черныша, тот стоял под деревом и тыкал пальцем в землю у корней. Охотники посмотрели вниз. Они увидели, что землю с одной стороны дерева сильно потоптали, как будто несколько лошадей или других животных стояли здесь долгое время на привязи и, разворотив копытами дерн, превратили его в пыль. Кора дерева густолиственной развесистой акации - была на одной стороне до известной высоты словно бы отполирована, как будто животные часто приходили и терлись о нее.

- Отчего это? - вырвалось сразу у ван Блоома и Гендрика.

- Спальное дерево слона, - ответил Черныш.

Объяснения были излишни. Охотники вспомнили все, что им рассказывали о любопытном обычае слона спать, прислонившись к дереву. Перед ними было, очевидно, одно из таких "спальных деревьев" толстокожего великана.

Но что проку в том? Разве что потешить немного свое любопытство? Слона тут нет!

- Старый непременно придет сюда опять, - сказал Черныш.

- Гм! Ты так думаешь? - спросил ван Блоом.

- Да, баас, поглядите: свежий след - большой слон спал тут вчера.

- И что же? Ты думаешь, нам следует подстеречь его и пристрелить, когда он вернется?

- Нет, баас, не стрелять. Лучше мы ему сделаем постельку, а потом посмотрим, как он ляжет.

Черныш, подавая свой совет, хитро улыбнулся.

- Сделаем постель слону? Что ты хочешь сказать? - спросил ван Блоом.

- Говорю вам, баас: слон у нас в руках, если вы дадите Чернышу сделать дело. Я вас научу, как взять его без пороха, без пули.

Бушмен стал развивать свой план, и ван Блоом, памятуя вчерашнюю неудачу, с готовностью дал согласие.

К счастью, у охотников нашлись под рукой все принадлежности, необходимые для выполнения этого плана: острый топор, крепкий ремень из сыромятной кожи и у каждого по ножу. Не теряя времени, они приступили к делу.

Глава XXXV

СТЕЛЮТ ПОСТЕЛЬ СЛОНУ

Охотникам нельзя было упускать ни минуты. Слона, если б он захотел в тот день вернуться, надо было ждать к самым жарким, полуденным часам. В их распоряжении осталось не больше часа, чтобы приготовиться к встрече "сделать постельку", как в шутку сказал Черныш. И они с жаром принялись за работу. Бушмен был за главного, двое остальных беспрекословно подчинялись его указаниям.

Прежде всего Черныш велел им срезать и обтесать три кола из твердого дерева.

Каждому колу надлежало быть в три фута длиной, в человеческую руку толщиной, и с одного конца его надо было заострить.

Колы вскоре были готовы. В изобилии росшее кругом железное дерево представляло самый подходящий материал. Срубили топором три деревца повыше, укоротили их до нужной длины и заострили охотничьими ножами.

Черныш тем временем не сидел сложа руки. Прежде всего он срезал ножом широкую полоску коры со "спального дерева", с той его стороны, где слон обыкновенно приваливался к нему, на высоте примерно трех футов от земли, потом в том месте, где снята была кора, он сделал топором надсечку - такую глубокую, что дерево неминуемо упало бы, будь оно предоставлено самому себе. Но оно не упало, так как Черныш заблаговременно принял меры: он заставил дерево держаться, привязав к верхним его сучьям сыромятный ремень, который он затем провел к ветвям другого дерева, стоявшего поодаль. Таким образом, "спальное дерево" удерживал от падения только ремень; при самом легком толчке оно должно было повалиться.

Теперь Черныш приложил к старому месту срезанный им кусок коры, который он приберег, и, когда все щепки были тщательно собраны, никто не сказал бы с первого взгляда, что дерево познакомилось с лезвием топора. Осталось произвести еще одну операцию - установить колья, уже заготовленные ван Блоомом и Гендриком. Чтобы закрепить их как следует, надо было вырыть довольно глубокие ямки. Черныш отлично справился и с этой задачей. Не прошло и десяти минут, как он выкопал три ямы, каждая больше фута глубиной и ни на полдюйма не шире, чем требовалось по толщине кольев.

Вам, может быть, любопытно было бы узнать, как он умудрился это сделать? Доведись вам рыть яму, вы бы стали рыть ее лопатой, и яма неизбежно получилась бы с эту лопату шириной. Но у Черныша не было лопаты, а если бы и была, он все равно пренебрег бы ею, так как яма получилась бы шире, чем нужно.

Черныш не вырыл ямку, а пробурил, сделав это посредством маленькой острой палочки. Он сперва разрыхлил ею твердый грунт по кружку соответственного диаметра. Набрав затем в горсть взрыхленную землю, он выбросил ее и снова принялся орудовать, как раньше, острием "сверильной палочки". Выбросит землю - и опять за палочку; и так до тех пор, пока не получилась узкая ямка нужной глубины. Вот как Черныш "пробурил" ямки.

Ямки были расположены треугольником у подножия дерева, но не с той стороны, где должен был стать слон, если бы вернулся на старое место, а с обратной. В каждое отверстие Черныш всадил кол тупым концом книзу, острием вверх, а у основания укрепил его при помощи мелкого щебня и пригоршни глины. Колья стояли так, точно в землю вросли. Затем колья обмазали мягкой глиной, чтобы замаскировать белизну дерева, стружки тщательно подобрали, и всякие следы работы были совершенно скрыты. Покончив с уборкой, охотники отошли от "спальни".

Но они отошли недалеко; выбрав большое кустистое дерево с подветренной стороны, они все трое взобрались на него и притаились в ветвях.

Ван Блоом держал на взводе свой громобой, а Гендрик - свой карабин. Только в случае, если бы остроумный прием Черныша не удался, они намеревались пустить в ход ружья.

Было уже двенадцать часов, и день выдался из самых жарких. Но в тени густой листвы наши охотники не страдали от зноя. Черныш считал жару добрым предзнаменованием - она была им на руку. Сильная жара скорее, чем что бы то ни было другое, могла пригнать слона к его любимой спальне, в прохладную сень жирафьей акации.

Уже двенадцать часов. Теперь он должен скоро прийти, думали они.

Слон действительно пришел; пришел не запоздав.

Не просидели они на ветвях и двадцати минут, как услышали странное бульканье, звук, который, как знали они, доносится из слоновьей утробы. Еще минута - и они увидели самого слона. Он вышел из чащи и размеренной поступью направился прямо к дереву. Он, видимо, не заподозрил никакой опасности; сразу же стал у ствола акации - в том самом положении, с той самой стороны, как предугадал Черныш. Бушмен по оставленному следу заключил, что у

слона в обычае становиться именно так.

Лесной великан стоял спиной к охотникам, но все же они могли видеть пару великолепных бивней - в шесть футов длиной, не меньше.

Наблюдая пристально, они увидели, как голова слона слегка наклонилась, уши перестали хлопать, хвост неподвижно повис, хобот замер.

Все трое насторожились. Вот тело великана слегка накренилось... вот коснулось дерева... Раздался громкий треск, за ним - хруст ветвей, и громадное темное тело слона повалилось на бок.

В то мгновение все прочие звуки утонули в страшном вопле, от которого лес огласился раскатистым эхом и затрепетал каждым листком. Последовал глухой рев, смешавшийся с шумом ломаемых сучьев; повергнутый на землю, могучий зверь забился в предсмертной судороге.

Охотники не слезают с дерева. Они видят, что слон упал, что колья пронзили его. Не понадобится их слабое оружие: животное ранено насмерть.

Агония длилась недолго. Некоторое время слышалось тяжелое предсмертное дыхание, затем наступила глубокая, грозная тишина.

Охотники спускаются на землю, подходят к неподвижному телу. Оно еще лежит, как упало. Колья сработали безотказно. Слон больше не дышит. Он мертв!

* * *

Пришлось потрудиться не меньше часа, вырезая великолепные бивни. Но нашим охотникам это было нипочем: они только радовались, что каждый бивень оказался тяжелой ношей - едва под силу тащившему его человеку. Ван Блум взвалил на плечи один. Черныш - другой, а Гендрик понес ружья, топор и прочее; так все трое, оставив позади себя мертвую тушу слона, с триумфом вернулись в лагерь.

Глава XXXVI АФРИКАНСКИЕ ДИКИЕ ОСЛЫ

Несмотря на успешную охоту, ван Блум все же не мог прогнать беспокойные мысли. Да, сегодня добыча попала им в руки, но каким путем? Успех был чисто случайным и не позволял возлагать большие надежды на будущее. Много воды утечет, пока найдет он другое "спальное дерево" и еще раз возьмет легкую добычу. Такие не слишком приятные мысли осаждали ван Блома в тот вечер, после удачной охоты.

Но еще настойчивее думал он об этом две недели спустя, оглядываясь на ряд неудачных попыток. За двенадцать дней неустанной охоты к их коллекции прибавилась одна только пара бивней, да и та малоценная - бивни слонихи, каждый не более как в два фута длины.

Тем обиднее было об этом думать, что почти ежедневно охотники наталкивались на слонов и давали по ним выстрел, другой. Но выстрелы не достигали цели. Ван Блум неизменно убеждался, как легко четвероногий великан уходит от него. Убеждался, как слаба возможность взять такую дичь, если ты должен преследовать ее пешком.

Да, в охоте на слона у пешего охотника почти нет шансов на успех. Выследить слона не так уж трудно, нетрудно, пожалуй, занять хорошую позицию и сделать первый выстрел, но, когда животное кинется прочь сквозь зеленую чащу, преследовать его - ненадежное дело. Слон может пройти без остановки много миль, и если даже охотник догонит его, то и тут радости мало: всадишь вторую пулю, а слон опять скроется в кустах, да иной раз так, что преследовать его дальше станет уже невозможно.

Между тем конный охотник имеет все преимущества перед пешим. Лошадь легко догоняет слона, а у толстокожего великана есть одна странная особенность: стоит ему убедиться, что враг, кто бы он ни был, способен его догнать, как он тотчас же отказывается

от бегства и становится в оборонительную позицию, и тогда стреляй в него хоть двадцать раз сряду!

В этом первое большое преимущество конного охотника. Второе заключается в большей безопасности такой охоты: всадник легко уйдет от разъяренного слона.

Неудивительно, что ван Блоом мечтал о коне и сокрушался, что нет у него этого благородного товарища, который так помог бы ему в охоте. Он сокрушался тем сильнее, что, познакомившись с местностью, нашел здесь раздолье для охоты на слонов. Он видел стада до сотни голов; и стада далеко не пугливые, не расположенные обращаться в бегство с одного или двух выстрелов. Слоны здесь, верно, никогда и не слышали, как бьет ружье, покуда громобой ван Блоома не потряс своим гулом окрестности.

Ван Блоом был уверен, что на лошади он мог бы застрелить их не один десяток и добыть много ценной слоновой кости. А без коня осуществить этот замысел было нелегко. Все попытки принесли бы ему, вероятно, одно разочарование.

Он очень остро это чувствовал. Светлые мечты, которым он с таким жаром предавался, грозили разлететься в прах; и снова тревожил трек-бура страх перед будущим. Он только понапрасну тратит время в этих непроходимых дебрях. Дети вырастут без книг, без образования, без общества. Если он неожиданно умрет, что станет с ними? Его прелестная Гертруда превратится в маленькую дикарку, его сыновья станут "лесными ребятами", маленькими бушменами, как шутя называл их отец, не на короткое время, а так и вырастут дикарями.

Эти думы снова и снова наполняли болью отцовское сердце. Чего бы только он не дал сейчас за пару самых невзрачных лошадей!

Размышляя таким образом, ван Блоом сидел среди ветвей огромной нваны, на помосте, установленном со стороны озера, так что с него можно было обозреть всю водную гладь. Отсюда открывался также широкий вид на местность, лежавшую к востоку от озера. Подальше начинался кустарник, но ближе к озеру лежала поросшая травой равнина, зеленым ковром расстилавшаяся перед глазами.

Охотник перевел глаза на эту равнину, и тут его взгляд привлекло стадо животных, которое пересекало ее, направляясь к воде. Это были крупные животные, размером и складом напоминавшие малорослую лошадь, и бежали они вереницей. Издали стадо имело вид каравана. В веренице их было около пятидесяти голов, и шли они твердым, уверенным шагом, как будто направляемые умным вожаком. Как не похожи были они в стаде на капризных гну с их эксцентричными движениями!

Однако, взятые порознь, они не лишены были сходства с гну, которых напоминали складом тела, формой хвоста, общей землистой окраской и "тигровыми" полосами, различимыми у них на морде, на шее и на плечах. По рисунку эти полосы были такие же, как у зебры, но гораздо менее четки и не распространялись, как у той, на туловище и на ноги. Общей окраской и некоторыми другими статьями животные напоминали один из видов осла, но голова, шея и верхняя часть туловища были темнее и слегка отливали в рыжее. Можно сказать, что этот новый посетитель озера обладал чертами сходства со всеми четырьмя - с лошастью, гну, ослом и зеброй, - но все же явственно отличался от них. На зебру он походил более всего, так как действительно принадлежал к одному из видов зебры, к так называемым кваггам.

Современные зоологи разделяют семейство лошадиных¹⁴ на два рода: собственно лошадей и ослов, причем главное различие заключается в том, что животные из рода лошадей обладают длинной волнистой гривой, пышным хвостом и бородавчатыми мозолями как на передних, так и на задних конечностях, тогда как у осла грива короткая, редкая и стоит торчком, хвост тонкий, и только на самом конце растут на нем длинные волосы, а задние ноги у него лишены мозолей. Однако на передних ногах они у него имеются - такие же, как у лошади.

Хотя род лошадей насчитывает множество разновидностей, иногда резко отличных друг от друга, их всех - от суффолька, мощного лондонского ломовика, до его миниатюрного

родича - шотландского пони, - легко узнать по этим характерным признакам.

Разновидности ослов почти столь же многочисленны, хоть этот факт и не столь широко известен.

На первом месте назовем обыкновенного домашнего осла, типичного представителя рода; во многих странах встречаются его различные породы, причем некоторые своим изяществом почти не уступают лошади и ценятся столь же высоко. Существует затем западноазиатский онагр, кулан или джигетай "дикий осел". Его родина - степи Азии. Еще упомянем кианга, которого можно встретить в Ладаке.

Это всё азиатские породы; они встречаются в диком состоянии и отличаются одна от другой складом, окраской, размером и даже образом жизни. Многие из них очень изящны, а в беге не уступают самому быстрому коню.

Мы не можем уделить в этой маленькой книжке много места описанию каждого из названных видов; ограничимся лишь несколькими замечаниями о тех, которые ближе касаются нашей темы, - об африканских диких ослах. Их существует шесть-семь пород, а может быть, и больше.

Во-первых, дикий осел, который распространен в северо-восточных областях Африки. От прирученных диких нубийских ослов произошел домашний осел.

Во-вторых, кумра, о которой почти ничего не известно, кроме того, что водится она в лесах Северной Африки и, в отличие от большинства других видов, живет не стадами, а в одиночку. Кумру часто принимали за дикую лошадь, но, по всей вероятности, она принадлежит к роду ослов.

В Африке насчитывается еще несколько видов, настолько схожих между собой и складом, и размером, и привычками, что их можно объединить в один разряд под общим именем - зебра. Различаются, во-первых, собственно зебра - быть может, самое красивое четвероногое в мире, которое нет надобности описывать здесь; во-вторых, дау, или бурчеллиева зебра, как ее чаще называют. В-третьих, зебра Чапмана, близко напоминающая дау. В-четвертых, квагга; пятый же, не установленный вид известен под именем белой зебры, которое он получил за свою бледно-желтую окраску.

Все зебры состоят, несомненно, в близком между собой родстве. Все они в большей или меньшей степени отмечены своеобразными поперечными полосами общеизвестным признаком зебры. Даже квагга носит эти полосы на голове и на верхней части туловища.

Собственно зебра исполосована от кончика носа до самих копыт, и полосы у нее сплошь черные на почти белом или бледно-желтом фоне. Дау не имеет полос на ногах; полосы у него не так темны и четки, а основная окраска не так светла и чиста. В остальном три первых вида очень схожи; и более чем вероятно, что имя "зебра" впервые было дано либо бурчеллиевой, либо чапмановской зебре ведь животное, которое мы теперь называем собственно зеброй, водится в тех частях Африки, где едва ли могли его увидеть первые наблюдатели-европейцы. Во всяком случае, зебра и есть тот самый зверь, которого римляне называли гиппотигром, то есть тигровой лошастью, а из этого обстоятельства мы заключаем, что та зебра жила в более северных областях Африки, нежели другие ее сородичи, которые все принадлежат к фауне южной половины материка. Правда, существует мнение, что собственно зебра распространена и в более северных краях, включая Абиссинию, но, может быть, тут просто произошло недоразумение и за собственно зебру была принята зебра гревии, которая, несомненно, водится и в Абиссинии.

Из зебр только один вид - горное животное и живет среди скал, тогда как дау и квагга кочуют по равнинам и диким, ненаселенным степям. В таких же местностях удалось заметить и белую зебру, но только одному путешественнику - Ле-Вайану, откуда и возникает сомнение в существовании белой зебры как обособленного вида.

Ни одна из пород не общается с другой, хотя каждая пасется общим стадом с другими животными. Квагга водит компанию с гну, дау - с полосатым гну, и в одном стаде с обоими можно увидеть высокого, надменно выступающего страуса.

Во вкусах и в характере разных видов наблюдается много различий.

Горная зебра очень пуглива и дика, дау почти не поддается приручению, между тем как квагга отличается робким, покорным нравом, и ее так же легко приучить к упряжи, как лошадь.

Если это не делается, то лишь по той причине, что южноафриканский фермер не испытывает недостатка в лошадях и квагга ему ненадобна ни в упряжь, ни под седло. Но хотя фермеру ван Блоому никогда не приходило на ум объездить кваггу, ван Блоом-охотник ухватился за эту мысль.

Глава XXXVII КАК ПОЙМАТЬ КВАГГУ

До этого времени ван Блоом не удостоивал квагг никакого внимания. Он знал, что это за животные, и часто видел, как табун их - может быть, всегда один и тот же - приходил к озеру на водопой. Ни сам он, ни его домашние не трогали квагг, хотя легко могли бы застрелить не одну. Они знали, что желтое маслянистое мясо этих животных не годится в пищу и едят его только голодные туземцы, а шкура, хоть идет иногда на выделку мешков и другие хозяйственные нужды, особой ценности не представляет. Поэтому наши охотники давали кваггам спокойно приходить и уходить. Не стоило тратить на них порох и пули, да и не хотелось убивать ради пустой забавы такое безобидное создание.

Итак, каждый вечер квагги являлись к озеру на водопой и опять удалялись, не возбуждая к себе ни малейшего интереса.

Но на этот раз получилось иначе. В голове ван Блоома зародился великий замысел. Табун диких квагг внезапно приобрел для охотника такой интерес, как если бы это были слоны. Он вскочил на ноги и стоял, не отрывая от них радостного и восхищенного взгляда.

Ван Блоом любовался их изящно исчерченными головами, крутыми линиями тела, легкими и стройными ногами, - словом, любовался в них всеми статьями: их ростом, их окраской, их пропорциями. Никогда до той поры буру-скотоводу не казались квагги такими красивыми.

Но откуда такое неожиданное восхищение презренной кваггой? Ведь обычно капский фермер пренебрегает кваггой и если застрелит ее, то лишь на пищу своим слугам-готтентотам.

Почему она так полюбилась вдруг ван Блоому? Узнав, какие мысли теснились в тот час в его мозгу, вы это легко поймете.

Вот что он думал.

Нельзя ли поймать несколько квагг?.. А почему бы и нет? Нельзя ли приучить их к седлу?.. А почему нет? Не может ли квагга при охоте на слона сослужить ту же службу, что конь?.. Почему нет?..

Ван Блоом задал себе эти три вопроса. И через три минуты на все дал утвердительный ответ.

Ни в одном его предположении не было ничего невозможного или невероятного. Было ясно, что этот план вполне осуществим.

Ван Блоом почувствовал себя окрыленным новой надеждой. Лицо его засветилось радостью.

Он поделился замыслом с Чернышем и со своими сыновьями. Все горячо одобрили счастливую идею и только удивлялись, как никому из них раньше не пришла в голову такая простая мысль.

Но теперь возникал вопрос, как поймать квагг. Он требовал разрешения в первую очередь, и все четверо - сам ван Блоом, Ганс, Гендрик и Черныш засели выработать сообща план охоты.

Понятно, в ту минуту они ничего не могли предпринять и табуну, пришедшему на водопой, дали на этот раз удалиться с миром. Охотники знали, что завтра он вернется в тот же час.

Все они думали о том, что надо будет сделать, когда табун возвратится.

Гендрик предлагал "пришибить" кваггу - пробить пулей верхнюю часть шеи у самого загривка, после чего кваггу можно повалить и связать. При точном прицеле выстрел не смертелен. Вскоре животное поправляется, и тогда его легко объездить. Но такая операция все же сказывается на психике животного: квагга остается навсегда как бы оглушенной. Гендрику этот способ был знаком. Он видел, как буры-охотники "пришибали" квагг; и мальчик полагал, что и сам он без труда справится с подобной задачей.

Ганс считал такой прием слишком жестоким. Придется, может быть, убить немало квагг, прежде чем удастся ранить хоть одну в надлежащее место. К тому же придется потратить зря много пороха и пуль - с этим тоже нельзя не считаться. Может быть, попросту поймать несколько квагг в западню? Ставят же ловушки на других животных, не менее крупных, чем квагга, и, как он слышал, с успехом.

Гендрик не одобрил мысли брата. В западню можно поймать только одну кваггу, первую из табуна. Остальные, увидев, что вожак попался, поскачут прочь и уже никогда не вернуться к озеру. Где потом ставить ловушки на вторую? Пройдет, пожалуй, немало времени, пока удастся разыскать их новый водопой. Всадить пулю в загривок квагге - это верней: подкрадись к ней в степи и стреляй!

Очередь была за Чернышем. Он предложил устроить яму-западню. Таким способом бушмены обыкновенно ловят крупных животных, и Черныш превосходно знал, как сделать яму для квагги.

Гендрик выставил свои возражения - те же, в общем, что и против ловушки. Попадется только первая квагга. Прочие вряд ли будут настолько глупы, чтобы прыгать в яму, куда только что провалился вожак. Они, конечно, поспешат скрыться и никогда больше не пройдут по той дороге.

Другое дело, если б можно было приурочить охоту к ночи. В темноте, допускал Гендрик, пожалуй, удастся поймать несколько квагг, прежде чем тревога охватит всех остальных. Но нет, квагги всегда приходят к водопою днем; попадется только одна, а прочие испугаются и убегут.

Возражения Гендрика были вполне основательны, но он не учел одного важного обстоятельства, которое подметил ван Блум, наблюдая квагг у водопою. Дело в том, что животные неизменно входили в воду в одном месте, а выходили в другом. Объяснялось это, конечно, простой случайностью и зависело лишь от устройства дна, но так всегда было, и ван Блум замечал это не раз.

Квагги имели обыкновение входить в озеро по ложбинке, описанной выше; напившись, они брели несколько ярдов по мелководью, а затем выходили на другую отмель.

Приведенное обстоятельство решительно меняло дело, и все это сразу же поняли. Если яму вырыть на тропинке, по которой животные входят в воду, то будет так, как указывал Гендрик: одна квагга, быть может, и попадется, а всех прочих это спугнет. Но такая же ловушка на обратной тропе должна была дать совсем иной результат. Если в ту минуту, когда табун напьется и станет выходить из воды, охотники покажутся на другом берегу, то квагги всполошатся и поскачут прямо в западню. Таким способом можно поймать не одну кваггу, а столько, сколько их уместится в яме.

Все это казалось настолько осуществимым, что никто не стал делать новые предложения, и план Черныша был сразу же единодушно одобрен.

Оставалось только выкопать яму, прикрыть ее как следует и ждать, что будет дальше.

Все время, пока обсуждался вопрос об охоте на них, квагги оставались на виду и резвились в открытом поле. Это зрелище было танталовой мукой для Гендрика, которому очень хотелось показать свое искусство стрелка и меткой пудей "пришибить" какую-нибудь кваггу. Но юный охотник понимал, что неразумно было бы стрелять по ним здесь, так как один смертельный выстрел навсегда отгонит их от озера; поэтому он сдержал себя и наряду с другими стал наблюдать за табунном, разделяя тот новый интерес, который все питали теперь к полосатому скакуну.

Квагги не замечали присутствия людей, хотя и паслись совсем близко от большой нваны. Охотники сидели среди ветвей, куда животным не приходило на ум взглянуть, а у подножия дерева не было ничего такого, что могло бы возбудить их опасения. Колеса фургона хозяин давно запрятал в кусты, чтобы они не разошлись на солнце, а отчасти и ради того, чтобы вид их не отпугивал дичь, которая нередко подходила к дереву на расстояние выстрела. На земле не оставалось никаких следов, выдававших существование "лагеря" среди ветвей, и кто угодно прошел бы мимо, не заметив воздушного жилища, где ютилась целая семья охотников.

А ван Блоому только того и нужно было. Он пока что мало был знаком с окружающей местностью. Как знать, не ждала ли его тут встреча с врагами похуже гиен и львов?

Наблюдая с дерева за поведением квагг, наши герои вдруг увидели, что одна из них сделала странное движение, какого до сих пор им не приходилось подмечать у этих животных. Эта квагга, мирно пощипывая траву, подошла к небольшой купе кустов, стоявшей одиноко среди открытого поля. У самой заросли квагга прыгнула вдруг вперед. Почти в то же мгновение из кустов шарахнулось какое-то косматое животное и пустилось наутек. Животное оказалось гиеной. Вместо того чтобы кинуться на кваггу и принять битву, как можно было ожидать от такого сильного и свирепого зверя, гиена взревела от страха и пустилась наутек.

Ноги, однако, недалеко ее унесли. Гиена, очевидно, хотела спастись в другой заросли, побольше, лежавшей немного поодаль, но уже на полпути квагга нагнала ее среди открытого поля и, испустив свое пронзительное "куаа-уаг", ринулась вперед и вскинула передние копыта на спину гиене. В тот же миг в загривок хищника вонзились зубы травоядного животного и сжались крепко, как тиски.

Зрители ждали, что сейчас гиена вырвется и помчится дальше. Но ждали напрасно. Больше ей не дано было в жизни пробежать ни ярда. Она не вышла живою из зажавших ее грозных тисков.

Квагга мертвой хваткой держала судорожно бившуюся жертву, топтала ее копытами, трясла в своих сильных челюстях, пока гиена не перестала выть. Изуродованное тело хищника неподвижно легло среди поля.

Читатель подумает, что этот случай мог послужить нашим охотникам достаточным предостережением против квагги. Легко ли будет обуздать коня, у которого такие острые зубы?

Но им было известно, какое отвращение питает дикий полосатый конь к гиене. Они знали: при виде гиены квагга свирепеет, но в отношении человека нрав ее совсем иной. В самом деле, неприязнь к гиене у квагги так сильна и так неизменно травоядная квагга одерживает верх над хищницей, что пограничные фермеры часто пользуются этим замечательным обстоятельством и, чтобы уберечь от гиены скот, заводят в стаде по нескольку квагг, которые служат ему охраной и защитой.

Глава XXXVIII ЗАПАДНЯ

Наблюдая за движениями квагг, ван Блоом неожиданно встал. Все взоры обратились на него. Чувствовалось, что он собирается что-то предложить. Что же именно?

Вот что пришло ему на ум: к устройству западни следовало приступить немедленно.

День клонился к вечеру, до темноты оставалось лишь полчаса; казалось, лучше бы отложить дело до утра. Но нет. Были веские причины торопиться. Охотники не успеют к сроку, если не выполнят часть работы в этот же вечер.

Выкопать яму надлежащих размеров - нелегкое дело: ведь она должна была вместить сразу по меньшей мере полдюжины квагг. К тому же необходимо убрать вырытую землю, нарезать шестов и веток, чтобы ее прикрыть, и уложить их соответственным образом.

На все это пойдет немало времени; между тем управиться надо до возвращения табуна,

а иначе все сорвется.

Если квагги явятся до того, как яма будет вырыта и все следы работы уничтожены, они ускачут, не входя в воду, и, пожалуй, больше никогда не вернутся к озеру.

Таковы были соображения ван Блоома. Ганс, Гендрик и Черныш согласились с ним. Все ясно видели, что нужно немедленно приступить к работе.

К счастью, в их "инвентаре" нашлись две хорошие лопаты, совок и кирка, так что все четверо могли работать одновременно. Нашлись и корзины, чтобы выносить землю и сбрасывать ее в глубокую канаву поблизости, где ее не будет видно. Хорошо, что там была эта канавка, иначе землю пришлось бы уносить далеко, работа оказалась бы еще тяжелее, и было бы трудно выполнить ее к сроку.

Наметив размеры ямы, наши охотники дружно принялись орудовать лопатами, совками и киркой. Почва была довольно рыхлой, так что киркой почти не пользовались. Сам ван Блум вооружился одной из лопат, Гендрик - другою, а Черныш между тем выгребал землю совком и так быстро наполнял корзины, что Ганс, Тотти и прибежавшие им на подмогу Трейи с маленьким Яном едва успевали их опоражнивать. Малыши таскали свою собственную небольшую корзину и оказывали существенную помощь в работе, облегчая труд Гансу и Тотти.

Работа весело шла до полуночи и даже за полночь, при свете полной луны; к этому времени наши землекопы стояли уже по шею в земле.

Усталость взяла наконец свое. Но теперь все знали, что легко успеют докончить яму утром; и вот, сложив свои орудия и умывшись в кристальной воде ручья, охотники возвратились на ночлег в надземное жилище.

На заре они снова принялись за работу и трудились хлопотливо, как пчелы; дело подвигалось так быстро, что, когда устроили перерыв на завтрак, ван Блум, став на носки, едва мог выглянуть из ямы, а шерстистая макушка Черныша была уже чуть ли не на два фута ниже поверхности земли. Еще немного потрудиться - и довольно!

После завтрака все с новыми силами взялись за инструменты и работали, пока не нашли, что яма достаточно глубока. Выпрыгнуть из нее было бы под силу разве что горному скакуну; ни одна квагга не выбралась бы из такой западни.

Нарезали затем шестов и веток; и вот яма тщательно прикрыта шестами, а сверху устлана тростником и дерном, как и прилегающий кусок земли на довольно большом протяжении. Самое умное животное не заподозрило бы ничего. Даже лиса не открыла бы такой ловушки, пока сама не провалилась бы в нее.

Работу закончили до обеда, который, понятно, запоздал в тот день, так что оставалось только поесть и ждать появления квагг.

За обедом, несмотря на страшную усталость, все были очень веселы. Перспектива поймать квагг представлялась такой соблазнительной, что возбуждала и поддерживала бодрость.

Каждый предсказывал по-своему, чем кончится дело. Один заявил, что поймают по меньшей мере трех; другие, не столь умеренные, называли цифру вдвое большую. Ян утверждал, что яма будет битком набита полосатыми красавцами, и Гендрик считал это довольно вероятным, принимая во внимание остроумный способ, к которому они собирались прибегнуть, чтобы загнать квагг в западню.

Надежды казались вполне обоснованными. Ширина ямы исключала возможность, что животные перепрыгнут ее, а поскольку она тянулась поперек всей дорожки, они не могли ее миновать.

Правда, если бы предоставить квагг самим себе и позволить им идти, как они привыкли, вереницей, то попался бы только вожак. Остальные, увидав, что он провалился, непременно повернули бы назад и поскакали бы врассыпную во все стороны. Но охотники не собирались мириться с подобным ходом вещей. Они надумали в нужную минуту обратить животных в паническое бегство и загнать их прямо в западню. На этом и была основана надежда поймать не одну, а несколько квагг. Им нужно было четыре - по одной квагге на

каждого охотника. Но, конечно, если бы в яму попало больше четырех, это было бы еще приятней. Чем больше, тем лучше: будет возможность сделать выбор.

Отобедав, охотники стали готовиться к приему "гостей". Как сказано, обед в этот день запоздал против обычного, и уже приближался час, когда должны были показаться квагги. Чтобы не прозевать их, каждый заблаговременно занял свой пост. Ганс, Гендрик и Черныш засели в приозерных кустах - на некотором расстоянии друг от друга. Нижний край озера, где животные обычно входили и выходили, был оставлен свободным. Ван Блоом ждал между тем на помосте в ветвях иваны, чтобы с высоты подкараулить квагг и холостым выстрелом дать сигнал трем остальным. А те должны были выскочить вдруг и, напугав табун неожиданным своим появлением и стрельбой из ружей, погнать его прямо к яме.

План был отлично задуман и удался на славу. Стадо показалось на равнине в обычный час. Троиц, сидевших в засаде, ван Блоом оповестил о его приближении, повторив несколько раз приглушенным голосом:

- Квагги подходят, квагги подходят!

А те, не чуя опасности, прошли гуськом по ложбинке, разбрелись по озеру, вдосталь напились и стали одна за другой выходить по той тропе, поперек которой была вырыта яма.

Вожак, взобравшись на берег и заметив устилавшие дорогу свежие дерн и камыш, зафыркал, заржал и, видимо, склонен был повернуть обратно. Но как раз в это мгновение грянул громкий выстрел из ружья и раскатился по всей окрестности. Затем отозвались эхом с левой и с правой стороны выстрелы из меньших ружей, меж тем как Черныш гикал на самой высокой ноте откуда-то еще...

Квагги, озираясь, убедились, что их почти отовсюду окружают неведомые враги. Но один путь оставался, по-видимому, открытым - дорога, которой они обычно возвращались с водопооя. С перепугу весь табун устремился на берег и, сбившись в кучу, ринулся к западне.

Послышался треск ветвей и шестов, топот множества копыт, гул от столкновения тяжелых тел, глухая возня и дикое ржание животных, в ужасе рванувшихся вперед. Было видно, как некоторые квагги взвились высоко на воздух, точно желая перепрыгнуть яму. Другие вставали на дыбы и, круто повернув, кидались обратно в озеро. Многие метнулись в кусты и убежали, продираясь сквозь чащу, но большая часть табуна устремилась обратно и, замутив воду, умчалась по той же ложбинке, по которой пришла. Через несколько минут последняя квагга скрылась из виду.

Мальчики подумали, что квагги все спаслись. Но ван Блоом со своей вышки разглядел несколько полосатых морд, высунувшихся над краями ямы.

Кинувшись к западне, охотники, к своей великой радости, увидели в яме ни больше, ни меньше, как восемь взрослых квагг - ровно вдвое больше того, сколько было им надо, чтобы каждому получить по скакуну.

* * *

Меньше чем за две недели четыре квагги были приучены к седлу и покорились узде. Конечно, пришлось порядком с ними повозиться. Они брыкались, лягались, пускались в дикую скачку и не раз сбрасывали с себя седока, пока удалось переупрямить их. Однако Черныш и Гендрик были умелыми объездчиками и вскоре усмирили диких коней.

В первый же раз, когда квагг взяли на слоновую охоту, они блестяще оправдали возложенные на них надежды. Слон, как всегда, после первого выстрела обратился в бегство. Но охотники, верхом на кваггах, не упустили его из виду и мчались за ним по пятам. Когда слон убедился, что преследователи, как бы он ни мчался, не отстают от него, он гордо отказался от бегства и стал в оборону; это позволило охотникам выпускать в него пулю за пулей, пока смертельная рана не свалила великана наземь.

Ван Блоом был в восторге. Он воспрянул духом; снова восходила для него счастливая звезда.

Наперекор всему он исполнит свой замысел, будет ковать свое счастье. Через

несколько лет он составит себе состояние - построит пирамиду из слоновой кости.

Глава XXXIX В ПОГОНЕ ЗА КАННОЙ

Самым ярким охотником в семье был Гендрик, любивший охоту ради охоты. Благодаря ему кладовая никогда не пустовала. В те дни, когда не шли все вместе на слона, Гендрик бродяжил один и гонялся за антилопами и другими животными, мясо которых составляло обычную пищу наших героев. Гендрик не давал столу оскудевать.

Антилопы - главная южноафриканская дичь, и Африку больше всех других частей света можно назвать страной антилоп. Вы, верно, удивитесь, услышав, что на земле существует семьдесят видов антилопы, в том числе более пятидесяти африканских, из которых по меньшей мере тридцать принадлежит Южной Африке, то есть области, лежащей между тропиком Козорога и мысом Доброй Надежды.

Следовательно, захоти мы дать подробное описание одних только антилоп, нам пришлось бы посвятить этому целый том. Здесь же я могу только сказать, что антилопы водятся главным образом в Африке, хотя много видов этих животных обитает также в Азии, и что в Америке встречается только одна порода вилорог, а в Европе две, хотя одна из них, общеизвестная серна, скорее коза, чем антилопа.

Замечу далее, что семьдесят видов, причисляемых зоологами к антилопам, сильно отличаются друг от друга и складом, и ростом, и окраской, и привычками - словом, по стольким признакам, что именовать их всех одинаково антилопами крайне мало оснований. Некоторые виды имеют много общего с козой, другие приближаются к оленю, третьи напоминают быка, четвертые сродни как будто буйволу, а несколько видов обладают многими характерными особенностями дикой овцы.

В общем, однако, антилопа походит скорее всего на оленя, и многие виды ее так в просторечии и зовутся оленем. В самом деле, некоторые антилопы ближе к известным видам оленя, чем к иным из своих сородичей. Основное различие, отмечаемое между ними и оленями, заключается в том, что у антилопы костные рога постоянные, прикрыты роговыми футлярами, не ветвятся и не сменяются, тогда как у оленя они чисто костные, ветвятся и он их ежегодно сбрасывает.

Подобно оленям, различные виды антилоп ведут весьма различный образ жизни. Одни живут на открытых равнинах, другие - в дремучих лесах. Одни держатся тенистых речных берегов, другие любят скалистые кручи или сухие горные ущелья. Одни щиплют траву, другие, подобно козам, предпочитают листья и нежные молодые побеги. В самом деле, привычки этих животных настолько многообразны, что, каков бы ни был характер данной страны или области, она неизменно оказывает гостеприимство той или иной из антилоп. Даже в пустыне водятся свои антилопы, предпочитающие сухую, безводную степь самой плодородной, зеленой долине.

Из всех антилоп самая крупная - элен, или канна. Ростом она не уступает самой большой лошади. А весит крупная канна до тысячи футов. Это грузное животное, и даже не слишком быstroногий противник или конный охотник догоняет его без труда. Строением тела канна напоминает быка, только рога у нее прямые и стоят над теменем торчком, лишь слегка расходясь. Они достигают двух футов длины и отмечены желобком, который проходит по ним винтообразно почти до самых концов. У самки рога длиннее, чем у самца.

Глаза у канны, как почти у всех антилоп, большие, ясные и кроткие; выражение свирепости им чуждо. Это животное при огромной своей величине и силе обладает самым безобидным нравом и вступает в драку, только если его довести до отчаяния. В большинстве случаев общая окраска этой антилопы бурая с рыжим отливом. Но встречаются особи пепельно-серой окраски, чуть переходящей в охру.

Канна принадлежит к тем антилопам, которые, по-видимому, легко обходятся без воды. Ее можно встретить в пустынной степи, где поблизости нет ни ручья, ни родника; она как

будто даже предпочитает такие местности вероятно, чувствуя себя там безопаснее, - но водится и в плодородных, лесистых областях. Канны живут стадами, причем самки и самцы пасутся врозь, образуя стада от десяти до ста голов.

Мясо канны очень ценится и нежностью не уступает мясу любой другой антилопы, оленя или представителя бычьего племени. Оно напоминает нежную говядину с привкусом дичи; а из мышц бедра, если их соответствующим образом приготовить и прокоптить, получается лакомая закуска, известная под странным названием "бедровые язычки".

Естественно, что канна, дающая превосходное мясо, да еще в таком количестве, представляет большой соблазн для охотников. А так как она тяжела в беге и тучна, то травля длится обычно недолго. Канну пристреливают, снимают с нее шкуру и разрубая тушу на части. Охота на нее сама по себе не увлекательна. Ее незащищенность и ценность ее мяса привели к усиленному истреблению этого вида антилопы; теперь стада канн можно встретить только по глухим окраинам.

С тех пор как ван Блоом и его семья поселилась в этой местности, они не видели ни одной канны, хотя порою им попадались ее следы. А Гендрику по ряду причин не терпелось застрелить хоть одну канну. Он никогда в жизни не охотился на нее - вот первая причина, вторая - ему хотелось обеспечить дом запасом вкусного мяса, которое в таком большом количестве имеется у этого животного. Поэтому Гендрик очень обрадовался, когда в одно прекрасное утро ему сообщили, что на верхней равнине, и притом неподалеку, видели стадо канн. Известие принес Черныш, успевший на рассвете побывать в горах.

Потратив ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы получить от Черныша все указания, Гендрик оседлал свою кваггу, вскинул на плечи карабин и поскакал разыскивать стадо. Неподалеку от лагеря, среди утесов, пролегал удобный проход, ведущий вверх на плоскогорье. То было нечто вроде лоцины или расселины; и, как показывало множество следов, животные спускались по ней с плоскогорья в нижнюю равнину, где был родник и ручей. Квагги и другие обитатели пустынных степей, когда шли на водопой, избирали обычно эту тропу.

Гендрик поскакал вверх по лоцине и, едва выбравшись из нее, увидел на плоскогорье, в какой-нибудь миле от скалистого обрыва, стадо канн - семь старых быков. На гладкой нагорной равнине негде было бы укрыться и лисе. Вся растительность в том месте, где находились канны, составляли разбросанные поросли алоэ, молочая да изредка чахлое деревце или пучок сухой травы, характерные для пустыни. Не было нигде даже маленького холмика, за которым охотник мог бы спрятаться от зорких глаз своей дичи, и Гендрик тотчас понял, что ему не подобраться к каннам незаметно. Хотя Гендрик никогда не охотился за этой антилопой, ему хорошо были известны все ее повадки, и он знал, как ее преследовать. Он знал, что в беге она слаба и любая старая кляча обгонит ее, не говоря уже о его квагге, самой быstroногой из всех четырех, прирученных семьей ван Блоома.

Следовательно, весь вопрос сводится к тому, как поднять дичь. Подобравшись для начала к стаду на близкое расстояние, он безусловно сумеет загнать одного из быков. Но дело сильно осложнится, если канны обратятся в бегство, увидав его еще издалека. Итак, нужно подкрасться к каннам, чтобы начать гон с близкого расстояния, - вот первая задача. Но Гендрик был осторожным охотником, и это ему скоро удалось. Он не поехал прямо на стадо, а сделал большой крюк, пока канны не оказались между ним и скалистым обрывом, и тогда, направив на них свою кваггу, неторопливо поскакал вперед.

В седле он сидел не выпрямившись, а припав к луке, так что грудь его почти лежала на шее скакуна. Этим он желал обмануть животных, которые иначе признали бы во всаднике врага. А так они не могли разобрать, что за тварь приближается к ним, и довольно долго стояли, взирая на Гендрика и его кваггу с большим любопытством, хотя, разумеется, и не без опаски.

Все же они допустили охотника на расстояние пятисот ярдов - достаточно близкое для него - и тогда только снялись с места тяжелым, неуклюжим галопом.

Гендрик теперь привстал в седле, пришпорил кваггу и помчался за стадом во весь опор.

Его расчет оказался верен. Канны бежали прямо на скалы - не туда, где лощина образовала проход, а туда, где не было никакого спуска с плоскогорья, - и, достигнув стремнины, были вынуждены избрать новое направление, под прямым углом к прежнему. Гендрик это использовал и, срезав угол, вскоре настиг стадо. Он задумал отделить одного из быков от стада и загнать его, предоставив остальным ускакать, куда им будет угодно.

Свое намерение он выполнил без труда. Вскоре одна из канн, самая жирная, подалась в сторону, как будто рассчитывая найти там спасение, пока остальные бегут вперед. Но хитрость едва не сгубила канну. Гендрик не упустил ее из виду, и квагга с наездником мгновенно устремилась за ней. Еще одно усилие - и гон увлек и дичь и охотника на целую милю в глубь равнины. Канна из рыжевато-бурой стала свинцово-синей; слюна длинными нитями свисала с ее губ, пена взмылилась на широкой груди, из больших глаз катились слезы, и ее галоп перешел в усталую рысь. Канна явно выдыхалась. Через несколько минут квагга уже бежала за ней совсем по пятам, и тогда огромная антилопа, видя, что бегство ее уже не спасет, остановилась в отчаянии и повернулась навстречу преследователю.

Гендрик держал в руке заряженный карабин, и вы, вероятно, полагаете, что юный охотник тотчас вскинул его на плечо, прицелился, нажал курок и убил канну наповал.

Должен вас разочаровать: он не сделал ничего подобного.

Гендрик был истый охотник - не слишком опрометчивый и не склонный зря расходовать заряд. Он задумал кое-что поинтереснее, чем убить канну на месте. Он знал, что животное в его полной власти, так что теперь он может гнать его куда угодно, как смиренного вола. Убивать же канну на месте означало напрасную трату пороха и пули. Мало того: это поставило бы перед ним новую и довольно-таки трудную задачу. Как перенести мясо в лагерь? В один прием не справишься, да еще был риск, что гиены сожрут главную часть добычи, пока охотник снесет домой первую порцию. Между тем он мог избавиться от всех хлопот, пригнав дичь к лагерю. Это он и собирался сделать.

Итак, приберегая пулю, Гендрик проскакал мимо затравленного зверя, потом повернул назад, заставил повернуть и канну и погнал ее перед собой в направлении к скалам. Канна не могла ни уклониться, ни оказать сопротивления. Время от времени она оборачивалась и делала попытку поскакать в сторону, но всадник, заехав вперед, опять легко направлял ее куда хотел, пока наконец не пригнал ко входу в расселину.

Глава XL

БЕШЕНАЯ СКАЧКА ВЕРХОМ НА КВАГГЕ

Гендрик уже поздравил себя с успехом. Радостно предвкушал он, как будут поражены все домашние, когда он пригонит к лагерю канну; ибо нисколько не сомневался, что это ему удастся. В самом деле, какие могли тут возникнуть сомнения? Канна уже вступила в расселину и бежала рысью вниз по тропе, а Гендрик на своей квагге поспешал за ней. Всего лишь несколько ярдов отделяло охотника от входа в расселину, когда вдруг до его слуха донесся громкий топот, словно целое стадо крепконогих животных поднималось по каменному коридору.

Гендрик пришпорил своего скакуна, чтобы скорее достичь края плоскогорья и заглянуть в глубину расселины. Но не успел он еще домчаться до места, как увидел, к своему удивлению, что канна скачет обратно в гору и норовит, минуя всадника, выбежать на равнину. Антилопа, по-видимому, испугалась чего-то там, в расселине, и, чем идти навстречу новому врагу, предпочла обратиться грудью к старому. Гендрик не стал преследовать антилопу - ее он мог догнать в любое время, - важнее было узнать сперва, какая причина заставила ее повернуть обратно; и он еще быстрее поскакал к расселине. Скажут, что мальчику следовало, пожалуй, действовать осторожнее - ведь там могли оказаться львы. Но топот копыт, будивший гулкое эхо в каменном коридоре, убеждал охотника, что не львы спугнули канну.

Наконец Гендрик достиг места, откуда мог заглянуть в глубину расселины. Впрочем,

этого даже не требовалось - животные, чей топот он слышал, были уже близко; охотник увидел не что иное, как табун квагг.

Гендрик был сильно раздосадован помехой - и тем сильнее, что виновницами оказались квагги, совсем не соблазнительная дичь. Будь вместо них что-нибудь стоящее, он пристрелил бы штуку, другую, но убить кваггу он мог бы сейчас разве что со зла, так как в ту минуту был основательно зол на них.

Сами того не зная, несчастные квагги одним своим появлением доставили охотнику много лишних хлопот: догоняй теперь снова канну да заставь ее опять свернуть к ложине! Неудивительно, что Гендрик обозлился. Но не настолько все же был он раздражен, чтобы с досады выстрелить в надвигавшийся табун, и, повернув своего скакуна, он погнался опять за канной.

Едва он снялся с места, как одна за другой вышли из расселины сорок пятьдесят квагг. Каждая, завидев всадника, испуганно вздрагивала и кидалась в сторону, пока весь табун не вытянулся по равнине в длинную вереницу, и каждая квагга фыркала и выпускала на скаку свое громкое "кya-a-аг!"

При обычных обстоятельствах Гендрик вряд ли заинтересовался бы ими. Ему часто приходилось видеть табуны квагг, так что они не могли возбудить в нем любопытства. Но на этот раз квагги привлекли его внимание, и вот почему: когда они проносились мимо, он заметил среди них четыре с кучными хвостами. По этому признаку охотник узнал тех скакунов, которые попались с другими в западню и были затем отпущены на волю. Черныш из каких-то соображений обкорнал им предварительно хвосты.

Гендрик несколько не сомневался, что это были те самые квагги и что табун тот же самый, который приходил, бывало, к озеру на водопой, но после оказанного ему дурного приема уже не появлялся в окрестностях. Эта догадка, промелькнувшая в голове у Гендрика, и побудила его с некоторым интересом наблюдать за кваггами.

Внезапный испуг животных при виде всадника и забавные фигуры четырех бесхвостых рассмешили мальчика, и он громко расхохотался, когда пустил галопом своего полосатого скакуна.

Квагги между тем побежали в том же направлении, которое избрала канна, так что Гендрику было с ними по пути, и он поскакал за ними следом. Юному охотнику хотелось проверить, может ли квагга, несущая на себе всадника, держаться наравне с неоседланной - то, о чем столько спорят применительно к лошади, - и хотелось проверить заодно, уступает ли в беге его квагга хоть одной из прежних своих товарок. Так завязалась гонка - канна бежала впереди, за ней квагги, а Гендрик замыкал тыл. Ему не приходилось прибегать к шпорам: квагга летела как ветер. Благородный скакун словно чувствовал, что испытывают в соревновании его доблесть. С каждой секундой расстояние между ним и табунном сокращалось.

Квагги вскоре догнали тяжелую в беге канну и, когда та затрусила в сторону и остановилась, они пронеслись мимо. Проскакал не только табун, но и квагга Гендрика, не отстававшая ни на шаг от своих товарок, и не прошло и пяти минут, как канна осталась на добрую милю позади, а квагги все мчались и мчались вперед по широкой степи.

Что же затеял Гендрик? Уж не решил ли он отступить от канны, дав ей спокойно уйти? Неужели он настолько увлекся гонкой? Неужели, гордясь своей быстроногой кваггой, он ждал, что она победит в состязании всех остальных? Так показалось бы всякому, кто посмотрел бы на гонку издали. Но кто посмотрел бы вблизи, тот объяснил бы поведение Гендрика совсем иначе.

Когда канна остановилась, Гендрик хотел сделать то же; с этим намерением он сильно натянул поводья. Но тут он, к своему удивлению, убедился, что квагга вовсе не разделяет его намерения. Не подчинившись узде, она закусил удила, прижала уши к голове и понеслась во весь опор. Гендрик попробовал тогда повернуть кваггу в сторону и натянул для этого правый повод, но сделал это так рьяно, что узда съехала, и полосатый конь совсем освободился от нее.

Квагга, понятно, получила теперь полную свободу бежать куда угодно. И ясно, что ей угодно было присоединиться к старым своим товарищам. А что это старые товарищи, она, несомненно, признала, как показывало ее приветственное пофыркивание и радостное ржание.

Сначала Гендрик был склонен смотреть на случай с уздой, как на маленькую неприятность, и только. Среди молодежи он был одним из лучших всадников Южной Африки и умел держаться в седле без поводьев. Квагга вскоре сама остановится, тогда он снова наденет на нее узду, которая осталась у него в руках. Так он рассудил поначалу. Но мысли его приняли другой оборот, когда он убедился, что квагга не собирается умерить свой галоп и несется с прежней быстротой, а табун все так же бешено мчится перед нею и по всем признакам тоже не склонен остановиться.

Дело в том, что квагги бежали, гонимые страхом. Они видели, что всадник рьяно преследует их. И хотя старая товарка легко узнала их, как могли они признать ее - с этим высоким горбом на спине? Она казалась им не кваггой, а каким-то страшным чудовищем. И хоть она каждый раз, когда могла перевести дыхание, издавала свое громкое "куа-а-г", как бы окликающая товарищей, ничего не выходило. Они не останавливались, не слушали ее.

Что же тем временем делал Гендрик? Ничего. Он ничего не мог предпринять. Не мог остановить неистовый лет своего скакуна. Не смел выскочить из седла. Если б он отважился на это, он бы убился об острые камни или сломал себе шею. Он ничего не мог предпринять - и только старался крепче держаться в седле. Что думал он при том? Сперва он не задумывался и смотрел на свое приключение довольно легкомысленно. Потом, проскакав третью милю, несколько обеспокоился; а на пятой миле уже признался самому себе, что попал в очень скверную историю.

Но вот уже и пятая миля легла позади, за ней шестая, седьмая, а квагги все еще бешено несутся вперед: табун - подгоняемый страхом утратить свободу, горбатый отщепенец - желанием вновь ее получить. Гендрику было теперь сильно не по себе. Где он? Куда его увлекают квагги? Быть может, в пустыню, где он заблудится и погибнет от голода и жажды... Скалы остались на много миль в стороне, и он уже не сказал бы, в какой. Даже если бы он мог как-нибудь остановиться, он не знал бы, куда повернуть. Не нашел бы дороги!

Его опасения перешли в тревогу. Он не на шутку испугался. Что делать? Спрыгнуть на землю, рискуя сломать себе шею? Но если он и не сломает шеи, то лишится квагги и седла в придачу, не говоря уж о потерянной канне. И придется пешком добираться до лагеря, где его еще поднимут на смех. Все равно, пусть! Оставаясь в седле, он рискует жизнью. Квагги могут проскакать без остановки двадцать, нет - пятьдесят миль. Они не выказывают признаков усталости, ничуть еще не запыхались. Нужно спрыгнуть наземь и расстаться с кваггой и седлом.

Решение сложилось, и Гендрик уже готовился привести его в исполнение. Он обдумывал, как вернее избежать ушибов при падении, высматривал место помягче, когда вдруг его осенила счастливая мысль. Он вспомнил, что, укрощая эту самую кваггу и объезжая ее под седло, он широко пользовался одним совсем простым приспособлением - наглазником. Наглазник представлял собою всего-навсего кусочек мягкой кожи, которая надевалась животному на глаза; однако при всей своей простоте это приспособление оказывало самое верное действие, и квагга из строптивой, брыкающейся и рычащей твари превращалась в смирную лошадку. И вот Гендрик подумал теперь об этом способе.

Правда, у него не было при себе наглазника. Нельзя ли чем-нибудь его заменить? Носовым платком? Нет, он слишком тонок. Ага! Курткой! Куртка подойдет. Мешало ружье. Надо освободить от него спину. Спустить его на землю. На обратном пути можно будет его подобрать. Карабин был спущен на землю со всей возможной осторожностью и вскоре остался далеко позади. В мгновение ока Гендрик снял с себя куртку. Как же приладить ее так, чтобы закрыть квагге глаза? Куртку-то ни в коем случае нельзя выпускать из рук.

Секунда размышления - и находчивый мальчик выработал план. Он наклонился, продел рукава куртки под горло квагге и завязал их крепким узлом. Куртка лежала теперь на шее

животного таким образом, что воротник приходился у загривка, а полы ближе к ушам. Затем Гендрик нагнулся как только мог вперед и, вытянув руки во всю длину, стал двигать куртку вверх по шее квагги, пока полы не упали ей через уши на морду.

Даже в таком склоненном положении всадник едва удержался в седле. Как только плотное сукно надвинулось квагге на глаза, та мгновенно застыла, точно подстреленная на скаку смертельной пулей. Однако она не упала, а только остановилась как вкопанная, дрожа всем телом. Конец ее неистовому галопу!

Гендрик соскочил на землю. Он не боялся, что ослепленная квагга попытается убежать; она и не пыталась. В несколько минут узда была надежно налажена. Гендрик, с курткой на плечах, снова твердо сидел в седле. Квагга почувствовала себя побежденной. Старые товарищи, соблазненные ее выйти из повиновения, скрылись из виду; угнетенный новой разлукой, скакун покорился и удилам и шпорам, повернул и уныло пустился в обратный путь.

Гендрик не имел представления, где его дорога. Он направился, придерживаясь следов табуна, к тому месту, где спустил свое ружье, которое и подобрал, проскакав мили две. Не было солнца в небе, не было ничего, что могло бы служить ему вехой, и он подумал, что самое верное - идти и дальше по следу; и хотя след без конца петлял и увел его прочь от канны, юный охотник засветло добрался до расселины в скалах, а вскоре после захода солнца сидел уже под сенью нваны, угощая жадных слушателей рассказом о своих злоключениях.

Глава ХLI

КАПКАН-САМОСТРЕЛ

К этому времени ван Блоому и его семье сильно стали докучать хищники. Вкусный запах, каждый день распространявшийся от жилья наших героев, а также кости антилоп, убитых на жаркое, привлекали четвероногих гостей. Гиены и шакалы постоянно рыскали вокруг, а по ночам с неумолчной омерзительной музыкой часами осаждали нвану. Правда, никто не боялся этих животных, так как ночью дети были в полной безопасности в своем воздушном жилище, куда гиены не могли к ним забраться, но все же их присутствие было крайне неприятно. Из-за них нельзя было оставить внизу ни кусочка мяса, ни овчины, ни ремня - ни одной кожаной вещи. Эти хищники все размалывали своими зубами и пожирали. Они, случалось, выкрадывали целый окорок антилопы, а однажды испортили Чернышу седло, выев всю кожаную часть. Словом, гиены сделались так назойливы, что необходимо было принять меры к их истреблению.

Стрелять по ним было не так-то просто. Днем они вели себя осторожно и прятались либо в пещерах среди скал, либо в норах трубнозуба. По ночам они становились смелее и подходили к самому жилью, но тогда темнота не позволяла хорошенько прицелиться, а наши охотники слишком ценили свой порох и свинец, чтобы тратить их наудачу, - хотя нет-нет, да дадут выстрел по гиенам, когда те их слишком разозлят.

Так или иначе, надо было придумать способ уменьшить численность незваных гостей, а то и вовсе отделаться от них. С этим согласны были все. Испытали сперва два-три вида ловушек, но безуспешно. Из ямы гиена легко выскакивала, а от петли освобождалась, перегрызая острыми зубами канат.

Наконец ван Блоом остановился на способе, к которому часто прибегают в Южной Африке буры-колонисты для защиты ферм от гиен и прочей нечисти. Он решил устроить капкан-самострел. Есть несколько способов установки такого капкана. Само собой понятно, что главную роль в нем играет ружье, а уловка заключается в том, что веревочка механически спускает курок. В некоторых странах к веревке привязывают кусок мяса; схватив приманку, животное натягивает веревку, спускает курок и само себя застреливает. Но при таком устройстве ружье бьет не наверняка. Хищник может стать не прямо против дула, тогда он вовсе избежит пули или же его только "пощекочет", и он, конечно, уйдет.

В Южной Африке капкан-самострел устраивается куда хитрее. Животное, имевшее несчастье дернуть за курок, редко избегает гибели и либо падает мертвым на месте, либо получает такую жестокую рану, что не может убежать. Ван Блум соорудил капкан по испытанному способу, и вот как. Он наметил место, где три деревца росли в один ряд на расстоянии ярда друг от друга. Не найди он деревьев, расположенных в таком порядке, их с успехом заменили бы крепко вколотые в землю колья. Нарезав терновника, наши охотники построили крааль, как его строят обычно: уложив кусты верхушками к наружной стороне. Величина крааля безразлична, и, чтобы зря не тратить труда, построили, понятно, небольшой. Но, сооружая крааль, позаботились об одном: дверь или, лучше сказать, входное отверстие оказалось расположенным так, что с каждого бока стояло по деревцу, которые образовывали как бы косяки двери, и животное, входя в крааль, должно было непременно пройти между этими двумя деревцами.

Теперь о ружье. Как должно было оно действовать?

Его установили горизонтально, накрепко прикрутив приклад к деревцу, стоявшему вне крааля, а ствол - к одному из "косяков". В таком положении дуло приходилось у самого входа и смотрело прямо на второй "косяк".

Высота рассчитана была по уровню, где будет сердце гиены, когда она вступит в дверь.

Далее: как приспособить веревку? К ружейному ложу позади курка была прикреплена палочка в несколько дюймов длины. Утвердили ее под прямым углом к стволу, однако не накрепко, а довольно свободно - так, чтобы она могла послужить рычагом. К обоим концам палочки прикрепили по веревке. Одну из них привязали к спусковому крючку, другую же продели сперва в шомпольную муфту, а затем, натянув поперек входа, привязали ко второму "косяку". Веревка шла горизонтально, в направлении ружейного ствола, и была натянута очень туго. Малейший нажим на нее должен был сдвинуть палочку-рычаг и тем самым спустить курок. И тогда бы, конечно, ружье выстрелило.

Веревка прилажена, ружье заряжено - капкан готов.

Теперь оставалось только положить приманку. Эта задача была несложна: надо было просто бросить кусок мяса или падали в крааль и оставить его там на соблазн рыскающим вокруг зверям.

Когда наладили ружье, Черныш притащил приманку - объедки убитой в тот день антилопы - и зашвырнул ее в крааль, после чего все спокойно легли спать, не думая больше о гиенах и капкане.

Но едва они заснули, их разбудил громкий выстрел, за которым последовал короткий придушенный крик, сказавший им, что капкан сделал свое дело.

Четверо охотников зажгли факел и торжественно отправились в крааль. Там они увидели мертвое тело крупного "тигрового волка", которое лежало, скрюченное, в дверях - прямо под дулом ружья. Зверь не сделал ни шага после того, как щелкнул курок, даже не дрыгнул ногой перед смертью.

Пуля с пыжом прошла прямо между ребер и, пробив безобразную дыру в боку, проникла в самое сердце. Гиена, по всей видимости, была в нескольких дюймах от дула, когда наткнулась грудью на веревку и произвела выстрел.

Наново зарядив ружье, охотники опять улеглись. Скажут, пожалуй, что им следовало бы оттащить куда-нибудь самоубийцу-гиену, чтобы труп ее не послужил предостережением для ее сородичей и не заставил их держаться подальше от капкана. Но Черныш знал, что делал. Гиен не могло отпугнуть мертвое тело товарки. Они бы увидели в нем только лакомую добычу, которую можно сожрать вместе с вкусными костями антилопы. Зная это, Черныш не унес трупа гиены, а только оттащил его в глубь крааля, чтобы он служил добавочной приманкой для других гиен и соблазнял их на попытку войти в дверь.

Под утро охотников опять разбудил громкий выстрел из большого ружья.

На этот раз они преспокойно остались в постелях. Когда же рассвело, они наведались к капкану и увидели, что еще одна гиена неосмотрительно надала грудью на роковую веревку.

Ночь за ночью вели они таким образом свой поход на гиен, перенося крааль-ловушку с места на место по всей округе.

В конце концов назойливые хищники были почти истреблены или, во всяком случае, сделались так редки и так пугливы, что не очень докучали лагерю своим присутствием.

Зато к этому времени объявились иного рода гости, поопаснее прежних, и нашим охотникам пришлось рьяно приняться за их истребление. Это была семья львов.

Львиные следы уже давно наблюдались в окрестностях, но поначалу хищники не подходили близко к лагерю. Однако к тому времени, как удалось избавиться от гиен, им на смену явились львы, которые приходили каждую ночь и рычали около лагеря самым устрашающим образом.

Как ни грозен был этот рык, обитатели воздушного жилища не так уж пугались, как можно бы вообразить. Они прекрасно знали, что львам не взобраться к ним на дерево. Будь это леопарды, охотники, вероятно, чувствовали бы себя похуже, так как те превосходно лазают по деревьям, но леопарда они в этих местах не видали и даже не вспоминали о нем.

Все же львы внушали им некоторый страх. Из-за них с наступлением темноты нельзя было спокойно спуститься вниз - каждую ночь, от заката до рассвета, все чувствовали себя как в осаде. Кроме того, хотя корову и квагг запирали в крепких краалях, каждую ночь охотники терзались опасением, как бы львы не задрали кого-нибудь из животных. Утрата любого из них, а в особенности их бесценного друга, "старушки Грааф", явилась бы тяжелым ударом.

Поэтому решено было испытать против львов тот же капкан-самострел, с помощью которого они так успешно справились с гиенами.

Самое устройство капкана не требовало никаких изменений или дополнений. Только ружье следовало установить выше - так, чтобы дуло пришлось против сердца льва, - что не потребовало сложного расчета. Однако для приманки нужна была не падаль, а мясо недавно убитого животного. Для этой цели подстрелили антилопу.

Опыт привел к желанному результату. В первую ночь "застрелился" старый лев-отец, налетев грудью на роковую веревку. На другую ночь таким же образом погибла львица, а вскоре затем их взрослый сын - молодой лев. После этого ловушка некоторое время бездействовала, но спустя неделю Гендрик застрелил неподалеку от нваны полувзрослого львенка - несомненно, последнего в семье, так как львы с тех пор надолго исчезли. Великим врагом ночных разбойников оказался этот капкан-самострел.

Глава XLII ПТИЦЫ-ТКАЧИ

Теперь, когда хищные звери были истреблены или отогнаны от лагеря, жизнь в окрестностях стала безопасной, и детям можно было давать больше самостоятельности. При них, конечно, всегда оставалась Тотти, когда четверо охотников верхом на кваггах отправлялись выслеживать слона.

Они это делали очень часто, и так как в их отсутствие с детьми не случалось ничего дурного, то в конце концов такой порядок вошел у них в обычай. Яна и Трейи предупреждали только, чтобы они не отходили далеко от нваны и взбирались каждый раз на дерево, если увидят какого-нибудь подозрительного зверя. До истребления гиен и львов дети в отсутствие охотников совсем, бывало, не спускались на землю. Онк чувствовали себя как в тюрьме; теперь же, когда главная опасность была, по-видимому, устранена, им дозволялось сходить вниз и резвиться на лужайке или же гулять по берегу озера.

Однажды, когда охотники ушли, Трейи спустилась к озеру. Она была одна, если не считать горного скакуна, который всегда неотлучно брел за нею по пятам, куда бы она ни шла. Это изящное создание уже совсем выросло и оказалось на редкость красивым, а его большие круглые глаза с поволокой напоминали своим кротким, нежным взглядом глаза самой Трейи. Как я сказал, Трейи прогуливалась одна. Ян возился у подножия дерева,

вправляя новую жердочку в птичью клетку, а Тотти ушла в поле пасти "старушку Грааф", так что Трейи со своей ручной газелью одиноко бродила по берегу.

Девочка пошла к воде не совсем бесцельно: ей вздумалось напоить свою любимицу и собрать букет голубых кувшинок. Сделав то и другое, она пошла дальше по берегу.

На озере с дальней стороны врезалась в воду низкая коса. Сперва это была только песчаная отмель, но постепенно она заросла травой и покрылась зеленым ковром. Совсем небольшая, коса представляла собой овал, заметно суживавшийся к берегу, где образовался как бы перешеек шириной не более трех футов. Словом, это был миниатюрный полуостров, который можно было при желании несколькими ударами лопаты превратить в крошечный островок.

Не было, понятно, ничего особенного в том обстоятельстве, что в озеро вдавался маленький полуостров. Это можно увидеть чуть ли не на каждом озере. Но самый полуостров был кое-чем примечателен. У острия косы росло дерево, необычное по своей форме и листве; дерево было невелико, и ветви его низко клонились над самой водой. Поникие ветви и копьевидные серебристые листья позволяли без труда определить, что это за дерево. Это была плакучая, или вавилонская, ива, названная так потому, что ее ветвями уведенные в плен евреи увивали, по библейскому преданию, свои арфы, когда "плакали на реках вавилонских". Красавицы ивы простирают свою широкую сень над реками Южной Африки точно так же, как над Тигром и Евфратом, и нередко глаз утомленного странника радуется листве, засеребрившейся вдалеке над сухью изжаждавшейся пустыни, потому что вид этой листвы безошибочно указывает на близость воды.

Однако девочку Трейи дерево на маленьком полуострове заинтересовало не только по этой причине, но и кое-чем еще. Его ветви, склонившиеся над поверхностью озера, представляли очень странное зрелище: среди них можно было различить, по одному на кончике каждой ветви, множество каких-то причудливых предметов, свисавших так низко, что нижние их края почти касались воды. Эти предметы отличались, как сказано, довольно причудливой формой. Сверху, где они были прикреплены к сучку, у них имелось нечто вроде шара, нижняя же часть состояла из длинного, узкого цилиндра, а в донце каждого цилиндра было отверстие. В общем, они напоминали перевернутый графинчик со значительно удлиненным горлышком, или, если угодно, их можно было бы сравнить со стеклянными ретортами, какие вы, может быть, видели в химической лаборатории.

Каждая такая "реторта" имела в длину дюймов десять - пятнадцать и была зеленоватого цвета, почти такого же, как самые листья ивы. Не были ли это ее плоды? Нет. Плод плакучей ивы никогда не достигает таких больших размеров. Это были не плоды. Это были птичьи гнезда! Да, это были гнезда, принадлежавшие колонии безобидных певчих птичек, известных под названием "птицы-ткачи".

Я уверен, что вы и раньше слышали о птицах-ткачах, и вы, конечно, знаете, что они получили такое название за искусство, с каким они мастерят свои гнезда. Они не строят и не выют гнезд, как другие птицы, а действительно ткут их остроумнейшим способом.

Не подумайте, что существует лишь один вид ткачей, только одна порода птиц, умеющих сооружать такие необычайные гнезда. В Африке, где они преимущественно водятся, насчитывается множество видов ткачей, относимых к различным родам. Не стану вас доносить их мудренными названиями. Каждая из этих различных пород строит гнездо своего, особого образца, и каждая выбирает для гнезда свой материал. Некоторые сооружают гнездо бобовидной формы, с входом сбоку, причем отверстие делают не круглое, а скорее напоминающее арку. Другие ткут свои гнезда таким образом, что снаружи по всей поверхности торчат кончики стебельков, придавая гнезду сходство с подвешенным к ветке ежом; а птицы другого рода, близкого к этому, строят свои гнезда из тонких веточек, оставляя их концы торчать подобным же образом. А некоторые строят целую колонию гнезд, жмущихся друг к другу под одной общей крышей, - настоящая птичья республика. Входы в гнезда расположены по нижней поверхности сооружения, которое занимает всю вершину дерева, напоминая с виду стог сена или большую, крепко сбитую охапку соломы.

Принадлежат к разным родам, все птицы-ткачи сильно сходны между собой по нраву и привычкам. Они большей частью зерноядные, хотя некоторые питаются также и насекомыми; а один из видов, красноклювый ткач, собирает свою добычу - клещей - на спине дикого буйвола.

Ошибочно думать, будто птицы-ткачи встречаются только в Африке или только в Старом Свете, как утверждают в своих трудах многие натуралисты. В тропической Америке к этим птицам относятся несколько видов, которые "ткуют" такие же подвесные гнезда на деревьях по берегам Амазонки и Ориноко. Но настоящие птицы-ткачи, то есть те, которые считаются самыми типическими для всей группы, - это птицы рода древесных ткачей. И как раз представители одного вида из этого рода и разукрасили своими подвесными домиками плакучую иву. Птица этого вида известна под названием "ткачик висячий".

На плакучей иве было, в общем, около двадцати гнезд - все вышеописанной формы и зеленого цвета, так как жесткая бушменская трава, из которой они были сотканы, еще не утратила свежей окраски и должна была долго еще ее сохранять. Благодаря своему цвету такие гнезда в самом деле напоминают что-то выросшее на дереве - какой-то крупный грушевидный плод. Отсюда, верно, и пошли рассказы древних путешественников о том, что в Африке будто бы есть деревья, дающие чудесные плоды, внутри которых, если разломать их, увидишь живых птичек или же птичьи яйца!

Наша маленькая Трейи не впервые увидела сейчас птиц-ткачей и их причудливые гнезда. Колония уже довольно давно обосновалась на иве, и девочка успела завязать с птицами знакомство. Она часто приходила к ним в гости, припасала зерна и сыпала их под деревом. Во всей колонии не было ни одной пичужки, которая не присаживалась бы доверчиво девочке на руку или на белое плечико, не вспорхнула бы хоть раз на кудрявую головку. Для Трейи было самым обычным делом смотреть, как эти хорошенькие птички резвятся на ветвях или залезают в длинные вертикальные тоннели, служащие входом в их гнезда; самым обычным делом было для нее слушать часами их любовное щебетание или наблюдать за их играми над берегом у самой заводи.

И теперь, весело пробираясь вдоль озера, она думала не о них, а о чем-то другом - может быть, о голубых кувшинках, может быть, о горном скакуне, но только не о них. Однако птицы внезапно привлекли ее внимание.

Неожиданно, без всякой видимой причины, они подняли писк и закружили над деревом, голосом и движениями выдавая сильное волнение и тревогу.

Глава XLIII

АФРИКАНСКАЯ КОБРА

"Что там случилось с моими пичужками? - недоумевала Трейи. - Там у них что-то неладно! Ястреба не видать. Верно, они повздорили между собой. Пойду посмотрю. Они у меня сразу помиряются".

С такими мыслями девочка ускорила шаг и, обогнув залив, вступила на крошечный перешеек. Еще полминуты - и она уже стояла под ивой.

Вокруг не было обычного подлеска. Дерево росло одиноко у самого конца косы, и Трейи подошла вплотную к стволу. Тут она остановилась и взглянула вверх, на ветви, желая выяснить причину птичьего переполоха.

При ее приближении несколько птичек подлетели к ней и вспорхнули на руки и на плечи; но вся их повадка была сейчас иная, чем когда они ожидали от девочки корма. Они были явно напуганы и, казалось, искали у нее защиты.

"Верно, поблизости притаился какой-то враг", - подумала Трейи, хотя никакого врага не видела.

Она посмотрела налево, направо, взглянула наверх. Нигде не видно было ястреба. Ни на иве, ни на соседних деревьях не было никакой хищной птицы. Если бы хищник сидел тут же, на иве, Трейи легко разглядела бы его, так как листва была легкая и редкая; к тому же

ястреб не остался бы на дереве, когда девочка стоит так близко. Что ж все-таки испугало птиц? Что пугает их так до сих пор? Ведь они нисколько не унялись, не успокоились. Ага! Наконец-то враг обнаружен, наконец-то взгляд Трейи упал на страшилище, которое всполошило мирную колонию ткачей и подняло среди них такую тревогу!

По горизонтальному суку, обвинив его несколько раз спиральными кольцами, медленно сползала большая змея. При каждом движении ее чешуя отливала на солнце; этот блеск и привлек сначала глаза Трейи, и тут она увидела отвратительное пресмыкающееся.

Когда Трейи впервые заметила ее, змея ползла спиралью по одной из горизонтальных ветвей ивы, удаляясь, по-видимому, от гнезд. Но едва девочка остановила на ней свой взгляд, длинное гибкое тело соскользнуло с ветки, и в следующую секунду змея, выставив голову вперед, уже спускалась по стволу дерева.

Трейи отскочила назад - и вовремя: через мгновение голова змеи показалась как раз напротив того места, где только что стояла девочка. Не отскочи она, в нее тотчас вонзились бы ядовитые зубы - змея уже доползла до того места, отвела голову от ствола, широко разинула зев, высунула раздвоенный язык и грозно зашипела. Она была, по-видимому, раздражена - отчасти потому, что потерпела неудачу в своих грабительских намерениях и не могла добраться до птичьих гнезд, а отчасти и потому, что ткачи, защищаясь, несколько раз ударили ее своими клювами, несомненно причинив ей чувствительную боль. Кроме того, ее раздражило появление Трейи.

Так или иначе, но в ту минуту змея была очень зла, как показывали движения ее головы и блеск ее глаз. Она непременно бросилась бы на всякого, кто, на свое несчастье, перерезал бы ей путь.

Трейи, однако, не собиралась без всякой необходимости пересекать ей дорогу. Девочка знала, что это могла быть и вполне безобидная тварь, но все же от змеи в шесть футов длиною, ядовита она или нет, лучше держаться подальше. Трейи инстинктивно подалась в сторону и стала так далеко, как позволяла вода.

Девочка могла бы отбежать назад к узкому перешейку, но что-то ей подсказало, что змея поползет в том же направлении и, пожалуй, догонит ее. Эта мысль побудила ее отойти от дерева на другой край полуострова в надежде, что змея поползет по тропинке, ведущей с него на поляну.

Стоя у самой воды, девочка, дрожа всем телом, пристально глядела на мерзкого гада.

Если бы Трейи знала, к какой породе принадлежал этот гад, она бы и не так еще дрожала. Перед ней была одна из самых ядовитых змей, черная африканская кобра, которая гораздо опасней своей родственницы, индийской очковой змеи, так как при столь же грозном жале обладает более сильным и подвижным телом.

Этого Трейи не знала. Она знала только, что перед нею большая, безобразная змея, почти вдвое длиннее ее самой, и что эта змея широко разинула зев и высунула глянцевиый язык, намереваясь, как видно, ее проглотить.

Кобра, однако, как ни была она раздражена, не повернулась, чтобы напасть на девочку; не осталась она и на дереве. Прошипев свою громкую протяжную угрозу, она соскользнула на землю и быстро поползла прочь.

Двинулась она прямо к перешейку, видимо собираясь перейти его и уползти куда-нибудь в кусты, росшие поодаль на берегу.

Трейи уже почти совсем утвердилась в надежде, что именно это собирается сделать змея, когда та вдруг свернулась кольцом на узком перешейке, словно решив остаться тут надолго.

Этот маневр был проделан так неожиданно и, казалось, так непредумышленно, что Трейи повела вокруг глазами, ища причину. Только что змея быстро ползла вперед, вытянув во всю длину по земле свое блестящее тело, а в следующее мгновение это тело приняло вид свернутого каната, над краем которого поднималась злая головка с мешком чешуйчатой кожи на шее, вздувшимся в виде капюшона, - отличительный признак кобры.

Трейи смотрела вокруг, словно спрашивая, чем же вызвана внезапная перемена в

поведении змеи. Она узнала это с одного взгляда.

От озера к равнине поднимался гладкий отлогий косогор. Он вел кратчайшим путем к полуострову. Взглянув наверх, девочка увидела, что по косогору быстро несется ее горный скакун. Приближение антилопы и заставило змею остановиться.

Трейи, едва заметив змею, громко вскрикнула с перепугу. Крик призвал ее любимца, который, пощипывая траву, отстал от хозяйки, и теперь горный скакун мчался вперед. Большие карие глаза антилопы беспокойно поблескивали, словно спрашивали о чем-то.

Трейи испугалась за своего любимца. Еще прыжок - и он наскочит на притаившуюся змею; еще один такой прыжок...

- Ах! Спасен!

Эти два слова сорвались с губ девочки, когда она увидела, что ее любимец взвился высоко на воздух и опустился далеко впереди, легко перепрыгнув через свернутую змею. Горный скакун вовремя заметил врага и спасся одним из тех головокружительных прыжков, на какие только он и способен. Едва избежав опасности, преданная газель прискакала к хозяйке и глядела на нее большими ясными глазами, в которых светился тревожный вопрос.

Но крик, вырвавшийся у Трейи, всполошил не только антилопу. К своему несказанному ужасу, девочка увидела, что маленький Ян тоже побежал по косогору и вступает прямо на ту дорожку, где лежит, свернувшись, змея.

Глава XLIV ЗМЕЕЕД

Страшная опасность угрожала Яну. Он мчался опрометью вперед, прямо на свернувшуюся кобру. Он не знал, что она лежит перед ним. Предостеречь его, остановить на бегу не успеешь. Сейчас он вступит на перешеек, и никакая сила не спасет его от смертельного укуса. Мальчик не сможет отскочить в сторону или, как это сделал горный скакун, на высоте нескольких футов перепрыгнуть через гада. Трейи видела, что кобра взметнула свою длинную шею. Змея, конечно, дотянется до маленького Яна, она, может быть, обовьется вокруг него. Ян погиб!

Трейи точно окаменела. От ужаса у нее отнялся язык. Она только вопила и растерянно махала брату руками.

Но это не только не могло предостеречь Яна, а, напротив, лишь верней губило мальчика. Он связал эти стоны и жесты с ее первым криком. С сестрицей стряслась беда, а какая, он не знал; однако раз девочка продолжает кричать, то, значит, решил он, кто-то напал на нее. Может быть, подумалось ему, змея; но что бы там ни случилось, первым его движением было кинуться на выручку Трейи. Помочь ей он сумеет, только когда будет рядом; он ни за что не остановится, пока не добежит до места, пока не станет бок о бок с сестрой.

Итак, ее вопли, сопровождаемые дикими жестами, только побуждали мальчика бежать быстрее, а так как его глаза были тревожно устремлены на Трейи, не оставалось и тени надежды, что он заметит змею до того, как наступит на нее или почувствует ее роковой укус.

У Трейи вырвался последний крик предостережения, и вместе с криком она наконец выдавила из горла слова:

- Ой, братец! Назад! Змея! Змея!

Но и слова были тщетны. Ян услышал их, но не понял смысла. До него дошло слово "змея". Так он и думал! Змея напала на Трейи! И хотя змеи он не видит, она, несомненно, обвилась вокруг тела девочки. Ян побежал еще быстрее. Только шесть шагов отделяли его теперь от кобры, которая уже подняла свою голову, готовясь напасть на ребенка. Еще мгновение - и ядовитые зубы глубоко вопьются в его тело. С отчаянным стоном Трейи бросилась вперед. Она надеялась отвлечь этим внимание чудовища на себя. Девочка была готова отдать свою жизнь за жизнь брата!

Вот она уже в двух шагах от грозной змеи. Ян - на том же расстоянии с другой

стороны. Опасность равна для обоих. Один из двоих... быть может, оба падут жертвой смертоносного укуса! Но близилось уже их спасение. Темная тень мелькнула у них перед глазами, их уши наполнил свист: "Уишь!" - и в тот же миг большая птица упала между ними.

Она не села на землю. Секунду ее широкие, сильные крылья бились в воздухе, посылая ветер им в лицо, но еще мгновение - и птица, сделав неожиданное усилие, взмыла по вертикали ввысь. Трейи глянула на дорожку - кобры там больше нет! С радостным возгласом девочка подбежала к Яну и кинулась ему на шею:

- Мы спасены, братец! Спасены!

Ян был ошеломлен. До сих пор он еще не заметил змеи. Он видел только, как ринулась между ним и сестрою птица, но она так проворно схватила кобру и унесла ее, что Ян, глядевший неотрывно на Трейи, не заметил добычи в клюве птицы. Он был в недоумении и в ужасе, так как все еще думал, что сестренке грозит опасность. Услышав ее возглас "спасены", он только сильнее испугался.

- А змея? - прокричал он. - Где же змея?

Спрашивая, мальчик оглядывал Трейи с головы до ног, точно ожидая увидеть гада, обвившегося вокруг ее руки или ноги.

- Змея где? Разве ты не видел, Ян? Она была тут, у наших ног, а сейчас гляди! Вон она где! Секретарь унес ее. Смотри, они дерутся! Хорошая птица! Надеюсь, она накажет гадину, которая хотела украсть моих хорошеньких ткачиков! Так, милая птица, задай ей хорошенько! Смотри, Ян, как они схватились!

- Ага! Да-да! - воскликнул Ян, только теперь сообразив, в чем дело. - Да, верно, там змея и наш хохlach. Ничего, Трейи, ты не бойся. Мой секретарь не выдаст. Он покажет негоднице свои когти. Смотри, как запустил! Еще раз так хватит - и из гадины дух вон! Ага, опять - хлоп!

Обмениваясь такими замечаниями, дети стояли рядышком, наблюдая жестокую битву между птицей и змеей.

А птица была очень странная - такая, в самом деле, необыкновенная, что по всей земле у ней не сыщется родни. Внешним видом она напоминала журавля: те же длинные ноги и примерно та же величина, тот же рост. Однако форма головы и клюва сближала ее скорее с орлом или с коршуном. У нее были прекрасно развитые крылья, "шпоры" на ногах и очень длинный хвост, в котором два средних пера были длиннее остальных. Общая окраска была синевато-серая, горло и грудь - белые, а в крыльях перья отливали рыжиной. Но самым замечательным в этой птице был, пожалуй, ее хохол. Он состоял из множества длинных темных перьев, которые росли у нее на темени и ложились по шее, спадая почти до плеч. Это придавало птице причудливый вид, а воображаемое сходство с каким-нибудь писцом или секретарем стародавних времен, носивших за ухом длинное гусиное перо, в ту пору, когда еще не вошли в употребление стальные перья, послужило основанием к ее несообразному наименованию: "птица-секретарь". Другие называют ее "змееед", а натуралисты окрестили ее именем "гипогеран", то есть "журавлиный гриф". Иногда ее называют еще "герольд" - за важный, степенный шаг, каким выступает она по равнине.

Из всех этих названий "змееед" наиболее отвечает характеру нашей птицы. Правда, многие другие птицы тоже убивают и поедают змей, - например, южноамериканский руако и некоторые соколы и коршуны, - но секретарь один среди всех пернатых охотится исключительно на этих пресмыкающихся и ведет с ними постоянную борьбу. Впрочем, строго говоря, он питается не одними лишь змеями. Он ест ящериц, черепах и даже саранчу, но змея - его любимая пища, ради которой он нередко рискует жизнью в смертельной схватке с самыми крупными из этих опасных рептилий.

Змееед - африканская птица, и характерен он не для одной лишь Южной Африки. Его можно встретить также и в Гамбии. Змееед - чрезвычайно своеобразная птица, и натуралисты, не решаясь причислить его ни к орлам, соколам или грифам, ни к журавлям или семейству куриных, возвели его в самостоятельный подотряд, в котором он образует одинокое семейство, род и вид.

В Южной Африке он любит широкие и пустынные степи, где бродит на просторе в поисках поживы. Он чужд стадного обычая и живет одиноко или в паре, устраивая гнезда на деревьях, предпочтительнее на тех, что обладают густой и тенистой кроной, которая делает его жилище почти неприступным. Все сооружение достигает трех футов в диаметре и напоминает гнездо лесного орла. Оно обычно выложено прутьями и пухом; самка высидывает по два, по три яйца.

Змееед - превосходный бегун и проводит больше времени на земле, чем в воздухе. Он пуглив и осторожен, но тем не менее его легко приручить, и нередко можно видеть пернатого секретаря на дворе какой-нибудь капской фермы, где его держат, как домашнюю птицу, ради той пользы, которую он приносит, истребляя змей, ящериц и других пресмыкающихся.

Птица, так своевременно появившаяся между Яном и Трейи и, несомненно, спасшая одного из них или обоих от смертельного укуса кобры, являлась самым настоящим змееедом, который не так давно был приручен и поселился среди ветвей все той же гостеприимной нваны. Охотники нашли его в степи. Птица была ранена каким-то животным - быть может, очень большой змеей; они принесли ее домой, как диковинку. Со временем она совсем оправилась от ран, доброта и уход, которым ее окружили, пока она была калекой, не пропали даром. Когда ее крылья вполне окрепли, птица не воспользовалась этим, чтобы бросить своих покровителей, и по-прежнему держалась около их жилья. Днем она часто уходила в окрестные поля в поисках своей излюбленной пищи, но к ночи неизменно возвращалась и устраивалась на ветвях нваны. Она стала, конечно, любимицей Яна, и мальчик баловал ее; теперь она отплатила сторицей за всю его доброту - спасла его от смертоносного укуса кобры.

Дети, оправившись от испуга, стояли рядом, наблюдая необычайное зрелище схватки между коброй и змееедом.

Птица схватила змею клювом за шею. Выполнить эту задачу было бы ей гораздо труднее, если бы дети не отвлекали на себя внимание кобры. Без этого змея была бы настороже.

Схватив с успехом кобру, птица поднялась почти по вертикали на высоту нескольких ярдов и затем, раскрыв клюв, дала гаду упасть на землю. Ее целью было оглушить противника. Правда, для этого ей следовало бы унести кобру значительно выше, но змея мешала полету, упорно стараясь обвиться вокруг крыльев змеееда.

Бросив наземь свою добычу, птица не осталась в воздухе. Нет, змееед камнем упал вслед за коброй и, едва та коснулась земли, впился когтями ей в шею. Но ни падение с высоты, ни этот последний прием не причинили змее заметного вреда. Она свернулась в кольцо и подняла высоко голову. Пасть ее была раскрыта во всю ширину, язык высунулся наружу, зубы устрашающе торчали, а глаза горели яростью. Она была, казалось, грозным противником, и с минуту секретарь так, видимо, и думал: он стоял на земле и с опаской поглядывал на гада.

Но вот, осмелев, птица стала - правда, очень осторожно - подбираться к кобре, готовясь возобновить нападение. Широко расправив и выставив вперед наподобие щита сильное свое крыло, она бочком подступала к змее, а потом, когда очутилась достаточно близко, вдруг круто повернулась, как на оси, на длинных своих ногах и резко ударила противника вторым крылом. Прием удался. Удар пришелся по голове и, очевидно, ошеломил кобру. Шея поникла, кольцо развернулось. Не дав змее оправиться, секретарь снова схватил ее клювом и унес в воздух.

На этот раз птица поднялась значительно выше, так как ничто теперь не затрудняло ее полета, и снова, как и в первый раз, выпустила змею, а затем ринулась вслед за нею.

Вторично упав на землю, кобра лежала, распростершись во всю длину, словно мертвая. Однако она была еще жива и приготовилась снова свернуться в кольцо. Но не успела она это сделать, как птица, повторяя прежний прием, вытянула в воздухе свою костлявую ногу и снова когтями "ущипнула" кобру за шею; затем, улучив мгновение, когда голова гада легла

плашмя на землю, она нанесла ему острым клювом такой сильный удар, что расколола надвое змеиный череп. Жизнь в кобре угасла; отвратительное тело, распростертое во всю длину, лежало на траве, обмякшее и неподвижное.

Ян и Трейи с радостным криком захлопали в ладоши. Змееед, не устаивая зрителей никакого внимания, подошел к мертвой кобре, склонился над ней и хладнокровно принялся за свой обед.

Глава XLV

ТОТТИ И ПАВИАНЫ

Ван Блоом и его семья уже несколько месяцев обходились без хлеба. Впрочем, у них было чем его заменить, так как различные корни и орехи вносили в их пищу известное разнообразие. Они выкапывали земляной, или, иначе, свиной, орех, который растет по всей Южной Африке, составляя основную пищу туземца. Из овощей у них было несколько сортов клубней, были плоды бушменской фиги. Далее был у них кафрский хлеб - мякоть, добываемая из стеблей некоторых видов замии; был кафрский каштан и, наконец, далеко не последнюю роль играли огромные корни "слоновой ноги". Имелись также в их распоряжении дикие лук и чеснок, а клубни красивого водяного растения апоногетона, богатые крахмалом, с успехом заменяли спаржу.

Все эти корни, клубни и плоды можно было найти в окрестностях, и никто лучше Черныша не знал, как их разыскать и приготовить. Да и неудивительно: ведь Чернышу в его молодые годы нередко приходилось по многу недель, а то и месяцев питаться одними корнями.

Но пусть эти дары природы имелись вокруг в любом количестве - они лишь слабо заменяли нашим охотникам хлеб. Ван Блоом и его дети сильно скучали по той еде, которая зовется обычно основой жизни, хотя в Южной Африке, где целые племена живут исключительно охотой, питаются мясом убитых животных, едва ли можно применить к хлебу такое наименование.

Хлеб они должны были получить - и довольно скоро. Покидая свой старый крааль, они прихватили с собою небольшой мешок кукурузного зерна последние остатки от прошлогоднего урожая. Всего-то было там с бушель, но и этого должно было хватить на посев; при тщательном уходе бушель зерна превращается во много бушелей.

Кукурузу посеяли вскоре после того, как семья обосновалась на новом месте. В нескольких ярдах от гостеприимной нваны был выбран клочок плодородной земли. За неимением плуга, землю вскопали лопатой и посадили семена, как в огороде: на правильных расстояниях.

Немало часов труда было отдано прополке и окучиванию. Каждое зернышко обкладывали горкой рыхлой земли, чтобы она питала корень и защищала его от знойного солнца. Время от времени всходы даже поливали.

Отчасти благодаря такому уходу, отчасти же благодаря плодородию целинной почвы кукуруза уродилась на славу. Стебли поднимались на все двенадцать футов высоты, и каждая метелка достигала в длину чуть ли не фута. Кукуруза уже почти созрела, и ван Блоом собирался через неделю, другую приступить к жатве.

И сам он и его домашние радостно предвкушали роскошный пир, на котором будут поданы хлеб, мамалыга, молочное пюре и разные другие блюда, приготовленные искусницей Тотти из индийского зерна.

Тут произошел случай, который едва ли не лишил их не только всех надежд, связанных с посевом кукурузы, но и самой незаменимой их домоправительницы. Вот как это случилось.

Тотти находилась на своем помосте под ветвями нваны, откуда можно было видеть и маленькое хлебное поле, и открывавшуюся за ним широкую равнину вплоть до подножия утесов. Готтентотка хлопотала "по дому", когда ее внимание привлек странный шум, донесшийся с поля. Тотти раздвинула ветви и посмотрела вниз. Удивительная картина

представилась ее глазам, необычайное зрелище!

Со стороны утесов надвигался большой отряд очень странных на вид животных, числом до двухсот, а то и больше. Это были неуклюжие создания, ростом и складом напоминавшие каких-то уродливых собак, а цветом зеленовато-бурые. Только морды и уши были у них черные, и притом безволосые, в то время как все тело их было покрыто жесткой, грубой шерстью. Высоко задирая длинные хвосты, они размахивали ими самым эксцентрическим образом.

Тотти нисколько не испугалась, она знала, что это за животные. Это были, конечно, павианы. Стая принадлежала к виду, известному под названием "свиномордый павиан", или "чакма"; в Южной Африке он встречается почти во всех местностях, где только есть высокие скалы с пещерами и гротами, излюбленным жильем павиана.

Из всего обезьяньего племени павианы, или собакоголовые, наиболее безобразны и мордой и складом тела. Кто не испытывал отвращения, глядя на омерзительного мандрила, дрилла, гамадрила или ту же чакму? А все они павианы.

Павиан - представитель чисто африканской фауны, и нам он известен в шести видах: североафриканский обыкновенный павиан; бабуин южного и восточного побережья; гамадрил, или, иначе, тартарэн, встречающийся в Абиссинии; гвинейские дрил и мандрил; и, наконец, чакма, обитательница Капской земли.

Повадки этих животных так же омерзительны, как и внешность. Павиана можно приручить и сделать из него домашнее животное, но он оказывается довольно опасным другом, так как склонен при малейшем раздражении укусить кормящую его руку.

Мощная мускулатура и развитые челюсти с длинными собачьими зубами придают павиану удивительную силу, которой он при случае пользуется. Никакая собака не справится с ним, и даже гиена и леопард часто терпят поражение в схватке с павианом.

Однако павиан не принадлежит к плотоядным животным и, разорвав врага на части, никогда его не поедает. Пищу павиана составляют плоды и корнеплоды, которые он отлично умеет выкапывать из земли острыми когтями своих рук.

Павиан никогда не нападает на человека, если тот его не трогает, но, если его травят, он быстро сам переходит в нападение и превращается в опасного противника.

Южноафриканские колонисты рассказывают много странных историй о чакме. Она, говорят, похищает у путешественников пищу, а потом, отбежав на приличное расстояние, дразнит их, пожирая награбленное у них на глазах. Туземцы уверяют, что иногда павиан пользуется палкой при ходьбе, при выкапывании корней, а также для самозащиты. Говорят еще, что, когда молодому павиану удастся отыскать лакомый корешок, другой, постарше и посильней, увидев это, нередко отбивает у него добычу, а случись молодому уже проглотить лакомство, забияка хватает его за шею, пригибает ему голову к земле и трясет нещадно до тех пор, пока тот не изрыгнет проглоченное. Много подобных рассказов ходит в Капской колонии, и они не совсем лишены основания, так как павиан, несомненно, в высокой степени одарен способностью мышления.

Тотти со своей вышки могла бы легко убедиться в этом, если бы она сама имела склонность к умозрительным обобщениям. Но Тотти не любила философствовать. Просто ее забавляли смешные ухватки обезьян, и она зазвала Треи и Яна на дерево, чтобы и дети могли вместе с ней развлечься любопытным зрелищем. Старшие отправились все на охоту.

Ян пришел в восторг и тотчас взбежал по лестнице на площадку. Треи последовала примеру брата, и все трое стали рядышком, наблюдая за странными движениями четвероруких тварей.

Они заметили, что толпа продвигается в определенном порядке: не шеренгой, но все же своим установленным строем. С правого и левого крыла шли разведчики, а в авангарде - вожаки. Вожакими шли павианы постарше и покрупнее остальных. Животные обменивались окриками и сигналами, и смена их интонаций убедила бы всякого, что между ними ведется настоящий разговор. Самки и полувзрослые самцы для большей безопасности шли в середине. Матери несли детенышей за спиной или же на плечах. По временам та или иная

мать останавливалась покормить своего младенца и приглаживала ему волосы, пока он сосал, а потом галопом бежала вперед, наверстывая потерянное время. Порой можно было видеть, как иная бьет детеныша в наказание за какую-то провинность. Нередко две молодые самки затевали ссору из ревности или по другой причине, и тогда поднимался отчаянный галдеж, не смолкавший, пока кто-нибудь из вожаков громким, угрожающим лаем не приказывал им утомиться.

Так они продвигались по равнине, болтая, повизгивая и лая, как умеют только обезьяны.

Что им было нужно? Это выяснилось очень скоро. Трейи, Ян и Тотти увидели, к своему великому ужасу, что павианы пустились в поход не зря. Целью их похода была кукуруза.

Через несколько минут большая часть отряда уже вступила на поле и скрылась из глаз, утонув среди высоких стеблей и широких листьев кукурузы. Осталось на виду только несколько - и это были старые, рослые павианы; они встали на страже и непрерывно обменивались сигналами. Остальные уже обрывали драгоценные метелки.

Но странная картина представилась глазам при взгляде вдаль, за кукурузное поле. До самого подножия гор, выстроившись на равных промежутках друг от друга, тянулась шеренга павианов. Их планомерно оставляли на посту, по мере того как отряд, пересекая равнину, совершал свой путь к полю. С какой же целью?

Это тоже скоро разъяснилось. Через две минуты, не больше, едва только вся толпа утонула в зеленой гуще растений, над нивой замельтешили, перелетая в сторону шеренги, длинные початки в белесой обертке, словно кидаемые рукой человека. Павиан, стоявший во главе шеренги, мгновенно подхватывал их и перебрасывал второму, второй перебрасывал третьему, третий - четвертому, и так далее, пока сорванный со стебля початок за самый короткий срок не передавался таким путем прямо в "кладовую" павианов, далеко в горах.

Если бы эта дружная работа продлилась немного дольше, ван Блоому пришлось бы удовлетвориться в день сбора довольно скудным урожаем. Павианы считали, что кукуруза достаточно созрела, и быстро управились бы с жатвой, но тут их операциям был положен неожиданный конец.

Тотти и сама не знала, какой подвергалась опасности, когда выскочила прогнать несметную свору обезьян, вооруженная всего-навсего метлой. Девушка думала только об убытке, угрожавшем семье, и вот она опрометью сбежала по лестнице и бросилась прямо к кукурузному полю.

На краю поля ее встретили несколько часовых; они тараторили, корчили рожи, лаяли, визжали, скалили длинные собачьи зубы, но в ответ получали только удары метлой, которые щедро посыпались на их безобразные морды. На крик часовых сбежались другие. Через несколько минут несчастная готтентотка очутилась одна в кругу разъяренных обезьян, и только метла, управляемая ловкой рукой, мешала чакмам наброситься на девушку.

Но это легкое оружие недолго могло служить защитой, и Тотти неминуемо была бы растерзана в клочья, если бы в ту минуту не подоспели ей на выручку четыре всадника верхом на кваггах.

Это были возвращавшиеся домой охотники. Дружный залп из трех ружей тотчас разогнал обезьян и обратил их в бегство. Чакмы с ревом бросились к своим пещерам. После этого случая ван Блоом бдительно охранял свое поле, пока кукуруза не созрела; наконец урожай был собран, снесен в дом и помещен в такое место, где до него не могли добраться ни птицы, ни гады, ни четвероногие, ни даже четверорукие воры.

Глава XLVI

КААМА И ДИКИЕ СОБАКИ

С тех пор как удалось объездить квагг, охота шла довольно успешно. Каждую неделю к коллекции прибавлялось по паре бивней, а то и по две и по три пары, и вскоре у подножия нваны выросла небольшая пирамида слоновой кости.

Ван Блум, однако, был не совсем удовлетворен своим успехом. Он считал, что пирамида росла бы значительно быстрее, будь у него собаки.

Квагги честно служили охотникам, и верхом на них всадникам много раз удавалось догнать слона, но столько же раз их большая дичь уходила от них; и, надо сказать, упустить слона куда легче, чем думают, вероятно, большинство читателей.

Вот если б использовать в охоте собак, дело приняло бы совсем другой оборот! Правда, собаки не в силах повалить слона или причинить ему хотя бы малейший вред, но зато они могут следовать за ним повсюду и назойливым лаем принудить его остановиться.

Вторая ценная услуга, оказываемая собаками, заключается в том, что они отвлекают внимание слона от охотника. Четвероногий исполин, приведенный в ярость, становится, как мы уже видели, крайне опасен. В таких случаях он кидается на шумливых собак, принимая их за подлинных своих преследователей, и тут охотник получает возможность спокойно прицелиться, избежав непосредственной встречи со слоном.

Между тем за последнее время наши охотники не раз шли на смертельный риск. Их квагги не были так увертливы и послушны узде, как лошадь, и это усугубляло опасность. Не тот, так другой из них мог в недобрый час пасть жертвой взбешенного животного. Такие мысли не на шутку тревожили ван Блоома. Он с готовностью выменял бы несколько бивней на собак - по бивню за штуку, будь то хоть самые последние дворняги. Сказать по правде, порода роли не играла. Сошла бы любая собака, лишь бы она могла бежать за слоном по пятам и донимать его лаем.

Обдумывая свой замысел, ван Блум сидел однажды на нване. Он расположился на сторожевой вышке, устроенной на самой вершине, откуда открывалась взору вся окрестность. Это было его любимое местечко, так сказать, его "курильная комната", куда он каждый вечер удалялся пососать на досуге свою пенковую трубку. Лицо его обращено было к степи, простиравшейся от границы кустарников в недоступную глазу даль.

Он спокойно следил за кольцами дыма, когда вдруг его внимание привлекли странные животные, пасшиеся поодаль в степи. Ему бросилась в глаза яркая окраска их шерсти.

На спине и на боках она была огненно-рыжая, цвета жженой сиены, а снизу белая; ноги же с наружной стороны были тронуты черным мазком, вокруг глаз были белые кольца такого правильного рисунка, точно их нанесла кисть художника. Рога были у них очень неправильной формы; узловатые, изогнутые, поднимались они над макушкой угловатой, вытянутой головы, какую, думается, не увидишь больше ни у одного животного. Телосложение их было далеко не изящно. Задняя часть туловища шла наклонно вниз, как у жирафа, но не так резко, а на сильно приподнятых плечах торчала длинная и сплюснутая с боков голова. Каждое животное было почти в пять футов ростом, считая от переднего копыта до плеча, и не менее девяти футов в длину.

Они, конечно, принадлежали к антилопам - к тому виду, который известен среди капских колонистов под именем "костлявый бык", или "каама". Всего их было в стаде голов пятьдесят.

Когда ван Блум их заметил, каамы мирно пощипывали траву в степи. Но секундой позже они беспокойно заметались взад и вперед, как будто всполошенные приближением врага.

И действительно, враг не замедлил объявиться. Еще через секунду стадо дружно снялось с места, и тут ван Блум увидел, что за каамами гонится свора гончих! Я говорю "свора гончих", так как издали эти новые животные больше всего походили именно на гончих. Нет, не только походили - это действительно были гончие, дикие гончие.

Ван Блум, конечно, понял, что это за звери. Он признал в них сразу тех гиеновых собак, которым ученые-зоологи на своей замысловатой латыни дали нелепое имя "гиена-охотница"; другие столь же нелепо зовут их "собака-охотница". Я объявляю эти имена нелепыми, во-первых, потому, что животное, которому они даны, столько же похоже на гиену, сколько, скажем, на ежа; а во-вторых, потому, что чуть ли не всякая собака вправе именоваться охотницей.

Почему, спрошу я теперь, господа ученые не желают принять то название, которое дали животному буры? Если можно придумать лучшее, пусть мне его сообщат. Право же, "дикая гончая" - превосходное название, подсказанное бурам их повседневными наблюдениями и в точности определяющее характер животного.

Назвать красавицу гончую гиеной - значит беззастенчиво оклеветать ее. Она не отличается ни уродливым телосложением гиены, ни жесткой шерстью, ни тусклой ее окраской, и ей не свойственны мерзкие повадки этого хищника. Назовите ее хоть волком, хоть дикой собакой, если вам угодно, но тогда она красивейший в мире волк, красивейшая дикая собака. А мы уж будем называть ее тем именем, которое дали ей буры, то есть "дикая гончая".

Это самое верное наименование, в какой бы разряд ни зачислили ее зоологи.

Она действительно несколько напоминает гончую ростом, сложением, гладкой, чистой шерстью, а также мастью: это смесь белого, черного и беловато-желтого цветов, разная у разных особей. Как у всех диких видов собак, длинные уши у нее, конечно, не висят, а стоят торчком.

Сходство довершают ее повадки. В своем естественном состоянии дикая гончая никогда не рыщет одна. Она смело травит дичь, преследуя ее большой, слаженной стаей, совсем как наши охотничьи гончие, и в облаве свора диких гончих проявляет столько же искусства, как если бы опытный егерь скакал за ними на коне, направляя их своим рожком и арапником.

Ван Блоому посчастливилось сейчас убедиться воочию в прирожденном искусстве диких гончих.

Гончие налетели на стадо каам совершенно неожиданно. Почти с первой же минуты одна из антилоп отбилась от стада и побежала в обратную сторону. Этого только и ждали хитрые собаки. Бросив стадо, они всей стаей погнались за одинокой каамой и бежали за ней неотступно. Надо сказать, что костлявый бык, хоть и сложен довольно несуразно, не уступает в беге даже самым быстрым антилопам, и дикая гончая может его догнать только после упорной травли. Точнее говоря, она вовсе не могла бы догнать его, если бы это зависело только от сравнительной быстроты их бега. Но дело не в одной лишь скорости. Быку не хватает выдержки, а гончая очень хитра.

Каама, когда ее травят, бежит по прямой, но не придерживается подолгу раз принятого направления. Время от времени она подается то в одну сторону, то в другую, руководствуясь, может быть, поверхностью почвы или же другими обстоятельствами. Такое поведение составляет ее слабость. Гончая только того и ждет и тотчас обращает это в свою пользу ловким маневром, который словно свидетельствует о сознательном расчете с ее стороны.

Ван Блоом, наблюдая облаву, мог убедиться в редкой сообразительности диких гончих. Со своей вышки он прекрасно видел всю сцену, и от глаз его не ускользнуло ни одно движение ни преследуемого, ни преследователя.

Отделившись от стада, антилопа помчалась по прямой. Гончие понеслись за ней. Однако не покрыла она и полсотни ярдов, как Ван Блоом заметил, что одна гончая норовит вырваться из стаи и вскоре действительно опередила остальных. Конечно, она могла быть самой быстрой в стае, однако охотник полагал, что дело тут в другом. Собака, думалось ему, просто "наддала" как будто высланная вперед загонять дичь, пока прочие приберегают силу. Так и оказалось. Отчаянным усилием собаке удалось почти нагнать костлявого быка и тем заставить его свернуть немного в сторону. Стая, заметив это, в тот же миг изменила курс и понеслась наискосок, словно норовя обогнать антилопу, забежать вперед. Таким путем гончим удалось срезать крюк, проделанный и каамой и их товаркой.

Каама неслась теперь в новом направлении, и, как раньше, одна из гончих вырвалась из стаи и помчалась во всю прыть. Первый же загонщик, как только антилопа свернула с пути, умерил свой бег, присоединился к стае и теперь плелся в хвосте. Он исполнил свой долг, очередь была за другими.

Снова каама изменила направление. Стая опять перебежала наискосок, срезая угол; выступил новый загонщик и со свежими силами повел травлю дальше. Гончие на бегу заливались пронзительным лаем. Хитрые собаки несколько раз повторили этот маневр, пока не достигли желанного результата: антилопа окончательно выбилась из сил. Тогда, точно почувствовав, что животное в их полной власти и что стратегия больше не нужна, вся стая одновременно ринулась вперед, быстро настигая свою жертву. Каама сделала последнюю отчаянную попытку уйти, но, видя, что ноги ее не спасут, неожиданно повернулась и приготовилась встретить нападение. С губ ее падала пена, красные глаза искрились, словно горящие угли. Еще мгновение - и гончие тесным кольцом сомкнулись вокруг нее.

- Великолепная свора! - воскликнул ван Блум. - Вот бы мне такую!.. Стой! - добавил он, пораженный новой мыслью. - У меня она будет! Почему бы и нет? Будет! В точности такая!

Вот каков был ход его мыслей. Дикую гончую можно приручить и натаскать для охоты, - а для охоты на слона даже легче, чем для всякой другой. Что это можно сделать, он знал по опыту других буров-охотников. Правда, собак надо взять еще щенятами, а отобрать детеныша у дикой гончей не так-то просто. Пока щенок не научится хорошенько бегать, мать не позволяет ему уходить далеко от логова, где она ощенилась, а логово это обычно представляет собой какую-нибудь щель в скале, неприступной для человека. Каким же образом раздобыть выводок щенят? А ван Блум уже твердо решил раздобыть их. Где его найти, собачье логово?

Тут размышления ван Блума были прерваны неожиданным обстоятельством. Поведение собак, совершенно необычное, дало наблюдателю новое доказательство их ума - и такое, что охотника точно молния озарила.

Когда каама остановилась, а гончие побежали к ней, ван Блум, разумеется, ожидал, что сейчас они кинутся на свою жертву и повалят ее наземь. Он знал, что так они поступают обычно. Каково же было его удивление, когда он увидел, что вся стая отошла в сторону, как будто решив оставить антилопу в покое. Некоторые даже легли отдохнуть; другие стояли, разинув пасть и высунув язык, но отнюдь не показывали намерения броситься на затравленную дичь.

Ван Блум мог отлично наблюдать все происходившее, так как антилопа стояла ближе к нему - то есть между нваной и грядой скал, а гончие столпились поодаль на равнине. Другим удивившим его обстоятельством было то, что собаки, нагнав и окружив кааму, затем нарочно отступили назад к теперешней своей позиции.

Что все это значило? Уж не боялись ли они ее уродливых рогов? Или они собирались с силами перед кровавой расправой? Охотник не сводил глаз с любопытной группы.

Антилопа отдышалась немного и, видя, что стая далеко, снова пустилась бежать. Теперь она взяла вбок, направляясь, по-видимому, к лежавшему в той стороне холму, на склонах которого она, должно быть, рассчитывала обогнать собак. Но только она снялась с места, как те понеслись за ней. Пробежав с четверть мили, они снова заставили ее остановиться. И опять стая отступила на изрядное расстояние, а каама оказалась одна посреди открытого поля. Она снова попыталась спастись бегством и помчалась из последних сил. но гончие по-прежнему погнались за ней по пятам.

На этот раз антилопа повела преследователей в новом направлении, облюбовав издали один утес, и, так как гон прошел совсем близко от нваны, все обитатели воздушного жилища могли прекрасно наблюдать за происходящим.

Каама бежала, казалось, быстрее, чем раньше, или, во всяком случае, собаки теперь не нагоняли ее; ван Блум, а с ним и его сыновья уже надеялись, что несчастному животному удастся уйти от неутомимых преследователей.

Охотники следили за травлей, пока могли различить вдалеке яркое тело каамы, желтым пятнышком мелькавшее на фоне скал; собак же и вовсе не было видно. Потом и желтое пятнышко внезапно исчезло - точно погасла вдалеке свеча, и больше они его не видели. Антилопу, несомненно, повалили.

Странное подозрение зародилось тогда у ван Блоома, и, приказав Гансу и Гендрику оседлать квагг, он поскакал с мальчиками к тому месту, где в последний раз промелькнула каама.

Они подъезжали осторожно, и под прикрытием кустов им удалось подобраться незамеченными на расстояние двухсот ярдов. Поразительное зрелище вознаградило их за труды. Ярдах в десяти от утеса лежало тело каамы, в том месте, где ее повалили собаки. Оно было уже наполовину съедено, но не собаками, затравившими антилопу, а их щенятами всех возрастов. Их толпилось сейчас с полсотни вокруг трупы, они рвали мясо с костей и огрызались друг на друга. Взрослые собаки, принимавшие участие в гоне, лежали тут же на траве, еще запыхавшиеся от быстрого бега, но большинство попрятались, конечно, в многочисленных пещерах и расселинах, черневших у подножия скал.

Итак, странный факт был налицо, и сомневаться в нем не приходилось: дикие гончие планомерной травлей загнали кааму к своим логовам, чтобы накормить щенят, и не стали убивать ее среди поля, чтобы не пришлось тащить потом добычу издалека!

В самом деле, эти звери не в силах пронести громоздкую ношу на сколько-нибудь значительное расстояние, и вот поразительный инстинкт побуждает их пригонять антилопу прямо туда, где требуется ее мясо.

Кости и рога больших антилоп различных пород, сплошь усеявшие землю вокруг пещер, свидетельствовали о том, что дикие гончие поступали так уже не в первый раз.

Ван Блум высмотрел щенят помоложе и вместе с сыновьями бросился было к ним. Но безуспешно! Хитрые, как их отцы и матери, малыши, едва завидев незваных гостей, оставили вкусный обед и разбежались по своим пещерам. Однако они были не настолько хитры, чтобы избежать ловушек, которые охотники расставляли для них изо дня в день. Не прошло и недели, как дюжина щенят была благополучно водворена в конуру, нарочно построенную для них под сенью исполинской нваны.

* * *

Щенята подросли, и через пять-шесть месяцев наши герои стали брать некоторых из них с собою на охоту и приучили их травить слона. Прирученные дикие собаки исполняли эту задачу с отвагой и искусством, какого только можно ожидать от самых чистокровных гончих.

Глава XLVII ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько лет ван Блум вел жизнь охотника на слонов. Несколько лет исполинская нвана служила ему домом, где он жил, не зная иного общества, кроме своих детей и слуг. И все же эти годы не были для бывшего повстанца самой мрачной порой его жизни, так как все это время и он и его семья наслаждались ценнейшим из благ - добрым здоровьем.

Он не дал детям вырасти без образования. Он не позволил им превратиться в дикарей. Он многому учил их по книге природы - многим вещам, какие можно усвоить в пустынных степях не хуже, чем в университете. Он заронил в их души добрые семена, воспитал их в благородных понятиях о чести и нравственности, без чего самое высшее образование не стоит и гроша. Он привил им любовь к труду и научил полагаться во всем на самих себя, познакомил их со многими достижениями современной культуры, чтобы они, вернувшись в цивилизованное общество, оказались на уровне его требований. В общем, годы изгнания, проведенные в гостеприимной пустыне, не оказались в его жизни пробелом. Он вспоминал о них с удовлетворением и благодарностью.

Человек, однако, создан для общества. Человеческое сердце, если оно не извращено, тянется к другому человеческому сердцу; и ум, в особенности развитой, отшлифованный образованием, ищет обмена мыслями, стремится к общественности, а вырванный из своей

среды всегда тоскует по ней.

Так было и с ван Блоомом. Его влекло вновь вернуться в круг образованных людей. Тянуло вновь навестить те края, где долгие годы жил он так мирно и счастливо; влекло поселиться вновь среди бывших своих друзей и знакомых, в живописных окрестностях Грааф-Рейнета. Да и в самом деле, бесцельно было бы теперь оставаться в диком воздушном жилище среди нелюдимой степи. Правда, он сильно пристрастился к вольной охотничьей жизни, но в дальнейшем она не обещала выгод. Слоны ушли из окрестностей лагеря, и уже не сыскать было ни одного на двадцать миль вокруг; они близко познакомились с опасным характером огнестрельного оружия и отлично знали теперь, что несет им гулкий раскат выстрела из громобоя. Они поняли, что из всех врагов самый грозный - человек; и они так страшились его соседства, что охотники нередко неделями не встречали ни одного слона.

Но ван Блоома это уже не тревожило. Иные заботы занимали его, и он несколько не опечалился бы, если бы узнал, что не выследит больше ни одного четвероногого великана.

Вернуться в Грааф-Рейнет и поселиться там - вот что стало главным его желанием.

Наступило наконец время, когда он получил возможность осуществить свою мечту, и, казалось, ничто теперь не стояло ему поперек пути.

Судебный приговор в отношении его был давно отменен. Правительство объявило полную амнистию, и ван Блоом среди прочих был восстановлен в правах.

Правда, конфискованного имущества ему не возвратили; но это уже не имело для бывшего повстанца особого значения. Он создал новую основу своего благосостояния, как о том свидетельствовала большая пирамида слоновой кости, высившаяся под сенью исполинской пивницы.

Оставалось только довести эту слоновую кость до рынка - и она превратится в ферму, пашню, скот.

Изобретательная мысль ван Блоома нашла способ доставить ее на рынок.

Охотники вырыли еще одну яму-западню у горного прохода, и в нее попало много квагг; затем опять пошли сцены укрощения.

Нелегко это далось - сломить строптивый нрав диких скакунов, приучить их к хомуту и вожжам и, наконец, впрячь в повозку.

Все же после долгих усилий квагг объездили, пользуясь для обучения поставленным на старые колеса примитивным подобием телеги. И вот наконец кузов фургона спустили с дерева, и снова свел он дружбу со старыми своими товарищами - колесами; а парусиновый верх взял все сооружение под свою защитную сень; и погрузили в фургон желто-белые полумесяцы слоновой кости; и впрягли квагг; и Черныш взобрался на козлы, защелкал снова длинным бамбуковым кнутом; и колеса, обильно смазанные слоновьим жиром, снова весело завертелись на осях!

Как удивились добрые жители Грааф-Рейнета, когда в одно прекрасное утро крытый фургон, запряженный двенадцатью кваггами, а за ним четыре всадника верхом на таких же необычайных конях показались на главной площади их городка! Как изумились они, увидав, что фургон битком набит слоновой костью - весь, за исключением одного уголка, где сидит прелестная девочка с румянцем во всю щеку и мягкими льняными волосами! И как они искренне обрадовались, когда узнали, что владелец этой слоновой кости и отец прелестной девочки не кто иной, как старый их друг и уважаемый согражданин, один из героев восстания - бывший фельдкорнет ван Блоом.

Но не только теплый прием ожидал охотника на людной площади Грааф-Рейнета он нашел здесь готовый рынок для своего товара.

В тот год слоновая кость продавалась по необычайно высокой цене: в европейских странах вошел в моду и в обиход какой-то предмет - не припомню, какой, - главная часть которого выделывалась из чистой слоновой кости, что и обусловило повышенный спрос на нее. Для вернувшегося охотника это явилось счастливым обстоятельством, позволившим ему сбыть товар за наличные деньги и по хорошей цене: слоновая кость дала ему сумму, почти вдвое превышавшую его расчеты.

Ван Блум, конечно, не мог захватить с собою сразу все свое богатство, так как бивней было столько, что никакой фургон не забрал бы их в один прием. Половину пришлось оставить, упрятав поблизости от нваны, и предстояло еще съездить туда за второй партией.

Когда подошло для этого время, ван Блум отправился в путь и, благополучно доставив в Грааф-Рейнет свой товар, сдал его оптовикам, закупившим у него вперед всю партию. Теперь у него было целое состояние, и притом наличными деньгами. Ван Блум снова стал богатым человеком.

На этом мы закончим его историю, добавив только, что успешная охота дала ему возможность выкупить старое свое имение и поставить в нем образцовое хозяйство, заведя лучшие породы лошадей, коров и овец; что ферма его процветала и он пользовался в обществе большим почетом; что и правительство вернуло ему свое доверие и, восстановив его сперва на прежней должности фельдкорнета, выдвинуло его вскоре на пост ланддроста, то есть главного должностного лица по округу.

Ганс вернулся к прерванным занятиям в колледже, а запальчивый Гендрик получил доступ к профессии, к которой питал наибольшую склонность, и был записан корнетом в полк капских конных стрелков.

Маленького Яна отправили в школу учиться грамматике и географии, между тем как прелестная Трейи осталась при отце - украшать своим присутствием его почтенный дом и присматривать за хозяйством.

Тотти по-прежнему царствовала на кухне, а Черныш занял, конечно, в доме важное положение и еще долгие годы пощелкивал своим длинным кнутом, погоняя длиннорогих волов богатого ланддроста.

Но, пожалуй, довольно на этот год - довольно с нас пока и этих приключений. Будем надеяться, юные мои читатели, что, прежде чем мы с вами еще раз обернемся вокруг солнца, мы совершим новую поездку в страну буров и встретимся опять с достойным ван Блоомом, с его бушменом и с его "лесными ребятами".

К О Н Е Ц

Набрано: 10.11.1998 02:25

Коррекция:

1 На английском языке слово "бур" (boor) означает "мужик", "деревенщина".

2 Фельдкорнет - начальник бурского конного ополчения, созывавшегося в случае военной опасности или для набега на негритянские территории.

3 Ли (англ. Leigh) - приморский город в северо-западной Англии.

4 Бушель - мера сыпучих тел: содержит около 36,3 литра.

5 Диссельбом (гол.) - дышло.

6 Тректоу (гол.) - гуж.

7 Фоорслаг (гол.) - бич.

8 Тантал - в древнегреческих преданиях преступный сын Зевса, брошенный богами в подземное царство. Он стоял по горло в воде но вода убегала, когда он хотел напиться, и он не мог дотянуться до плодов, висевших над его головой.

9 Бюффон Жорж Луи Леклерк де (1707-1788) - знаменитый французский ученый и писатель, автор тридцатитомного труда о жизни животных, изложенного в яркой и остроумной форме.

10 Бедламом назывался известный дом для умалишенных в Лондоне.

11 Квагга и дау (или бурчеллиева лошадь) - дикие животные из семейства лошадиных, близкие к зебре.

12 Дальше некуда (лат.).

13 Английский фунт - около 454 граммов.

14 По общепринятой классификации, к семейству лошадиных причисляют несколько ископаемых родов и один ныне существующий род - лошадь; этот род разделяют на два

подрода: собственно лошадей и ослов.